

ლიტერატურა

ტრუჰია

5

1976

ДА ЗДРАВСТВУЕТ

МАЯ

— ДЕНЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ
СОЛИДАРНОСТИ ТРУДЯЩИХСЯ
В БОРЬБЕ ПРОТИВ ИМПЕРИА-
ЛИЗМА, ЗА МИР, ДЕМОКРАТИЮ
И СОЦИАЛИЗМ!

(Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1976 года)

Нодар ГУРЕШИДЗЕ

Весна

Ночью от сна пробудил меня взрыв —
Тысячи взрывов, мильоны!

Я вздрогнул

Вместе с планетой,
с собой ощутив,
Что мирозданье сменило дорогу.

Как никогда, был петух голосист
Утром,
и вспенились реки,

и — дивно:

Птиц завозившихся гомон и свист,
Сталкиваясь, заглушали лавины.

Солнце — в душе уничтожило мрак,
Тело взбодрилось

и кровь забурилла,

Переменилась округа —
да так,

Словно все прежнее
было, да — сплыло.

Камни — и те улыбаться могли б,
Яркого неба завидя одежды,
Солнце расщедрилось:

каждому — нибд

И еще больше — мечты и надежды.

Ночью не зря пробудил меня взрыв —
Тысячи взрывов, мильоны!

Я вздрогнул

Вместе с планетой,
нутром ощутив,
Что мирозданье сменило дорогу.

И хоть в ту ночь молчаливы, как гроб,
Были сейсмографы,
взрыв не заметя,

Он
был мощнее
всех атомных бомб,
Всех водородных
и прочих на свете!

Землетрясения причина ясна
(Я и сейчас его вижу воочью):
Это —

взрывались весенние почки,
Ожили в пашне ночной — семена!

Перевод Леонида ТЕМИНА

Литературная Грузия

Ежемесячный
литературно-художественный
и
общественно-политический
журнал

Орган Союза писателей Грузии

5
МАЙ

19 Издательство 76
ЦК КП Грузии

Содержание:

VIII СЪЕЗДУ ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ	5
ХУДОЖНИК СЛОВА — АКТИВНЫЙ СТРОИТЕЛЬ ЖИЗНИ	6

ПОЭЗИЯ

НОДАР ГУРЕШИДЗЕ. Весна. Перевод Леонида Те- мина . . . . . 2-я стр. обложки.	
ЕЛЕНА НИКОЛАЕВСКАЯ. Рязань. «Волгой полнятся..»	8
ЮРИИ АЛЕКСАНДРОВ. Вечное братство. «Нарика- ла и Метехи..»	8
РЮРИК ТЕДЕТЫ. Размышление.	9
АЛЕКСЕЙ ЛАСУРИА. Моя вера. Перевод с абхазского Анисима Кронгауза	9
ФИКРЕТ САДЫГ. Пирсмани. Перевод с азербайджан- ского Аллы Ахундовой	10
ШМАВОН ТОРОСЯН. Мечтает человечество парить. Перевод с армянского Н. Кремневой	12
МИКЛАЙ КАЗАКОВ. Поэтам Грузии. Перевод с марий- ского Анатолия Воронова	12
УСЕНКУЛ ДЖУМАБАЕВ. Тбилиси. Перевод с киргиз- ского М. Ронкина	13
КАИРАТ ЖУМАГАЛИЕВ. Счастливая страна. Перевод с казахского Анатолия Преловского	76
АЛЕКСИ АБДУЛАЕВ. Отчизны символ. Перевод с лак- ского Сергея Поликарпова	79
АМИР МАХМУДОВ. Коммунист. Перевод с татарского Марьям Гадыевой	90

ПРОЗА

ВАНО УРДЖУМЕЛАШВИЛИ. Преображение. Роман. Продолжение. Перевод Маргариты Гржен- дзица	14
ТГИМУРАЗ МАГЛАПЕРИДЗЕ. Жажда. Роман. Пере- вод Нодара Тархнишвили	42
НОДАР ДУМБАДЗЕ. Мать. Рассказ. Перевод 3 у- раба Ахвледиани	57

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

ЛАДО ИАШВИЛИ. Трудные заботы Зестафони . . . 62

ПУБЛИЦИСТИКА

ИВАН БАБАЛАШВИЛИ. Школа интернационального
воспитания 67

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ШАЛВА ЧИЧУА. Рабочему классу—внимание писателей 72
ВЛАДИМИР ДЖИБУТИ. Могучее дыхание жизни . . 77
КСЕНИЯ СИХАРУЛИДЗЕ. Всегда в поиске 80

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

НАТАЛИЯ ЧХЕИДЗЕ. На стыке искусства и науки . . 82

ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. Первая встреча с Твардовским 86

ИСКУССТВО

СИМОН НАЦИАШВИЛИ. Слово о художнике . . . 89
НОНА ЭЛИЗБАРАШВИЛИ. Детям — настоящее ис-
кусство 91

В МИРЕ КНИГ

ИОСИФ МЕГРЕЛИДЗЕ. «На рубеже» 94
«ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ» 96

VIII СЪЕЗДУ ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Центральный Комитет Компартии Грузии горячо приветствует участников VIII съезда писателей Грузии, наших славных литераторов, и желает им плодотворной работы на благо и во славу многонациональной советской культуры!

Нынешний съезд писателей республики собрался в исторические дни, когда весь советский народ живет под большим впечатлением от исторических решений XXV съезда КПСС, их глубины и масштабности, когда весь наш народ уже приступил к решению величественных задач десятой пятилетки — пятилетки мира и созидания, эффективности и качества.

Грузинская советская литература за последние годы добилась значительных успехов. Созданы произведения, проникнутые высоким гражданским пафосом, в которых отображены самоотверженный труд героического советского народа по успешному выполнению заданий девятой пятилетки, борьба за мир, за счастливое будущее человечества, светлые идеалы ленинской дружбы народов.

Грузинская советская литература стала еще ближе к жизни, к трудовому народу, что выразилось в глубоком, социально-осмысленном анализе происходящих в нашем обществе процессов, все возрастающем влиянии художественного слова на жизнь, на идейное и эстетическое воспитание народа.

Сегодня писатель — это не просто летописец эпохи — он активный строитель жизни. Вместе с рабочим классом, колхозным крестьянством, трудовой интеллигенцией он является созидателем, активным участником великих преобразований, происходящих в экономике и культуре республики.

Единство национальных и интернациональных интересов — столь характерное качество грузинской советской литературы — за последние годы стало залогом еще более значительных успехов в деятельности литераторов.

Наши писатели хорошо понимают огромное общественно-политическое и воспитательное назначение художественного слова, возросшие идейно-эстетические запросы читателей, глубоко осознают задачи, поставленные перед литературой нашей партией.

Центральный Комитет Компартии Грузии выражает глубокую уверенность в том, что VIII съезд писателей республики наметит пути дальнейшего развития грузинской советской литературы.

Всегда с партией, всегда с народом — вот истинный смысл жизни советского писателя, его творческих устремлений.

Продолжайте и впредь идти по пути, начертанному нашей партией.

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГРУЗИИ**

ХУДОЖНИК СЛОВА— АКТИВНЫЙ СТРОИТЕЛЬ ЖИЗНИ

VIII съезд писателей Грузии

В ТЕЧЕНИЕ двух дней — 22 и 23 апреля — в зале заседаний Верховного Совета Грузинской ССР проходил очередной — VIII съезд писателей Грузии, где были подведены итоги пятилетней творческой деятельности литераторов республики, намечены пути дальнейшего развития литературного процесса в свете исторических решений XXV съезда КПСС. На основе этих решений докладчик и выступившие с содокладами проанализировали состояние грузинской литературы, сложившееся в период после VII съезда писателей Грузии, а также отдельных ее жанров. Исходя из требований сегодняшнего дня, из интересов будущего родной литературы, они определили задачи, стоящие перед ней в новой — десятой пятилетке. Задачи, которые писателям Грузии, так же как и художникам слова всей нашей многонациональной страны, надлежит решать вместе со всем советским народом, помогая нашим славным труженикам своими книгами воплощать в жизнь планы, намеченные XXV съездом КПСС.

Во вступительном слове старейшины грузинской литературы писателя-академика Д. Шенгелая, в отчетном докладе председателя правления Союза писателей Грузии Г. Абашидзе «Грузинская советская литература и ее задачи в свете решений XXV съезда КПСС», в содокладах о грузинской прозе, поэзии, драматургии, критике, детской и переводной литературе, прочитанных секретарями правления Союза писателей Грузии Б. Жгенти, И. Нонешвили, Н. Думбадзе, его первым секретарем Т. Буачидзе, поэтом М. Поцхишвили и писателем К. Лордкипанидзе, со всей определенностью была заявлена боевая позиция писателя — строителя жизни, активно вторгающегося во все сложности нашей сегодняшней действительности, советского писателя, являющегося верным помощником партии, слугой нашего народа.

На съезде были также заслушаны доклады ревизионной и мандатной комиссий.

Творческий настрой, критический пафос большинства ораторов, продиктованной заботой о дальнейшем развитии грузинской литературы, о чистоте родного языка, о совершенствовании методов организации и руководства литературным процессом, придал ходу съезда напряженный, деловой ритм, способствовавший сосредоточенной работе мысли каждого его участника.

Живой обмен мнениями участников прений, а их было около двадцати, способствовал выявлению самого насущного, важного в литературной жизни республики за прошедшие пять лет.

Один за другим поднимаются на трибуну писатели. Звучит их взволнованное слово. Председатель Союза писателей Абхазии И. Тарба, главный редактор журнала «Цискари» поэт Дж. Чарквиани, ответственный секретарь Юго-Осетинского отделения Союза писателей Грузии К. Маргиев, вице-президент Академии наук Грузии поэт-академик И. Абашидзе, писатель Р. Джапаридзе, редактор газеты «Литературули Сакартвело» писатель В. Челидзе, министр высшего и среднего специального образования Грузинской ССР, академик Академии наук Грузии Г. Джибладзе, главный редактор журнала «Литературная Грузия» Г. Цицишвили, директор государственного издательства «Сабчота Сакартвело» писатель Э. Маградзе, поэтесса Н. Киласония, критик Г. Гвердцители, директор издательства «Ганатлеба» поэт Х. Верулава, поэтесса М. Кахидзе, ответственный секретарь Аджарского отделения Союза писателей Грузии Ф. Халваши, ответственный секретарь Кутаисского отделения Союза писателей Грузии Д. Квициридзе, главный редактор альманаха «Критика» профессор Г. Мерквиладзе, председатель главной редакционной коллегии по делам художественного перевода и литературных взаимосвязей Союза писателей Грузии О. Нодия говорят о том, что их более всего заботит сегодня, выражают свою верность Коммунистической партии, родному народу. Только в этом видят они смысл своей жизни, своих творческих устремлений.

Съезд писателей — это серьезная, напряженная, ответственная работа. Но это еще и большое торжественное событие в культурной жизни республики, почетный форум, на котором также воздается должное заслугам и достижениям тружеников пера. Его участников приветствовали и желали им дальнейших успехов на благородном и трудном писательском поприще: от имени воинов Краснознаменного Закавказского военного округа — член Военного Совета, начальник Политуправления округа генерал-майор А. Оверчук, от имени творческих союзов республики и Театрального общества Грузии — первый секретарь правления Союза композиторов Грузии Г. Орджоникидзе, от имени тружеников сельского хозяйства республики — чаевод села Ахалшени Хелвачаурского района Н. Чинкадзе, от имени учителей — преподавательница грузинского языка и литературы 1-й экспериментальной средней школы г. Тбилиси Д. Лория, от имени делегации писательских организаций братских республик и правления Союза писателей СССР — секретарь правления Союза писателей СССР С. Сартаков.

На съезде с речью выступил первый секретарь ЦК Коммунистической партии Грузии товарищ Э. А. Шеварднадзе.

В день открытия съезда, предваряя его работу, секретарь ЦК КП Грузии В. Сирадзе зачитала приветствие Центрального Комитета КП Грузии VIII съезду писателей республики, встреченное горячими аплодисментами, а перед завершением его повестки дня с таким же воодушевлением участники писательского форума приняли письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, в котором заверяли его в своей готовности жить интересами советского общества, служить идеалам Коммунистической партии.

В первый день работы VIII съезда писателей Грузии, после единодушного избрания в почетный президиум Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичом Брежневым, а также рабочих органов съезда: президиума, секретариата, мандатной и редакционной комиссий, делегаты и гости почтили минутой молчания память скончавшихся писателей.

В тот же день был возложен венок с надписью «Великому Ленину от писателей Грузии» к памятнику великому вождю на площади его имени.

Книжная выставка, открытая в дни съезда, познакомила его участников с произведениями грузинских авторов, изданными в последние пять лет.

На съезде писателю К. Лордкипанидзе был вручен почетный диплом Министерства обороны СССР и памятный подарок — именной офицерский кортик — за создание лучшего произведения на военно-патриотическую тему в ознаменование 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Охватив большой круг проблем и вопросов съезд, в котором приняли участие заведующий отделом культуры ЦК КПСС В. Шауро, товарищи П. Гиладшвили, Ш. Кикнадзе, Т. Ментешашвили, З. Патаридзе, В. Сирадзе, Т. Мосацшвили, О. Черкезия, С. Хабеишвили, Ж. Шартава, признал работу правления Союза писателей Грузии удовлетворительной и принял соответствующую резолюцию.

В заключение был избран новый состав правления и ревизионной комиссии, делегаты на VI съезд писателей СССР.

Обсудивший организационные вопросы, первый пленум Союза писателей Грузии избрал секретариат и президиум правления во главе с председателем Г. Абашидзе, в составе первого секретаря Т. Буачидзе, секретарей Н. Думбадзе, Б. Жгенти и И. Нонешвили, а также председателя ревизионной комиссии М. Хидзе.

Исчерпав повестку дня своего VIII съезда, писатели Грузии, глубоко осознавая задачи, поставленные перед литературой нашей партией, преисполнены решимости и впредь идти по начертанному ею пути, быть активными строителями жизни.

Елена НИКОЛАЕВСКАЯ

Рязань

В небе — желтое пламя,
Синь — как сон наяву.
Я стою под ветрами,
Словно Спас-на-яру...
Даль сверкает сквозная,
Лист струится, звеня...
Никого здесь не знаю
И не знают меня.
Но хоть вольному — воля
На чужой стороне,
Все — недоля и доля —
Остается при мне.
Я стою на холодном,
На сквозящем ветру,
На высокоом, на лобном
Месте — как на миру,
На миру — и коль надо,
Так судите меня, —
На пиру листопада
Над круженьем огня,
На юру, где открыта
Настежь чистая даль,
Где от стужи защиту
Ты отыщешь едва ль...
Слышу довод знакомый:

— Погоди-ка, остынь!
Со своим-то законом
Да в чужой монастырь? —
Слышу, кто-то устало
— Со своим-то уставом
Повторяет свое:
Да в чужое житье? —
Никуда не вторгаюсь,
Никуда не вхожу:
Широтой восторгаюсь,
За листвою слежу...
Речка малая Трубезь
Делит даль как межей.
Объясни, если любишь:
Кто здесь свой, кто

Уходящая осень,
Отпылай и восстань!..
Речки острая просинь
Разрезает Рязань.

* * *

Волгой полнятся
Поймы, старицы...
Что-то помнится,
Что-то станет...
Мимо изб и рош —
Дали смерей-ка! —
Уплываем прочь,

Прочь от берега —
От нелепого,
От лукавого, —
Нет ни левого,
Нет ни правого,
Ни корявого
И ни ровного...
Нет ни правого,
Ни виновного...
Волга — верхняя,
Город — Нижний...
Слово верное:
Третий — лишний!
Только мыслимо ль
Знать, кто третий-то?..
...Вод бесчисленно
Волга встретила:
Светят вольные —
Поглядите же! —
Колокольнями
Града Китежа...
Вот и сзади все
Шлюзы — омуты.
Плачь ли, радуйся —
Скоро дома ты...
Все развеется.
Все забудется...
Много бредится —
Много ль сбудется?

Юрий АЛЕКСАНДРОВ

Вечное братство

Я вижу весь Тбилиси
С Давидовой горы,
А снеговые выси
Родят волну Куры...
Дыхание Кавказа
На берегу крутом —
Отчетливая фраза
О давнем и святом.
Стремнина под скалою
Сверкает и кипит,
Но крепко спит былое,
Как Чавчавадзе спит.
В гранитные доспехи

Одеты берега.
Не разбудить Метехи,
Как память ни долга...
Но небосвод распорот
Конструкцией стальной,
Что поднял новый город
Над новою страной.
Она превыше храма
Над нами вознеслась.
Но здесь легко и прямо
Видна с минувшим связь.
Илья и Грибоедов,
И светлый Николоз —
Живое братство дедов
Среди гвоздик и роз.
И ныне наше дело
Светло со всех сторон.
Прими же, Сакартвело,
Нижайший мой поклон!

* * *

Нарикала и Метехи,
Мшистый камень, мертвый
сон —
Удивительные вехи
Пройденных уже времен.
И пред ними я впервые,
Очарованный, стою,
Несмотря, как все живые,
Приобщась к небытию.
И, как бытие второе,
Здесь встают в огне зарп
Все скитальцы, все герои,
Грузии богатыри.
И стоит в небесной выси
Лоб Давидовой горы
Над родившейся в Тбилиси
Явью нынешней поры.

Рюрик ТЕДЕТЫ
(Юго-Осетинская АО)

Размышление

Окно я распахнул: на всем печать
Осенней беспросветной непогоды.
Гудит сиреной ветер — и спешат
Встревоженные небом пешеходы...

Вдали не видно гор — я не могу
Без вечных гор, без них я хмур и болен.
Но понял вдруг: они ушли во мглу —
В безмолвное и долгое подполье...

В папахе черной ураган — чабан
С отарой туч, барашков поднебесных.
Он их сюда пригнал из дальних стран
И здесь остановил у края бездны...

Сверкнула молния и грянул гром —
Начало дикого, отчаянного старта.
И небо как бескрайний ипподром:
Галоп коней и торжество азарта...

Вдруг стало тихо, глухо стало вдруг,
Погасли молнии, замолкли ветры.
Дыханье затаив, усталый мир вокруг
Ждет первых капель — и асфальт,
и ветви...

Окно закрыл я: разразился дождь,
Обрушился на мир без первых капель.
Бросают все в неистовую дрожь
Стократных молний кнут, копы и
скальпель...

И кажется: вот лягу и засну
Под шум дождя — он по душе мне
очень.

А утром рано, подойдя к окну,
Увижу снег и вмиг забуду осень...

Алексей ЛАСУРИА
(Абхазия)

Моя вера

Мусульманкой была
    моя мать,
Отец
    христианином был.
Мать
    неделю могла
        в рот воды не брать.
Отец
    горных серн
        ловил.
Земляки
    рассказывают до сих пор:
Между ними было
    немало ссор —
Мать
    свиней не хотела
        пускать во двор,
А отец
    бросал ей
        укор.
И хотя был отец
    не согласен с ней,
Когда она их продала,
Даже деньги,
    полученные за свиней,
В руки
    мать
        не брала.

Говорят,
    я — в отца.
        И значит,
            как он,
Как отец,
    христианин я.
Но в муках
    матерью я рожден —
Мусульманин,
    как мать моя.
Я—сын перевалов,
    в отца — джигит.
В сердце моем —
    простор,
Горной рекою
    во мне бурлит
Кровь
    человека гор.
Ночью усну,
    слышу—
        мать зовет
Песенкою
    во мгле.
Матери нежность
    во мне живет —
Облачком на скале.
Убеждаюсь я
    вновь и вновь

С сердцем наедине:
 Соединилась матери кровь
 С кровью отца во мне.
 Было две веры у них двоих.
 Дорог мне их пример.
 Но не унаследовал от них
 Я ни одной из вер.
 Впрочем, «неверующим Фомой»
 Прошу меня не считать.
 Верю я свято правде самой,
 Той, что одна, как мать.
 Верю я сохраняю ту,

Силу больших идей.
 Верую свято я в правоту
 Борьбы за счастье людей,
 В то, что злобное воронье
 Не бросит на землю тень,
 Верю я в поколение свое,
 Верю в завтрашний день.
 Вера моя не набор химер,
 В ней — будущего заря,
 Она светлей и верней всех вер,
 Которые знала земля.

Перевод Анисима КРОНГАУЗА

Фикрет САДЫГ
 (Азербайджан)

П и р о с м а н и

Как все художники,
 Он небо рисовал,
 И были голубыми небеса
 У Пиросмани,
 Вино — багровым.
 Но небо было у него
 одно —

Грузинское,
 Одно вино — багровым—
 Кахетинское.

Первый портрет,
 В первый раз
 Сделанный по заказу,
 Правдив до нахальства...
 Кто начинал
 С портретов начальства?!
 Не умеешь рисовать,
 Не берись!
 Не умеешь угождать,
 Брось-ка кисть!
 А художнику тоска:
 — Не могу!

Холст ли новый или
 доска—
 Не солгу!
 Если зеркало урод
 Разобьет,
 На осколках он — урод.
 Он все тот...
 На художника хула
 С трех сторон,
 А с четвертой он один,
 Как закон.
 И со всех амвонов:
 — Вон! Вон! Вон!

Сказки сказывай!
 А сказ не про нас.
 Эта сказка не с того
 Началась.
 Сказка старая,
 А новых — новой.
 Сказка та—о Пиросмани,
 И в ней:
 «Кто-то жил-поживал,
 Кто-то быть не бывал...»

А жил да был
 Крестьянин.
 Родился у крестьянина
 Сын.
 На седьмой день от роду
 Поднял сын крестьянский
 голову.

Поглядел на солнце,
 Видит:
 Из солнца
 И брызжет, и летяса
 Молоко материнское,
 Молоко вселенское.
 Что за дитя уродилось
 Дерзкое! —
 Солнце сосет.

Позвали священника.
 Старейшин сход.
 Говорят: «Чудо!».
 Говорят: «Пророк!
 В образе крестьянского
 сына...
 Ах, небесная сила!»

Высоко — солнце!
 Высоко значась,
 Оно не мерит:
 На что, мол, трачусь?
 А было б солнце
 Высокомерным,
 Оно не солнцем
 Было б, наверное...
 В зерне пшеничном
 И в винограде
 Оно обычно,
 Как все, задаром.
 В вине и хлебе
 Оно лучисто.
 И в этой жертве
 Все бескорыстно.
 Хмельной от солнца
 Ячменный солод,
 А Пиросмани
 Обходит город.
 У Пиросмани
 Солнечный голод.
 Но люди —
 Солнце
 На деньги мерят...
 От лавки к лавке,
 От двери к двери,
 По переулкам,
 По кабакам
 Ходил
 И солнце
 Он покупал.
 Хлеба горбушку —
 За солнца полушку,
 Вина стаканчик —
 За солнечный зайчик.
 За эту солнечную
 луковицу —

Другая —
 Солнечнее —
 Рисуется.
 За этот белый
 Овечий сыр —
 Овец рисует
 Крестьянский сын.
 Да, только солнце
 И только бедность
 Способны в жизни
 На эту щедрость!

Я знаю художника.
 У него
 Дом, любимая женщина,
 Мастерская.
 Его посещают
 Зарубежные гости.
 Ему присылают
 Колонковые кисти.
 Но, словно веревки,

Дынные дольки
 На его полотнах,
 Бесплотных...
 Ни кола ни двора,
 Ни пристанища
 Не было у Пиросмани.
 Он, гонимый
 Не за бродяжничество,
 За бродящее,
 Как вино, рисование,
 Краски замешивал
 На курной мутной
 воде,
 На своей и чужой беде.
 Солнечные лучи
 Были в кистях его,
 Не колонковые же
 хвосты!..

Скатерти мятые,
 Полотняные —
 Его холсты.
 Мастерские его —
 Духаны.
 Оттого, наверное,
 Занялось дыхание...
 Видел:
 Музей.
 Картина
 «На пиру трех князей»,
 Там три дынные
 Длинные дольки.
 Так вот взял бы
 И съел!
 Но, по сути,
 Дело не в этом только...

Однажды
 Стены подвала,
 Где ночевал Пиросмани,
 Луна, заглянув случайно,
 Тихо загрузовала.
 Ночь об этом не знала,
 Квартальный спал,
 Городовой, по-видимому,
 Прозевал...
 Тогда из домов, по
 улочкам,
 Из кабаков, по улочкам,
 Перелетая, как снег с
 куртин,

Поплыли к подвалу
 Краски картин,
 В стены подвала,
 Как иглы вонзаясь,
 Там оставались,
 Легко проявляясь.
 Белое к белому,
 Черное к черному, —
 Светотени всплывали.
 Персональная выставка

Картин Пиросмани
 Происходила
 Той ночью
 В квартале,
 В старом подвале.
 Выставка,
 О которой
 Не подозревали...
 Кто повесил
 Здесь эту картину?
 И эту? И ту?..
 В стены,
 Как в зеркало,
 Всматриваясь в темноту:
 — Кто это, кто это
 Нарисовал столько?
 Горько,
 Что мало света
 И на той и на этой.
 Сколько выпало света
 В его судьбе, —
 Столько и было
 На этой стене.
 Сколько жизнь
 По глазам ни хлестала,
 Жизнь глазами его —
 Предстала.

Как солнце,
 Что лучится
 И в хлебе
 И в вине,
 Как солнце,
 Бескорыстна
 Картина на стене.
 По кабакам блуждавший,
 Как солнце
 По углам,
 Ты, солнце рисовавший,
 Как солнце,
 Бродишь сам.
 По городам, не странник,
 Что голоден и сир,
 Художник Пиросмани
 Обходит снова
 Мир.

Как все художники,
 Он небо рисовал.
 И были голубыми
 Небеса
 У Пиросмани.
 Вино — багровым.
 Но небо было у него
 Одно — грузинское,
 Одно вино — багровым —
 Кахетинское.

Перевод Аллы АХУНДОВОЙ

Шмавон ТОРОСЯН
(Армения)

Мечтает человечество парить

Как высоко пронесит человечество
свой непокорный дух, что полон гнева
и недовольства бытием земным!
Когда стеснятся вновь в его душе
взрывные силы бунта — из ребра
оно себе подобных создаст,
свою мечту в творенье воплощает.
Плоть подарив ликующей мечте,
ее к высокой цели устремляет
и испытанье временем ведет.
Когда же вдруг попросит о пощаде
истерзанная муками мечта
и Дон-Кихот поднимет руки к небу,
то из другого своего ребра
ваяет человечество беспечность.
Да, он благоразумней и круглей,
и похитрей наивного собрата,

всегда готов одергивать его
в минуты сумасшедшего порыва.
По-своему он добр и даже мудр,
но так далек от неба и полета!
Что человечество ни делает — оно
творит мечту, воспитывает сына
великого паренья над собой.
И чем сильнее страх благоразумья,
тем раньше к цели вырвется оно,
неясной, но заветной и желанной.
Стремится человечество создать
двух близнецов смиренья и порыва,
чтоб круглый не мешал, а помогал
собрату в небо птицею подняться.
Мечтает человечество парить!

Перевод Н. КРЕМНЕВОЙ

Миклай КАЗАКОВ,
народный поэт Марийской АССР

Поэтам Грузии

Что со мною сегодня случилось,
Отгоняя от глаз моих сон? —
Иверийской Поэзии сила
Забрала меня в сладкий полон.
В небо Грузии мысль воспаряла,
И мечта набирала разбег:
Я уже — над ущельем Дарьяла,
Миновал седоголовый Казбек,
Вот река белопенная мчится,
Вот другая — уносятся вдаль,
Позади уже озеро Рица
Просверкало, как горный хрусталь...
Высоко пролетаю, высоко,
Я вдыхаю чудесный бальзам,
И как гостю уже издалика
Мне приветствие шлет Алазань.
Вижу — что-то навстречу стремится,
То не Демон ли мчит в вышине?
Нет — орел, страж Кавказа. Но птица
Помешать не осмелилась мне!
Устремляюсь все дальше крылато,
Повинуясь велению души —
Благодарно запоном и свято,
Как места эти все хороши!
Чиатура, Ткибули — заводы
Проплывают, дымя, подо мной...

Вот Риони, Боржом — природа
Одарила их щедро красотой.
Я лечу через горы, и вскоре
Меж садов различается Гори.
Слышу, мне говорит Триалети:
«Напиши в мою честь триолеты!»
— Не сейчас, понимаете сами:
Я спешу на свиданье с друзьями!

Недосуг мне глазеть на вершины:
Там, внизу, интересней картины.
Слышу я от подножия гор:
Голос Месха Великого — ныне
Он гремит, как стотысячный хор,
Да, века Витязь в шкуре тигриной
Славит духа народного жар,
Дружбу, ратную доблесть грузина
И красу солнцеликой Тамар.
...Я лечу, околдованный феей,
Что явилась из давнего сна.
О, как долго стремился к тебе я,
Здравствуй, Грузия, чудо-страна!
Как прекрасны вы, горные выси,
Древний край, ты такой молодой!
Богатырское сердце Тбилиси
Вечно бьется над быстрой Курой.

047036940
202 00101033

Сколько раз воскресал он из мертвых
И стараньем людей не старел,
Бил врагов он бесчисленных твердо,
Как прошедший сквозь все Тариел, —
Будь бессмертен, цвети, хорошей,
О Тбилиси, столица друзей!

...Леонидзе, а с ним — Чиковани,
Абашидзе и Галактион...
Нонешвили... О, как многогранен
Поэтический хор и — сложен,
Я влюбился в поэзию эту!
Как Табидзе заметил, суров:
«Зерна жизни ищите, поэты,
Чтоб низать ожерелья стихов».
Леонидзе добавил весомо:
«В наших строках — людские сердца,
Еще много вершин незнакомых
Своего ожидают певца...».

Чу! Вдали, где лишь горы синели,
С веком нынешним став наравне,
Чавчавадзе, а с ним — Церетели
И Пшавела являются мне:
Это те, кто огонь сберегали,
Это их поэтический сход,
Имена их занес на скрижали,

А хранит — в своем сердце народ.
И, обнявшись, шагают по саду...
И, юнец, я за ними иду,
И цветенью весеннему радо
Сердце, полное счастья и дум.

...Так я в Грузии был, в этом крае,
Где поэт — чуть не каждый второй.
С благодарностью вспоминаю
Я полет удивительный свой.
И стихов драгоценные блески,
Незнакомую эту страну
Мне открыл мой земляк Заболоцкий
Из марийской деревни Сернур.
А избрал он судьбу непростую,
Не из выскочек он торопыг, —
Он дорогу свою столбовую
Начинал с деревенской тропы.
И по-русски звучащие строки
Нас волнуют сейчас оттого,
Что бурлят животворные соки
В них, питая его мастерство.
Рыцарь дружества, праведный, чуткий,
Он раскрыл ваше сердце и мне...

Вот поэтому — только за сутки! —
Побывал я в желанной стране.

Перевод Анатолия ВОРОНОВА

Усенкул ДЖУМАБАЕВ
(Киргизия)

Тбилиси

Тбилиси — Грузии столица,
Зеленый город над Курой.
Листаю строгие страницы
Твоей истории седой.

Здесь каждый дом
И каждый камень —
Живая летопись веков.
Здесь гнева праведное пламя
Сметало полчища врагов.

Вставал народ на бой кровавый,
В смертельной ненависти лют,
Чтоб отстоять святое право
На жизнь, на волю и на труд.

И хмарились грозю выси
Над взбушевавшей рекой...
Гранитом, бронзою,
Тбилиси,
Увековечен подвиг твой.

Ты выстоял, великий город,
В испепеляющем огне.

И вновь, прекрасен, люден, молод,
Свое радушие дарит мне.

Взлетаю, как на крыльях, в гору
Прохладой утренней дышу
И с высоты фуникулера
На улицы твои гляжу.

И по подземной магистрали,
Минуты быстрые цена,
В вагоне из стекла и стали
Электropоезд мчит меня.

Тбилиси! Ты мне мил, как песня,
Что красок солнечных полна,
И новь твоя, как жизнь, чудесна,
И многолика старина.

И лик твой солнечен и ясен,
Щедра садов и парков сень.
И день твой нынешний прекрасен,
И светел завтрашний твой день.

Перевод М. РОНКИНА

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

● Роман

— Э-э, нет, шалите, ребята! Мне недосуг тут с вами рассиживаться, у меня дел по горло. Только вот что я вам еще скажу... — Дядюшка Егор немного помолчал, видимо, подыскивая слова — За ваши успехи! — он обвел глазами всех сидевших за столом, поднес стаканчик ко рту и на этот раз одним духом его опорожнил. Затем взял еще кусок хлеба и колбасы и направился к дверям. Но у порога остановился, еще раз обвел взглядом всех сидевших за столом и сказал:

— В жизни не так много счастливых дней, дети мои! А такой день, как сегодня, бывает у каждого только один раз в жизни. Так веселитесь же, пейте, танцуйте, пойте! А я не буду больше вам докучать. — Закончив на этом, дядюшка Егор чуть неверной походкой вышел из комнаты.

Вино уже кончилось, и теперь все перешли на коньяк. За столом стоял несмолкаемый гомон, порхали шутки, звенели песни.

К одиннадцати часам свадебная пирушка закончилась. Ребята принялись целовать и обнимать на прощание Элизбара, клянясь ему в вечной дружбе и братстве. Потом подошли к руке Ирмы. И кто знает, сколько раз каждый из уходивших пожелал ей счастья, сколько раз снова и снова откланивался, а прощанию все не видно было конца.

Так или иначе гостей в конце концов спровадили, вручив владельцам их стулья. Только один из них заупрямился и ни за что не хотел брать своего стула, уверяя, что он еще может пригодиться и завтра. Видать, парень рассчитывал покутить еще разок.

С молодыми остались только дружки, но Шота очень скоро намекнул Ирминой подруге, что и им пора отправляться.

Элизбар вышел проводить гостей, и Шота при прощании успел ему шепнуть:

— Я сегодня переночую у дяди.

Возвратившись, Элизбар сразу же замкнул дверь на ключ, и они с Ирмой, оставшись наконец вдвоем, как ошалелые уставились друг на друга...

«Вылитая сестра-покойница — те же глаза, те же брови. И та в детстве была дурнушкой, а потом так расцвела да похорошела, глаз не отвести», — говорила, бывало, Ирмина тетушка, мечтая о богатом женихе для своей племянницы. Вот когда были бы вознаграждены все ее заботы и труды.

Услышав от Ирмы о ее избраннике, тетушка в притворном обмороке бухнулась на кровать, а когда на нее попрыскали водой, вскочила на ноги и давай костить почем зря ослушницу. Свинья-де ты неблагодарная, совсем, видать, спятила — нашла, за кого идти: за студента-голодранца!

Продолжение. Начало в № 4.

— Что поделаешь, люблю, — отвечала Ирма.

— Вай-вай-вай! — хлопала себя по коленам тетка. — Да кто бы от тебя отказался, дура ты безмозглая, кто не взял бы тебя в дом невесткой? Слышала ли ты, что ты для меня, я бы тебе такого жениха подыскала, всем на зависть!

Тетушка уже успела приглядеть для Ирмы «выгодную партию» — заведующего продовольственным магазином, мужчину лет за сорок, денежного, франтоватого, владельца роскошной «Волги» и дачи в Цхнети с бассейном и беседкой, оставившего жену и детей и теперь ходившего в женихах. Приступив к осуществлению задуманного, она даже пригласила как-то этого завмага в дом и познакомила с Ирмой. Завмаг сулил свахе золотые горы. Ты, говорит, только помоги мне заполучить твою племянницу, а там я сам знаю, как тебя отблагодарить.

Но сколько тетка ни билась, все напрасно — Ирма не поддавалась ни на какие уговоры и не желала менять своего выбора. Однако тетушка не терпела надежды. Куражится девчонка, думала она, а ведь все равно не устоит: голая-босая ходит, а тут такая прорва денег!

Так и тешила себя тетушка до той самой поры, пока кто-то из соседок не рассказал ей в один прекрасный день, что видел, как Ирму с шумом-гамом, с зурначами везли по городу во Дворец бракосочетания.

— Это так-то ты меня отблагодарила, негодница! — встретила Ирму разъяренная тетка.

— А что такого особенного я сделала, тетя, что ты на меня набрасываешься? — вопросом на вопрос ответила Ирма.

— Нет, вы только поглядите на нее! — всплеснула руками тетка. — Ты что, воображаешь, что я ослепла или оглохла? Нет уж, извини, милая, тебе меня не провести! Я же вчера собственными глазами видела, как вы изволили с музыкой прокатить мимо оперы, а потом еще, оказывается, танцы затеяли подле Дворца бракосочетания. Ну нет, дорогая моя, такого я не заслужила! Мало того, что ты не послушалась моего совета, так еще в лицо мне наплевала! Хоть на свадьбу бы позвала! Или я и мои дети оказались вам не ко двору?!

— Да нет же, все совсем не так! Это как-то само собой получилось!

— Подумать только, она еще смеет отпираться! — снова захлопала ладонями по коленям тетка. — Да какими глазами ты после всего этого станешь на нас смотреть, интересно знать! А коли ты всех нас не признаешь, то и мы тебя признавать не желаем! Убирайся вон из моего дома, и чтоб глаза мои тебя больше не видели! — И тетка с шумом захлопнула перед Ирминым носом дверь.

Молодожены исходили в поисках пристанища все окраины, все закоулки, но везде получали отказ. Хозяева пугались, когда узнавали, что молодой муж — студент. Что, мол, с них возьмешь! А потом еще пойдут дети, так и вовсе не выживешь.

Наконец им посчастливилось найти шестиметровую комнатку на Авчальском шоссе, темную, неприглядную, никогда не знавшую солнца, с земляным полом и затянутыми фанерой цементированными стенами. К комнатке вел вниз лесенка в восемь ступенек, так что она скорее походила на погреб, чем на жилище.

Все приданое Ирмы состояло из постели, нескольких платьев, стопочки книг и журнала мод. А у Элизбара и вовсе ничего не было, кроме двух тарелок, ложки, складного ножа и маленького чемоданчика.

Хозяин притащил им железную кровать с продавленной сеткой, маленький столик и пару стульев.

Управившись с уборкой, Ирма спросила:

— Ну как, хорошо?

— И не говори, по-моему, ни у кого на свете нет такой уютной комнатки, как у нас.

— Уж действительно уютная! А о мебели и не спрашивай — шик-модерн! Заграничная, прямо из Москвы.

— Ты вот шутишь, а мне правда нравится. Наша крохотная комнатка для меня лучше всякого дворца. И знаешь почему?

— Нет, не знаю.

— Потому, что мы здесь сами себе господа. И еще потому, что твоя красота все собою украшает.

От этих слов мужа по лицу Ирмы расплылась счастливая улыбка.

— Ничего, пока обойдемся, а потом...

— Что «потом»?

— Потом надо будет приглядеть что-нибудь получше.

Ничего не хочу, думал в душе Элизбар, только бы получить когда-нибудь двухкомнатную квартиру. И мебели никакой не надо. Были бы только

стол, два-три стула и шкаф. И чтоб лежали мы с Ирмой на приличных кроватях. Первым пусть будет сынишка, а там можно и о дочурке подумать, мама будет качать люльки и радоваться на своих внучат.

У молодой жены были несколько иные мысли. Интересно, размышляла она, доведется ли мне когда-нибудь пожить в роскоши да пощеголять нарядами, как другие женщины?

— А знаешь что? Давай сходим сегодня к одному моему знакомому врачу. — предложила она. — Может, он подсобит мне с работой. А нет — хоть посоветует что-нибудь дельное. Скажет, к кому лучше пойти, кого попросить.

— Отчего же, попытка не пытка!

Старенький больничный швейцар сказал им, что доктор Санеблидзе, которого они хотят повидать, недавно был тут, только вот он не припомнит, пришел тот или ушел. Сообщив столь неопределенные сведения, старичок сам посмеялся над своей памятью и добродушно ругнулся насчет старости, которая сделала его таким забывчивым.

— Наверное, он все-таки здесь, а? Пропустите нас, дяденька, пожалуйста, — попросила Ирма.

— Идите, идите, ребятки, идите, дорогие. Спросите там пятый кабинет. А случаем его там не окажется, справьтесь у медсестры — она вам точно скажет, где его искать.

В коридоре было полно больных. Возле пятого кабинета сидели на стульях две старушки. Ирма обратилась к одной из них:

— Скажите, доктор у себя?

— Нет, вышел он. Мы сами его поджидаем.

— А скоро вернется?

— Да кто его знает, разве тут что разберешь! Медсестра говорит, может, вернется, а может, и нет. Ты бы сама спросила, дочка, она тебе скажет поточнее.

Элизбар постучался в дверь.

— Прием окончен, прошу не беспокоить! — послышался из комнаты раздраженный женский голос.

Элизбар все же приоткрыл дверь.

Девушка в белом халате подкрашивала губы. Увидев вошедших в зеркальце, она снова повторила:

— Прием окончен. Прикройте дверь.

— Мы не на прием, — попробовала объяснить ей Ирма. — Можно задать вам один вопрос?

— Что такое?

— Как бы нам повидать доктора Санеблидзе?

— Доктора сегодня не будет. Дверь закройте поплотнее.

— А вы не скажете нам его домашний адрес? — Ирма посмотрела на Элизбара: — А что если пройти к нему домой?

— Не утруждайте себя понапрасну — прием у доктора Санеблидзе в вечерние часы.

— Но мы не больные, я ведь вам уже сказала.

Элизбар выступил в поддержку жены:

— Мы — родственники Санеблидзе. Скажите нам, пожалуйста, где он живет?

— Не могу. Доктор распорядился не давать никому его домашний адрес.

— Тогда, может, номер телефона?

— Я не знаю.

— Ай-яй-яй... — покачал головой Элизбар. — Надо же все-таки с людьми по-людски. Неужто вам так трудно сказать несколько слов?

— Но я уже ответила, что не знаю!

Супруги только иронически переглянулись и пошли к выходу. Выходя, Элизбар оставил дверь приоткрытой да еще громко прокашлялся.

— Ух, чтоб вам! Мужичье неотесанное! — в сердцах пустила им вслед медсестра и с размаху прихлопнула дверь.

Адрес Санеблидзе они узнали от швейцара. И номер домашнего телефона врача тоже оказался старику известен.

Было решено позвонить по телефону и узнать, дома ли Санеблидзе.

Элизбар с Ирмой вместе вошли в телефонную будку, опустили в прорез монетку, и Ирма, сняв трубку, набрала номер. Но телефон оказался занят, и она, положив трубку, нажала кнопку возврата монет. Да где там! Автомат проглотил деньги. Спустя немного времени она еще раз позвонила. В трубке звучал низкий женский голос:

— Слушаю.

— Квартира доктора Санеблидзе? — спросила Ирма.

— Да.
 — Доктор дома?
 — Приема пока нет. Пожалуйте с восьми до десяти, — ответила женщина заученной скороговоркой так громко и отчетливо, что даже Элизбар все лично расслышал.
 — Но мне необходимо повидать доктора сейчас.
 — Скажите, пожалуйста! Все равно извольте записаться в очередь.
 — Мне всего на одну минуту.
 — Я же сказала, что доктор никого без очереди не принимает. Лучше вам будет прийти и записаться.

Ирма уже собралась сказать, что она не больная, но не успела — в трубке щелкнуло: женщина повесила трубку.
 Еще не было и шести, и они решили, чтоб убить время, пройтись пешком... Доктор Санеблидзе жил в Ваке, на улице Барнова.

Они прошли в маленькую калитку и стали подниматься по ведущей в парадные комнаты лестнице, когда навстречу им вышла молодая женщина:
 — Прошу вас, прошу вас, пожалуйста! Вы, кажется, звонили недавно врачу? Он велел мне вас встретить.
 — Да, мы звонили, — ответил Элизбар.

Женщина приветливо улыбнулась и пошла впереди молодой четы в дом. Она предложила супругам стулья и сказала, что сейчас же доложит доктору об их приходе.
 — Нас явно за кого-то принимают, — шепнул Элизбар Ирме, как только женщина удалилась.

— Да, кажется, — рассмеялась она.
 От врача вышла согбенная в спине старуха, подвязанная платком. Она сняла с вешалки шаль и хозяйственную сумку и, прихрамывая, направилась к выходу.

Занимавший первый стул больной поднялся и стал у двери в кабинет — видимо, подошла его очередь. На его стул пересел сосед, а освободившийся стул занял следующий по порядку ожидающий. Таким манером больные один за другим переместились на один стул ближе к дверям кабинета.

Из кабинета выглянула та же женщина в белом халате и обратилась к стоявшему у дверей больному:

— Вам придется чуточку повременить, доктор просил пригласить эту молодую особу, — указала она пальцем на Ирму. — Пожалуйста!
 Все это произошло столь неожиданно, что Ирма только и успела подать Элизбару знак глазами: подожди, дескать, меня здесь, и прошла в дверь, которая тут же за нею закрылась.

Первое, что бросилось ей в глаза, — это высокие, до самого потолка стеллажи, до отказа забитые книгами.

У стола, выдвинутого чуть не на середину комнаты, сидел мужчина в белом халате. Под рукой у него лежали аппарат для измерения давления и фонендоскоп. В углу на поставленной на стул электроплитке клокотал стерилизатор.

Доктор что-то писал и был так поглощен своим занятием, что не заметил, как вошла Ирма. А она, остановившись, поражено его разглядывала. Прошло около семи лет с тех пор, как они виделись в последний раз, и рука времени оставила на нем свой беспощадный след. На голове у него появилась изрядная плешь, за ушами пролегли глубокие борозды. Он заметно потучнел, как-то стал весь больше, грузнее. Однако краснощекое, округлое лицо его все еще выглядело довольно молодо.

Санеблидзе вскользь глянул на нее и, безразлично отведя глаза, спросил:

— На что жалуетесь? Что беспокоит?
 — Я, доктор... — начала Ирма, но Санеблидзе перебил ее:
 — Разденьтесь!
 — Я... — снова заговорила Ирма. Но и на сей раз врач прервал ее:
 — Не стесняйтесь. Разденьтесь, пожалуйста.
 — Но я, доктор, не больна.
 — Как?! Меня только что просили... — нахмурив лоб, глянул Санеблидзе на пришлицу. Глянул — и глаза его внезапно потеплели, лицо приняло совершенно новое, просветленное выражение. Он улыбнулся, но разомкнув, однако, при этом губ — не хотелось ему, верно, выставлять напоказ свои пожелтевшие от никотина, выпирающие вперед зубы и блеклые десны. — А-а! Узнаю, узнаю! Как выросла, похорошела, красавица стала. Встреть я тебя на улице, ни за что бы не узнал. Ну здравствуй, здравствуй, — говорил Санеблидзе, оглядывая с головы до ног зардевшуюся как маков цвет Ирму и поднимаясь ей навстречу.

Ирма, как маленькая девочка, сорвалась с места и, подбежав к доктору, протянула ему руку.

— Какие у тебя атласные ручки, — говорил он, не выпуская ее точеных пальцев и умильно их разглядывая.

— Я много раз собиралась зайти к вам, дорогой доктор, — говорила застенчиво улыбаясь, Ирма, — но все как-то не выбрала время. Еще раз большое вам спасибо за все.

— Ты скажи мне лучше, что привело тебя ко мне? — дружелюбным тоном спросил хозяин.

— Вы знаете, доктор, я в этом году закончила медучилище, и меня направляют в район, а мне очень не хочется уезжать из Тбилиси. Посоветуйте, что мне делать?

— Гм! Понятно, понятно, — кивал головой Санеблидзе. — Я, помнится, обещал тебе свою помощь, коль она в чем понадобится. Молодец, что обратилась ко мне без стеснения. Посмотрим, думаю, что-нибудь удастся сделать. Но скажи мне, где ты теперь живешь, с кем?

Ирма смущенно потупилась и помедлила с ответом.

Санеблидзе взял ее за подбородок и, приподняв ей голову, заглянул в глаза:

— Ты что, не вышла часом замуж?

— Да, вышла.

— Вот оно что! Поспешила, поспешила! Молодость-то ведь только раз в жизни человеку дается. Не лучше ли было немного погулять на свободе? А кто он, твой благоверный?

— Он студент. На будущий год кончает институт.

— Ай-яй-яй... Какой неосмотрительный шаг! Что ни говори, студент всегда студент. Но что теперь много распространяться, что есть есть, — досадливо махнул он рукой. — Одно слово — слово. Раз я тебе обещал, то помогу. Только с одним условием: я стану представлять тебя всем как свою родственницу. Будто наши матери двоюродные сестры. Эх, бедная моя мама, ее уже давно нет в живых, царство ей небесное... А бабушке объясни, что мне так легче будет устроить тебя на работу.

— Бабушка в деревне...

— Ну, тогда тете. И жене я тебя представлю как свою родственницу. И ты мужу то же самое скажи. Пусть он лучше думает, что ты состоишь со мной в родстве.

— Хорошо, доктор, я так и буду всем говорить, — в простоте душевной охотно согласилась Ирма. — Мне и в самом деле очень бы хотелось быть вашей родственницей.

— Будь только умницей и станешь больше чем родственницей. Я тебе во всем помогу. И прошу, не величай меня бога ради «доктором» — мы же с тобой друзья. Зови меня просто Лади.

— Ой нет, мне это будет неудобно, я, наверно, не смогу.

— Но ты доставишь мне этим огромное удовольствие. Ну, а со своим мужем когда ты меня познакомишь?

— Он тут! Если вы разрешите, я его позову.

Санеблидзе с любопытством воззрился на вошедшего Элизбара.

— Знакомься, это доктор Санеблидзе, наш родственник, — обратилась Ирма к мужу.

Мужчины пожали друг другу руки. И как раз в этот момент Элизбар перехватил взгляд, которым Санеблидзе скользнул по фигуре его жены, когда она обернулась к ним спиной, чтоб придвинуть поближе стул. Приметив это, Санеблидзе укорил себя в душе за неосторожность. Надо было как-то исправлять промах, и он проговорил непринужденным тоном:

— Гляжу я на Ирму и глазам своим не верю: как выросла, совсем взрослой стала!

— А вы несколько не изменились, — вся вспыхнув, проговорила Ирма. — И ваша супруга, верно, все такая же красивая, видная собой, обаятельная.

— Твоя правда! — ответил Санеблидзе, радуясь про себя, что Ирма так искусно разыгрывает принятую на себя роль. — К сожалению, ее сейчас здесь нет — она в Цхнети, и вы ее очень обрадуете, если заглянете к нам туда.

— Мы в Цхнети не бывали, наверно, не сумеем там вас найти.

— Ну это нетрудно... Нашу дачу покажет вам каждый ребенок. А что касается твоего устройства на работу, то зайди завтра же утром ко мне в больницу. Может, у нас самих что-нибудь для тебя найдется.

Элизбар не знал, куда девать глаза, чтоб не встретиться взглядом с Санеблидзе, хотя, по справедливости говоря, у него не было никакого повода отнестись к этому человеку с неприязнью. Он встретил их очень тепло, выслушал, обещал помочь с работой. И все-таки не нравился он что-то Элизбару, просто не лежала к нему душа!

— Тебе понравился доктор? — спросила Ирма мужа, как только они оказались на улице.

Тут уж я окончательно пала духом. Я даже стала подозревать, что от меня что-то скрывают.

Вот в таком паршивом состоянии я была, когда мой лечащий врач привел ко мне хирурга Санеблидзе. Тот присел на мою кровать, побалакал со мной о том о сем, расспросил подробно, на что я жалуюсь, и после этого тщательно осмотрел.

— Мне кажется, что тут мы имеем дело с воспалением слепой кишки, — осторожно высказал он свое мнение.

После этого я была переведена в хирургическое отделение, в палату, где пять женщин, так же как и я, ждали удаления аппендикса. Общая беда сближает людей, и мы все очень скоро сдружились.

Я так устала от бесконечного хождения по врачам, что уже было потеряла всякую надежду. И, наверное, поэтому Санеблидзе показался мне чуть не богом. Я, конечно, и рта при нем раскрыть не смела, но по глазам моим он мог прочитать, как я бесконечно ему благодарна, как глубоко его почитаю.

Мне было тогда невдомек, что больной еще как-то иначе может выразить свое уважение. И представь мое удивление, когда я услышала разговоры о том, что хирургу полагается перед операцией «оказать внимание».

— А что вы имеете под этим в виду? — поинтересовалась я.

— Как что? Деньги! Надо вручить ему деньги! — пояснила мне старушка с крайней койки.

— Как так? Я и представить себе не могу, чтоб Санеблидзе принял от больного деньги!

— Эх, ты еще очень молода, дочка! Деньги, милая, такая вещь, что от них не только Санеблидзе, но и сам царь небесный не откажется.

И как раз в тот же день мать лежавшей рядом со мной девушки сообщила ей, что уже побывала у хирурга дома и теперь, дескать, все в порядке.

Я срочно вызвала бабушку, все по порядку ей рассказала, как она обещала мне, что призовет где ни есть денюжат и вечером во что бы то ни стало отнесет врачу сколько требуется.

На следующий день бабушка пришла только под вечер. Она вызвала меня в коридор и со слезами рассказала, что везде получила отказ — денег ей никто не одолжил. И тетка твоя, жаловалась она, выпроводила меня ни с чем. Нечего, говорит, и думать об этом. Что, мол, не видит этот ваш хирург, с кем имеет дело? Ничего не остается, доченька, говорила бабушка, как лечь тебе на операцию, а я, как получу пенсию, тут же и отблагодарю хирурга.

Но я продолжала стоять на своем. Что, мол, за цена этим деньгам после операции, надо их сейчас же дать хирургу.

Дважды вызывали меня на операцию, и оба раза я отказалась. В конце концов Санеблидзе сам пришел в палату и спрашивает меня недовольным тоном, почему я не выхожу на операцию. Если можно, говорю, отложите, пожалуйста, еще раз: у меня целую ночь страшно болела голова.

— Воля твоя! — сухо ответил он. — Можешь и вовсе не оперироваться.

Но вот наконец бабушка пришла с радостной вестью:

— Достала я, доченька, деньги и вчера вечером была у врача. А он-то, оказывается, хороший человек. Радужно принял меня, выслушал. Спасибо, говорит, мать. Да вы, говорит, не тревожьтесь, все будет в порядке, она ничего и не почувствует.

На другой день Санеблидзе, войдя утром в палату, первым делом спросил, как я себя чувствую. Я промямлила в ответ, что голова у меня не болит и что спала я хорошо, а сама в это время подумала: вот оно что делают, оказывается, деньги — вчера еще смотрел на меня волком, а сегодня вдруг какой стал ласковый!

— Ну так, значит, оперируемся, девочка? — провел он рукой по моим волосам. Я кивнула в ответ головой, а сама думаю: «Уже и девочкой называет, и по головке поглаживает...».

Операция прошла прекрасно. Через десять дней меня выписали из больницы. Санеблидзе на прощанье мне сказал:

— Ну, детка, будь здорова, не болей больше. Но если тебе в дальнейшем понадобится когда-нибудь моя помощь, не стесняйся, я всегда охотно тебе помогу.

Меня от этих слов всю передернуло. Прикарманил, думаю, за полчаса пятьдесят рублей и не стыдится еще о какой-то помощи говорить.

И только потом мне стало известно от бабушки, что все обстояло совсем не так, как я считала. Когда я докучала ей с этими деньгами, больные из нашей палаты заинтересовались, оказывается, о чем это мы с ней все пререкаемся, подслушали наш разговор и, узнав о нашем бедственном положении, собрали деньги и чуть не силой всучили их бабушке. Бабушка разузнала, где жи-

вет Санеблидзе, и отправилась к нему на квартиру. Он ее терпеливо выслушал, успокоил, сказал, что она напрасно тревожится, что все будет хорошо. Бабушка потихонечку достала из кармана деньги и положила их на стол. Санеблидзе это заметил. — Если вы хотите, чтоб вашу внучку оперировал я, — сказал он, — заберите сейчас же эти деньги и купите себе на них завтра же пальто.

Бабушка растрогалась и говорит сквозь слезы:

— Да внучка меня доконала. Неси, говорит, деньги доктору, иначе я на операцию не пойду.

Вот тогда он и научил ее, чтоб она меня обманула, будто бы отдала ему деньги. Это, мол, успокоит внучку и она с легким сердцем пойдет на операцию. А потом, когда все будет позади, можно и сказать ей правду.

— Все это очень хорошо, но с каких пор вы с Санеблидзе породнились? — спросил Элизбар.

— Ах да, насчет нашего родства... — растерянно пробормотала Ирма. — Я о нем позже узнала.

— От кого?

— От моей тетушки. Когда она услышала от меня про Санеблидзе, то сразу сказала: а ты знаешь, он — сын нашей с твоей матерью троюродной сестры. Я тогда же написала об этом Санеблидзе, и он подтвердил, что действительно, оказывается, так оно и есть, — закончила Ирма небрежным тоном.

Санеблидзе был на операции, но, как оказалось, он предупредил медсестру, что придет его родственница, которую надо будет направить к главврачу.

Главврача Ирма на месте тоже не застала, и секретарь-машинистка сказала ей, что он будет не ранее, как часа через полтора. Чем идти домой и возвращаться, Ирма предпочла подождать.

В четверть первого зазвонил телефон. Секретарь-машинистка, подняв трубку, во весь рот заулыбалась и приветственно покивала кому-то невидимому головой.

Просители затаили дыхание.

Секретарь положила трубку и, словно бы в пику всем ожидающим, с улыбочкой объявила:

— Главврач вызван сегодня в министерство и, видимо, задержится.

Три жарких июльских дня Ирма напрасно проторчала в больнице — ей так и не удалось повидаться с главврачом. А дома, как нарочно, еще насмешки Элизбара! У нее и без того на душе кошки скребут, а он тут начинает: ты, дескать, каждому готова верить, а твой Санеблидзе и не думает тебе чем-нибудь помочь. Подумаешь, родственники! Да чихал он на это родство!

В понедельник Ирма заявила в больницу раньше всех. Постепенно подошли и другие просители.

Секретарь взяла трубку.

Все посетители замерли в ожидании, уставившись ей в рот.

Ирма ждала конца разговора стоя, сердце у нее всюю колотилось. Неужели главврач и сегодня не появится?

— Главврач запаздывает на полчаса, — объявила секретарь, закончив телефонный разговор.

— Только бы пришел, мы и два часа подождем, — со вздохом облегчения проговорил кто-то.

Ожидающие повеселели, разговорились.

Секретарь с недовольным видом долго шарила по ящикам стола, а потом застучала на машинке.

Меж тем полчаса истекли, и посетители начали проявлять признаки нетерпения. Кое-кто подошел к секретарю с выражением недовольства: вот вам, дескать, и ваши полчаса, но она продолжала, не поднимая головы, печатать.

Хорошо, какая-то женщина вбежала в приемную с радостным сообщением: «Идет!», а то вот-вот готов был разразиться скандал.

Войдя в приемную, главврач кивком головы поздоровался с посетителями, отпер собственным ключом дверь и вошел в кабинет.

Звякнул колокольчик.

Секретарь приоткрыла дверь в кабинет, стоя у порога, выслушала какое-то распоряжение главврача и, прикрыв за собой дверь, обратилась к ожидающим:

— Кто первый, пожалуйста!

У Ирмы, стоявшей подле двери первой, захолонуло сердце, и она запнулась у порога.

— Заходите, заходите! — нетерпеливо проговорил кто-то у нее за спиной и, приоткрыв перед ней дверь, чуть-чуть подтолкнул ее.

Ирма оказалась в небольшой удлиненной комнате.

Главврач, сидевший за поставленным наискось в углу массивным письменным столом, слегка кивнул ей в ответ на ее «здравствуйте», разгладил седеющие усы и указал приглашающим жестом на стул.

Ирма присела на краешек стула.

— Чем могу служить? — спросил главврач с деланным безразличием в голосе, с интересом меж тем разглядывая молоденькую посетительницу своими глубоко посаженными глазами.

— Я родственница доктора Санеблидзе. Он мне сказал, чтоб я зашла к вам, — с застенчивой улыбкой едва слышно процедила Ирма.

— Гм, так-с... Очень приятно, — пробасил главврач, потирая руки. — Санеблидзе мне о вас говорил. А у него, оказывается, прехорошенькая родственница!

Главврач расспросил Ирму, из каких мест она родом, где училась, поинтересовался и ее семейным положением, а к концу разговора пообещал оформить ее, пока временно, на место уходящей через два дня в декретный отпуск медсестры. «А дальше, — закончил он, — что-нибудь придумаем».

— Когда мне к вам зайти? — робко спросила Ирма, собираясь уходить.

— Денька через два-три. А пока составьте заявление на мое имя и передайте его машинистке.

У Ирмы как камень с души свалился. Она несколько раз быстро покивала головой и проворно поднялась со стула.

Наспех составив заявление, Ирма передала его машинистке. К двум часам возвращался из института Элизбар, и ей не терпелось с ним поделиться своей радостью, рассказать ему, как ее приняли, как внимательно выслушали и, главное, что главврач обещал принять ее на работу.

Элизбара еще дома не оказалось, и Ирма хотела было сбежать за мясом и приготовить жаркое, но передумала — у них оставалось всего пять рублей, и она не рискнула их израсходовать. Можно, в конце концов, несколько дней перебиться без беда.

В доме было шесть штук яиц, и она решила четыре из них сварить. Элизбар поест три, а ей хватит и одного...

Она встретила мужа в дверях, повисла у него на шее и радостно объявила ему, что главврач замечательно ее принял, сказал, чтоб она оставила заявление и пришла пятнадцатого числа за ответом.

— Прекрасно, прекрасно! У нас с тобой сегодня вообще счастливый день. Я получил пятерку по теории упругости и в придачу двадцать рублей от матери. Как говорится, одно к одному. А денежки нам весьма кстати. Хоть это и не бог весть сколько, но и то хлеб.

Ирма подала мужу три вареных яйца, а за четвертое принялась сама.

— Почему это — мне три, а тебе одно?! — запротестовал Элизбар и пока-тил по столу яичко в сторону Ирмы.

— Ты только не сердись, но я до твоего прихода уже съела два яйца. Недотерпела, очень хотелось есть.

— Ну, что за глупости! Съела и на здоровье, — рассмеялся Элизбар.

В коридоре поликлиники народу было видимо-невидимо. Но больше всего людей теснилось у кабинета Санеблидзе.

Не успела Ирма шагнуть к двери, как путь ей заступили две энергичные старушенции:

— Куда, куда?! Не видишь, сколько здесь народу? Нашлась умница! А ну-ка становись в очередь!

Ирма принялась объяснять, что она не больная и хочет зайти к врачу только на минутку, по личному делу. Но не тут-то было! «Все так говорят, — зароптали в очереди, — а как проберутся в кабинет, так их, видите ли, охватывает желание показаться врачу».

В разгар спора дверь кабинета приоткрылась, и в коридор выглянул Санеблидзе. Он с улыбкой извинился перед больными и попросил пропустить вне очереди пришедшую к нему по делу молодую особу.

Настроение у Санеблидзе было преотличное. Он весело болтал с Ирмой, расспрашивал ее, как она себя чувствует, как живет, что у нее нового, а сам все разглядывал ее с ног до головы оценивающим взглядом.

Почувствовав страшную неловкость, Ирма и сама исподволь себя оглядела, скользнув незаметно взглядом по своим ногам, по подолу платья.

— Это платье тебе не так к лицу, как то трикотажное, в котором ты была в прошлый раз. И босоножки тебе не идут. В туфельках на высоких каблуках

ты кажешься гораздо стройнее, — и Санеблидзе снова пригляделся к Ирме глазами покупателя.

— Не знаю... Мне, по правде говоря, не до нарядов, — ответила она.

— Да ты не вешай нос. Все устроится. Кстати, как тебя принял главврач, что обещал?

— На прием пожаловаться не могу, он был очень любезен, выслушал меня, обещал принять на работу. Но прошло не два и не три дня, а целые две недели, а все пока по-старому.

— А почему же ты не пришла ко мне до сих пор?

— Неудобно мне было вас тревожить.

— Господи! Я же говорил тебе, чтоб ты не смела меня стесняться!

Глаза женщины самодовольно сверкнули: мне-то, мол, известно, что ты все рад сделать для меня, но я почему-то все-таки тебя стесняюсь.

— А ну-ка давай вместе сходим к главврачу и выясним, в чем там дело. — И Санеблидзе решительным шагом направился в коридор.

Пока они шли бок о бок по коридору, а затем поднимались на второй этаж, каждый встречный приветствовал их почтительным поклоном. Санеблидзе учтиво всем улыбался и кивал головой, а лицо его в это время говорило: «Ты видишь, как все меня ценят и почитают?».

Ирме лестно было идти рядом с таким почтенным, всеми уважаемым человеком. Как-то и сама себя начинаешь чувствовать на голову выше других, думала она.

Санеблидзе, не сказав никому ни слова и даже не постучавшись, вошел в кабинет главврача, пропустив впереди себя Ирму.

Главврач при их появлении быстро поднялся из-за стола.

— Прошу вас, прошу, пожалуйста.

— Привет, Петре! — обратился к нему Санеблидзе. — Ну что там слышно в отношении моей родственницы? Не забыли ли вы о ней ненароком?

— Что вы, что вы?! Разве можно забыть о такой хорошенькой женщине! Присаживайтесь, пожалуйста, — отшутился главврач, опускаясь на свой стул.

Санеблидзе пододвинул Ирме стул и, когда она села, тотчас уселся рядом.

— Дело в том, что та наша медсестра еще не ушла в декретный отпуск, так что придется несколько повременить. Как только она уйдет, я немедленно оформлю приказ.

— Что ж поделаешь, придется подождать, — повернул Санеблидзе голову к Ирме. — Верно?

Ирма кивнула в знак согласия головой.

— Да, правда, — сказал главврач, обращаясь к ней, — было бы хорошо, если бы вы уже принесли свои документы. Вам машинистка об этом не говорила?

— Сказала.

— Я краешком уха слышал, будто бы мою характеристику затребовали? — спросил как бы невзначай Санеблидзе, барабанив пальцами по столу.

— Да, верно. Видимо, собираются выдвигать.

— За этим я, между нами говоря, не гонюсь. А вот дали бы мне научную командировку в Ленинград... Без этого мне трудно подойти к защите докторской.

— Полагаю, что не откажут. В министерстве вам цену знают.

Выйдя из кабинета, Санеблидзе взял Ирму за локоть и подвел к окну в конце коридора.

Глаза у Ирмы радостно светились, она по-детски простодушно улыбалась Санеблидзе, не находя для него слов благодарности.

— Сегодня же, не откладывая, принеси документы, — говорил Санеблидзе, сжимая ей пальцами локоть.

— Они у меня с собой, я сейчас же их сдам, — сказала Ирма и высвободила свой локоть из рук мужчины, будто бы собираясь достать из сумочки бумаги. Извинившись, что на минуточку его оставит, она побежала к секретарю.

— Как ты моментально! — сказал Санеблидзе, когда она вернулась. — Порхаешь, точно бабочка!

Непривычная к комплиентам, Ирма смутилась и опустила глаза под настойчивым взглядом Санеблидзе. Однако ее приятно взволновали его слова, и в глазах ее под опущенными ресницами заиграли чертики.

Санеблидзе возликовал в душе: у женщины, падкой на комплименты, не трудно добиться успеха, подумал он.

— Я сегодня должен быть в министерстве. Возможно, мне удастся вырвать дополнительную штатную единицу. Мне бы хотелось, чтоб ты была поближе ко мне. Ведь и ты тоже этого хочешь?

Ирма согласно склонила голову...

Когда она вышла на улицу, с затянутого хмурыми тучами неба сыпал частый дождь. Пешеходы раскрывали зонты, старались юркнуть в магазин или под какой-нибудь навес. Только Ирма, не смущаясь дождем, не бежала, а бежала тела домой. Ей хотелось поскорее обрадовать Элизбара своими победами.

Ведь как удачно все сегодня получилось! И как искренне расположен к ней Санеблидзе! Он болеет за нее душой, как близкий человек. Да и главный врач, хоть он и сильно занят, перегружен — ведь больница-то огромная! — всегда готов уделить ей время. А как бы действительно было хорошо, если бы ей пришлось работать с Санеблидзе! Слава богу, всем известно, какой он замечательный хирург. У него такое имя! Она сумеет столькому от него научиться! И как приятно, что все его так любят, ценят, уважают.

Наконец-то, наконец-то! Главврачу только остается подписать приказ, и Ирма мечта, которую она так долго лелеяла, осуществится. Интересно, что скажет на все это Элизбар! Странный он все же какой-то — никому и ничему не верит, всех в чем-то подозревает! Всего-то один раз видел Санеблидзе — и готово, припечатал! Не верю, мол, я ему, и все. Несерьезно как-то он себя ведет. Что, мол, это за возня такая с твоим устройством на работу? Голову, мол, могу дать на отсечение, что тут что-то не так. А вот посмотрим, что он теперь скажет, мой муженек? Правда ли даст мне отсечь свою упрямую голову?

Но Ирму так-таки изрядно замучили. Что ни день — она в больнице, что ни день — дожидается часами то Санеблидзе, то главврача. И кто знает, может, ей еще и откажут? Машинистка показала ей на днях целую кипу заявлений. А еще главврача осаждают кому не лень телефонными звонками. Тому надо пристроить двоюродную сестру, тому — брата, тому — свата. Очевидно, потому Санеблидзе и предупредил ее, чтобы она перед всеми называла себя его родственницей.

Вот какие мысли одолевали Ирму, когда перед нею неожиданно предстал собственной персоной Санеблидзе. Глянув на нее, он остался очень доволен: она была в том самом трикотажном платье и в туфельках на высоких каблуках.

Правда, мужчины нередко склонны истолковывать факты в свою пользу и поэтому так же нередко попадают впросак со своими домыслами, но на сей раз Санеблидзе не ошибся: Ирма постаралась одеться так, чтоб ему понравиться. Даже сами глаза ее говорили: я сделала все это не по чему другому, а только чтоб угодить тебе. Ведь правда же, сегодня я тебя окончательно обворожила?

На жалобы Ирмы, что главврач почему-то тянет с подписанием приказа, Санеблидзе только усмехнулся. «Не волнуйся, — утешил он ее, — я сейчас же к нему пройду и все улажу».

Секретарь вошла в кабинет главврача, осталась там минуточку и, вернувшись, с улыбкой обратилась к Ирме:

— С вас причитается: приказ подписан!

Так или иначе, а желание Ирмы наконец исполнилось! И всем она обязана одному только Санеблидзе. Нет, она никогда в жизни этого не забудет.

Санеблидзе вышел из кабинета главврача с веселым и самодовольным видом. Его смеющиеся глаза горели юношеским задором. Крепко пожав Ирме руку, он обхватил ее за плечи и проговорил с шутливой торжественностью в тоне:

— Поздравляю с назначением. Мне приятно, что я первый поздравляю тебя в этот счастливый день.

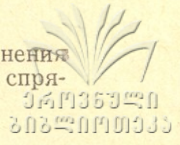
— Я не найду слов, как вас благодарить, — со слезами радости на глазах ответила она.

Санеблидзе, расположившись возле стола, усердно растирал что-то ложкой в белой фарфоровой чашке. При виде открывшей дверь Ирмы он, как застигнутый врасплох преступник, страшно растерялся, весь побагровел и поспешно сунул чашку под стол.

— А, это ты? Хорошо сделала, что пришла! — поднялся он ей навстречу. «Поразительный человек! Как же еще я могла поступить, если не прийти?» — подумала Ирма, садясь на указанный ей стул.

— Ну, значит, так-с, — начал Санеблидзе, потирая руки и задвигая чашку ногами поглубже под стол. Он раскрыл общую тетрадь, вынул оттуда какие-то исписанные листки, спрятал их в ящик стола, а тетрадь протянул Ирме. — Вот в эту тетрадь ты будешь записывать больных, вести учет. Имя, отчество, фамилия, год рождения, адрес, национальность... — одним словом, заполнишь все графы, как указано. — При этих словах он улыбнулся: дескать, как са-

ма видишь, невелика премудрость и тратить время на дальнейшие разъяснения не имеет смысла, но вдруг, будто опомнившись, быстро сомкнул губы, спрятав свои желтые от никотина зубы и блеклые десны.

Ровно в девять утра начался прием больных.
Первой вошла одетая во все черное старуха.
— А номерок у вас есть, мамаша? — спросил Санеблидзе.

— Есть, как не быть, сынок, дай тебе бог радости!
Врач обернулся к Ирме — зарегистрируй, мол.

— Что вас беспокоит? — спросил он больную, когда Ирма покончила со своим делом.

— Бок болит. Да и не сплю совсем, ночи напролет глаз не сомкну.
— Подымите-ка рукав.

Санеблидзе измерил больной давление и принялся выписывать рецепт.

— Вот тут болит, — бормотала в это время старуха, держась рукой за свой бок. — Особенно по ночам. Минуты не уснуть.

— Ничего, мать, пройдет. Немного повышено давление. Вот я выпишу лекарство от бессонницы. Будете хорошо спать, давление понизится и боли пройдут.

— Эх, при чем тут давление, сынок! Это у меня после первых родов. С тех самых пор все болит и болит. Был один врач, царство ему небесное, бывало, как попою его лекарства, так и проходит. Боль как рукой снимало. А теперь к кому ни пойдешь, все только и знают, что давление мерить. Я вот и то думаю, что бы вы нынче делали, кабы не было вот этого аппарата? Верно, и осматривать-то больных разучились.

Санеблидзе, не обращая внимания на бормотанье старухи, выписал рецепт.

— Принимайте через день перед сном, — протянул он ей бумажку.

— Спасибо, сынок! Видать, мне только и остается, что навеки уснуть. Вот уж будет сон так сон.

Она приняла от Санеблидзе рецепт и взамен сунула ему в руку пятерку.

— Не надо падать духом, мамаша, вы еще не так стары! — подбодрил он старуху и ловко запрятал бумажку, сунув для отвода глаз обе руки в карманы. — С вашим сердцем вы до ста лет проживете.

— Дай тебе бог радости в жизни за твои слова, но сердца-то моего ты ведь не смотрел.

— Но я же пощупал пульс. А это самое главное! — Он взял в руки запястье старухи. — Ну, я же говорю — как у семнадцатилетней девушки... А это значит, что сердце здоровое, крепкое! — После этого он приложил к груди больной стетоскоп, послушал, послушал и заключил: — Я опять повторяю: до ста лет проживете с вашим сердцем, мамаша.

— Да я на сердце не жалуюсь. Бок беспокоит меня, сынок, бок.

— А ну-ка покажите мне точнее, где у вас болит?

— Вот тут, сынок, тут, — снова приложила старуха руку к левому боку.

Санеблидзе несколько раз сдвигал пальцами указанное больной место, покачал головой и сказал после краткого раздумья:

— Ну-ка, мамаша, разденьтесь выше пояса.

На этот раз врач долго провозился со старухой. Он и в рот ей заглядывал — покажите, мол, мамаша, язык; и, оттянув нижнее веко, приглядывался к слизистой глаза; спросил, не мучит ли ее тошнота.

— Нет, сынок, — ответила она.

— Отлично, отлично, одевайтесь. Я вам тут кое-что выпишу.

Он быстро написал еще один рецепт и принялся давать старухе наставления:

— Для вас, мамаша, главное — правильное питание. Мясного и жиров избегайте. Ешьте побольше овощей и фруктов. Ужинать пораньше... А лучше ложитесь и вовсе без ужина. Утром и вечером пить по стакану «Саирме». Старайтесь бывать побольше на воздухе, не нервничать. Я назначил вам дополнительно порошки. Будете принимать их три раза в день перед едой. Опасного у вас ничего нет. Все пройдет.

— Эх, сынок, кабы я могла три раза в день есть, мне бы и горя мало!

— Есть надо, мамаша, обязательно надо. Если как следует не питаться, то и сердцу трудно.

— Ну, будь здоров, сынок. Когда мне в следующий раз заглянуть?

— Дней через десять.

— Ну, значит, так-с, — пробормотал себе под нос Санеблидзе, отпустив старуху, и поднял глаза на Ирму: зови, мол, следующего.

За дверью скупилось человек десять больных. В кабинет собралась войти какая-то молодая особа, но стоявший рядом с ней мужчина опередил ее, заявив, что сейчас его очередь.

— Каким образом ваша, когда у меня второй номер? — нервно ответила женщина. — Вот поглядите! — и она показала ему свой номерок.

— Погодите, гражданин! Я ведь был уже тут, когда вы пришли, да ли?

— Да, были. Но при чем тут это?

— А при том, что здесь живая очередь. И ваш кусочек картона для меня никакой роли не играет. — И мужчина решительным шагом вошел в кабинет.

Санеблидзе при его появлении поднялся, спросил, как он себя чувствует, не беспокоят ли его еще боли.

— Да так, ни шатко ни валко, — махнул рукой больной. — Днем еще ничего, а по ночам просто места себе не нахожу.

— Разденьтесь-ка!

— А не записывать больного? — спросила Ирма.

Санеблидзе отрицательно мотнул головой и добавил:

— Больных, которые приходят без номерков, регистрировать не надо.

Больной спустил брюки и ничком лег на топчан.

Санеблидзе осторожно несколько раз надавил ему пальцами на спину и спросил: «Болит?».

— Ой, очень, очень! — со стоном ответил больной.

Покончив с осмотром, Санеблидзе сказал, потирая руки:

— Не вижу другого пути, как применить китайский способ лечения.

Больной с крихтением повернулся на спину и замахал руками:

— Нет-нет, доктор, этого я не выдержу! Может быть, принять опять диатермию?

— Нет, из этого ничего не получится. Диатермия никакого эффекта не дала. Мой метод тоже оказался бессильным. Остается попробовать китайский способ. На сегодняшний день в Грузии никто, кроме меня, им еще не владеет. За чем же вам упускать такую возможность?

— Не знаю, не знаю, доктор. Я как-то здесь видел, как вы втыкали в спину больному иголки, так у меня от одного этого мороз по коже продирает.

— Это только с виду так кажется. Вы абсолютно ничего не почувствуете...

Вошла молодая женщина, та самая, которая спорила с мужчиной насчет очереди. Поздоровавшись, она приостановилась, не дойдя до стола.

Санеблидзе смерил ее выжидательным взглядом и подал Ирме знак — зарегистрируй, мол.

Когда процедура регистрации была закончена, врач спросил у больной:

— Что беспокоит?

— Поясница все время ноет, доктор.

— Давно?

— Уже будет месяца два.

— Немного повремените, я сейчас вас осмотрю. — Он подошел к топчану и, пока больной одевался, наставлял его: — На поясницу — шерстяную шаль, ноги в тепле. Хотя бы временно следует воздержаться от курения и от спиртных напитков. Ночью старайтесь не раскрываться. — Говорил он с расстановкой, медленнее, чем обычно, внушительно растягивая слова. И особенно много раз повторил, что поясницу следует постоянно держать в тепле.

Ирма поглядывала то на Санеблидзе, то на больного и никак не могла взять в толк, почему врач так подчеркнуто внимателен к этому своему пациенту. Вид у того был не очень-то интеллигентный и вряд ли он мог представлять собою какую-нибудь важную персону. Но вот причина повышенной заботливости врача стала наконец сама собою ясна: Ирма мельком заметила, как из рук больного в карман врача молниеносно перекинулась красненькая десятирублевка.

Санеблидзе проводил больного до самых дверей, еще раз напомнил ему, что надо как следует укутать поясницу шалью, и при прощании дружески хлопал его по плечу.

— Ну, значит, так-с. — Санеблидзе, потирая руки, приблизился к своему столу, попросил больную подсесть поближе, измерил ей давление. Затем он поднялся, велел ей стать поровнее и высоко поднять голову. — Хорошо, хорошо! А теперь сразу быстро опустите голову так, чтоб подбородок коснулся груди. — Пока женщина выполняла эти движения, врач прощупывал ей спину ниже лопаток, заранее попросив ее сказать, когда она почувствует боль.

— Ой, здесь больно, доктор, очень больно!

Санеблидзе удовлетворенно закивал головой: дескать, теперь мне все понятно. Подсев к столу, он сделал какие-то пометки в анкете больной и потом сказал ей:

— Хронический радикулит. Вам необходимо длительное лечение.

— Я попрошу вас, доктор, взять мое лечение на себя... Так просто я не хочу... Только вылечите меня, мне ничего не жаль.

— Хорошо. Я буду лечить вас по собственному методу. Обнажите, пожалуйста, поясницу и лягте ничком.

Когда женщина легла, Санеблидзе позвал Ирму и сказал ей, чтоб она внимательно следила за всем тем, что он будет сейчас делать, ибо подобные процедуры придется проводить ей самой. С этими словами он извлек из-под стола фарфоровую чашку, перемешал как следует ложкой ее содержимое, затем выложил ложку мази на спину больной, тщательно втер ее в тело и начал обеими руками делать массаж.

Когда массаж был закончен, он впрыснул больной какое-то лекарство и смазал место укола йодом.

— Вам придется пройти эту процедуру еще три-четыре раза, — предупредил он.

Женщина, ничего не ответив, молча поднялась с топчана и снова подошла к столу врача.

Санеблидзе записал что-то в ее анкету, а потом сказал:

— Будете приходить через день. Вам все понятно?

— Понятно-то понятно, но... — запнулась больная, подыскивая слова.

— Что «но»?

— У меня двое грудных детей, близнецы. Не на кого их оставлять... Может быть...

— Что «может быть»?..

— Может быть, вы выпишите мне рецепты... Моя золовка — врач... Она могла бы сама сделать мне втирание и массаж, да и уколы тоже...

— Да что вы? Это же мой собственный метод лечения! На эту тему я собираюсь защитить диссертацию. Этот метод только-только еще пробивает себе путь в науку. И я, как это ни печально, пока никому не могу открыть свой секрет. Хотите — лечитесь, хотите — нет, воля ваша. У меня и без того пропасть больных. Я принимать не успеваю.

— Хорошо, придется как-нибудь ходить.

Когда женщина вышла, Санеблидзе повторил свое излюбленное: «Ну, значит, так-с» — и спросил Ирму:

— Теперь ты видела, как проводится процедура. Верно?

— Конечно, видела.

— А уколы ты делать умеешь?

— Ну ясно, умею!

— И делать втирание ты тоже легко научишься. Надо только действовать твердо и уверенно.

Как-то Ирма и сама провела двум больным процедуру. Санеблидзе поглядел на ее работу и воскликнул в восхищении:

— Умница, молодчага! Отныне ты моя первая помощница. Ты еще погоди, о нас с тобой очень скоро заговорят, да на всю страну.

Однако день шел за днем, месяц за месяцем, а санеблидзевский метод что-то не находил признания. Правда, пациентов становилось все больше и больше, но зато и сплетен тоже. И исходили они не от кого другого, как от коллег Санеблидзе. Слухи шли самые разноречивые. Одни говорили, что никакого собственного метода у Санеблидзе нет и он только сам создает вокруг своего имени шумиху, чтоб привлечь побольше пациентов. Другие со всей определенностью заявляли, что медицине давно известно лечение, которое Санеблидзе выдает за свое, — он, мол, просто-напросто втирает мазь на пчелином яде и проводит новокаиновую блокаду. Находились и такие, которые утверждали, что так называемый «метод Санеблидзе» — одно шарлатанство и что склонность к такого рода делишкам водится за ним с давних пор, только раньше он врачевал хронический насморк у детей.

Санеблидзе знал обо всех этих толках, но они его нисколько не трогали.

Больше всего поражал Ирму оптимизм ее патрона. Каждому больному он абсолютно убежденно говорил, что пяти процедур достаточно, чтобы боли совершенно снялись. А повторный-де курс гарантирует полное излечение. И действительно, улучшение иногда наблюдалось, но только кое у кого из больных. По большей же части даже два полных курса не приводили ни к какому результату. Но Санеблидзе это нисколько не обескураживало. В тех случаях, когда его лечение не помогало, он с поразительной легкостью перекладывал вину на самого больного: не надо, мол, было так запускать болезнь, теперь вам придется, конечно, провести несколько дополнительных курсов. А если и эти «дополнительные курсы» ничего не давали, он переключался на китайский способ лечения, после которого нередко вновь возвращался к своему. Но главное, он никогда не отчаивался и не отступал.

Бывало, и не раз, что пациент подвергал сомнению правильность санеблидзевских методов лечения и переходил к другому врачу. Но, как ни странно, очень скоро тот же больной вновь возвращался обратно.

И вот когда надо было поглядеть на нашего доктора Санеблидзе — Вот кто-то да его одолевала амбиция истинного ученого и выдающегося врача! Отступникам он неизменно отказывал, выпроваживая их со словами: я не смогу и не буду лечить того, кто в меня не верит!

Однажды, когда Ирма выглянула за дверь, чтоб пригласить очередного пациента, один из больных во всеулышание разглагольствовал перед очередью: — Вы знаете, еще месяц-другой назад я, как и вы, мучился радикулитом. И к кому только из тбилисских врачей я не обращался, какие деньги ухнул на лечение! До Москвы, до Ленинграда добрался, и все напрасно. А вот доктор Санеблидзе, да пошлет бог благополучие всей его семье, поставил меня на ноги. О болях я и думать забыл, хоть в пляс пускайся. — В доказательство он лихо отколот пару коленец из багдадури, пустившись впрысядку, и сразу вслед за этим обратился к Ирме:

— Девушка, разрешите мне на минутку, я только хочу сказать врачу спасибо.

Ирма чуть замешкалась с ответом, не зная, как ей поступить. В это время послышался голос Санеблидзе: он просил пропустить к нему больного. Ирма уступила незнакомцу дорогу. Тот прошел в кабинет, не прикрыв за собою двери, и, сделав шаг-другой от порога, остановился с простертыми в сторону Санеблидзе руками.

— Спасибо, доктор дорогой, спасибо! Вы воскресили меня, я снова почувствовал себя человеком, обрел вторую жизнь. А ведь меня принесли к вам на носилках. — И, бросившись к Санеблидзе, он стиснул его в объятиях и крепко расцеловал. Поблагодарил он и Ирму. А затем снова обернулся к Санеблидзе: — Не посмею вам больше мешать, но я не мог не прийти, не поблагодарить вас.

Тут что-то не так, соображала про себя Ирма. За все время ее работы не было случая, чтоб больного доставили к Санеблидзе на носилках. И разве бы она могла забыть этого шумного и болтливового человека?! Но, с другой стороны, чего бы ради он стал плести всю эту ахию?

Не выдержав, Ирма поделилась своими сомнениями с Санеблидзе.

— Ты права, — ответил он ей самым невозмутимым тоном. — Я лечил его на дому. Он живет тут же, по соседству, вот и решил, по-видимому, заглянуть поблагодарить.

Но все равно ничего было не понять. Ведь сам незнакомец ясно сказал, что его принесли на носилках! Ну, а если даже, положим, он лечился дома, то зачем ему было являться сюда с изъявлениями благодарности?

Стоя на балконе, Санеблидзе с наслаждением вдыхал полной грудью прозрачный, пропитанный росной свежестью воздух. Вдоволь налюбовавшись влажными бархатистыми холмами и зажженным на востоке утренней зарей небосклоном, он спустился во двор и побежал трусцой вокруг коттеджа. Сделав пять кругов, он как следует размялся возле крана, вымылся по пояс под ледяной струей, растерся махровым полотенцем и вернулся в дом.

Его супруга Тамар еще лежала в постели, увлеченная каким-то французским романом. Муж пожелал ей доброго утра и, подсев к зеркалу, закужжал электробритвой.

— Боже, как я зачиталась! — воскликнула Тамар. — Который, интересно, час?

— Наверное, скоро девять.

Приподнявшись на локте, Тамар оглядела мужа саркастическим взглядом:

— Ты что, собрался куда-нибудь?

— Почему?

— Ни свет ни заря решил расфуфыриться!

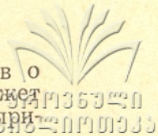
— Глупое замечание! А тебе что, приятнее, чтоб я ходил росомархой? Помоему, каждой жене должно доставлять удовольствие, когда ее муж прилично выглядит.

— Еще бы, еще бы! А ты и впрямь в последнее время очень что-то похорошел. Иди-ка сюда, иди...

Муж, словно не расслышав слов жены, подошел к окну и отдернул штору. Комната наполнилась ослепительно ярким утренним светом.

— Будет тебе прохладяться, Тамар, голубушка, сегодня воскресный день, к нам может кто-нибудь заглянуть.

— Ты кого-нибудь ждешь?

— Кого я могу ждать? — нехотя ответил он и, точно вдруг вспомнив о чем-то, добавил как можно более безразличным тоном: — Разве что может прийти дочь материной троюродной сестры. Я ее как раз встретил вчера и пригласил к нам сюда.

— Что это еще за новая родственница? Я ее знаю?
 — Нет, ты, по-моему, с ней не знакома. Она, кстати, работает медсестрой у нас в поликлинике.

— И давно? Не иначе, как ты сам ее устроил?
 — Да, немного помог. Как-никак не чужая. Уж очень она просила, невозможно было отказать. Нельзя, моя Тамар, не сделать иногда добра людям.

— Она замужем?
 — Да, совсем недавно вышла замуж, к твоему сведению. Муж у нее — студент. Они оба очень хотят с тобой познакомиться.

— Не знаю, как это так: приглашать в дом гостей и мне об этом ни слова! И дальше же тебе эти родственники!
 Санеблидзе досадливо махнул рукой — ну, мол, тебя с твоими капризами — и, не удосужившись ничего ответить, включил радио. Передавали утреннюю гимнастику. Он выключил репродуктор и снова пошел во двор.

Глаза его с таким радостным удивлением скользили по залитым солнечным светом горам, зеленым полянам, садикам, по хорошеньким дачным домикам, точно он видел все это впервые. Ему хотелось петь, танцевать, он готов был, кажется, обнять весь мир. Все его существо будоражили какие-то новые, непривычные ощущения; он чувствовал во всем теле неопиcуемый прилив сил.

Ему вдруг захотелось пройти в детскую, приласкать ребятшек. Но когда он подошел к дверям, домработница шепотом его остановила:

— Дети еще не просыпались.
 Он на цыпочках отошел от двери, еще разок окинул взглядом окрестность и, пройдя в огород, принялся окучивать помидорную рассаду. Но работалось ему невесело, он злился в душе на себя за свою опрометчивость: лучше было ничего пока жене не говорить, ведь Ирма с мужем могут еще и не прийти!

Между делом он все поглядывал на дорогу, по которой стремглав пронеслись машины.

— Папочка, скажи Кобе, чтоб он от меня отстал! — послышался со стороны дома голосок его дочурки. Девочка стояла неподалеку от него, растирая кулачком слезы.

— Иди, иди ко мне, ластонька моя! — поманил он к себе дочурку и, когда она подбежала, подхватил ее на руки и крепко расцеловал.

— Папочка, Коба говорит, что все кукольные платья унесли ночью воры, — всхлипывая, лепетала она. — Разве это правда?
 — Нет, дочурочка, он тебя обманул. А ну-ка позови его ко мне.

Девочка бросилась к дому и закричала на ходу:
 — Коба, Коба, иди, тебя папа зовет!

Пока она взбежала, Коба уже стоял на верхней площадке лестницы.
 — Идем сейчас же к папе! — затараторила девчушка, таща брата за край курточки.

— Убери руки! — крикнул Коба, надвигаясь на сестренку и вырывая у нее курточку.

— Доброе утро, папа!
 — Раста большой, сынок! — улыбнулся ему Санеблидзе и внезапно тут же добавил строгим тоном: — А ну, подойди-ка, подойди поближе.

Коба задиристо погрозил сестре кулаком: небось, наябедничала, да? Ничего, будет тебе за это на орехи. Он уже сбежал во двор, но стоял на расстоянии от отца.

— Сюда, сюда иди. Что ты там застрял?
 Коба подошел поближе.

— Скажи мне, когда ты наконец отучишься сочинять?
 — Это не я сочиняю, а ты!

— Как так? А в чем я тебя обманул?
 — А ты купил фотоаппарат? Небось, обещал вчера.

Санеблидзе покаянно покачал головой.
 — Гляди ты, совсем позабыл! Завтра же я обязательно выполню свое обещание. А теперь скажи мне, куда ты подевал платья Наниных кукол?

Мальчуган вместо ответа молча потупил голову. Отец положил ему руку на плечо.

— Чего ты привязался к этой кучей курточке, она же тебе до пупа? — Он потрепал малыша за ухо и два-три раза шлепнул его по мягкому месту.

— Сейчас же верни Нане кукольные платья.
 На глазах у разбидевшегося мальчугана выступили слезы.

Нана не ожидала подобного оборота дела и теперь растерянно поглядывала то на отца, то на брата.

Коба, отпихнув сестренку с дороги, отошел на несколько шагов и вдруг остановившись, обернулся.

— А на тебе самом не куцая пижама?! — подковырнул он, обращаясь к отцу. — И майка куцая: живот аж вон как выпирает. — И он, сцепив руки, отвел их как только мог подальше от себя и при этом еще раздул почему-то щеки. Продемонстрировав таким образом, какой у отца большой живот, он сорвался с места и припустил к дому. Сестренка вприпрыжку последовала за ним...

После завтрака Санеблидзе опять собрался в огород, но жена остановила его замечанием, что он накануне обещал свозить их всех на Тбилисское море.

— Что ж, я не прочь, с удовольствием! — с притворной готовностью ответил Санеблидзе, будто ему и в самом деле все равно было — ехать или оставаться.

Коба, услышав, что отец согласен ехать на Тбилисское море, радостно возопил:

— Красота! Едем на Тбилисское море!

Увидя, что брат так развеселился, Нана, которая до сих пор была занята своими куклами, испугалась, не оставили бы ее дома, и занудила:

— И меня тоже возьмите, и меня тоже возьмите!

— Разве же мы тебя оставим одну дома, глупенькая? — ласково склонилась над дочуркой Тамар, глядя ей по голове. — Давайте-ка лучше будем собираться.

Начались хлопотливые сборы, и минут через двадцать вся семья была готова к отъезду.

Санеблидзе уже выводил машину из гаража, когда заметил вдалеке свернувших к их даче Ирму и Элизбара. Однако он, поставив машину во дворе, крикнул своим:

— А ну-ка рассаживайтесь, да поживее!

Коба и Нана попрыгали в машину и заерзали на сиденье, устраиваясь поудобнее. Следом за ними поднялась в машину и мать, севшая рядом с детьми.

Санеблидзе вышел из машины, вымыл руки и двинулся отворять ворота. Молодые супруги еще не появились, но, как он прикинул в уме, они должны были быть уже поблизости от ворот. Он отомкнул замок, толкнул обе створки, и ворота легко и свободно распахнулись. Молодая чета стояла в двух шагах от него.

— Кого я вижу?! — с притворным удивлением воскликнул он и чуть отступил, пропуская гостей во двор. — Вот это называется гостеприимный хозяин, верно? Смотрите, как точно я подгадал и как широко распахнул перед вами ворота! Прошу вас! Пожалуйста, пожалуйста!

— Здравствуйте, — с улыбкой промолвила Ирма, принимая протянутую хозяином руку.

Тамар, которая при виде гостей вышла из машины, живо заметила, что ее супруг что-то уж очень долго не выпускал руку гостыи, так что даже заставил ее в смущении погупиться. Поздоровавшись за руку и с Элизбаром, хозяин подвел молодых супругов к Тамар.

— Это и есть моя родственница, о которой я тебе давеча говорил, — показал он глазами на Ирму, — а это ее муж Элизбар, — пояснил он далее, опуская руку на плечо Элизбара.

Здороваясь с гостями, Тамар перехватила направленный на Ирму восхищенный взгляд мужа, который чуть что не пожирал молодую гостью глазами. «Но это и не удивительно, — оправдала она его в душе, — кто же не заглядится на такую куклу! Ну а уж мой-то муженек готов пялить глаза на каждую смазливую девчонку».

— Что же будем делать? — спросил Санеблидзе у жены и тут же сам себе ответил: — Давай заберем и наших гостей на Тбилисское море. Погода прекрасная!

— Что за необходимость? Можно и не ехать, — досадливо ответила Тамар.

— Нет, почему же? День большой. Проедемся к морю, а потом вернемся и дома все вместе пообедаем.

— По коням! — скомандовал Коба.

Тамар, Ирма и дети расположились на заднем сиденье, а Элизбар сел рядом с Санеблидзе.

Всю дорогу Тамар не закрывая рта болтала, смеялась, засыпала Ирму всякими вопросами. Поглядеть со стороны, она как будто была очень рада

своим гостям. Но Санеблидзе-то знал свою жену насквозь, и он не обманывался, чувствуя, что Ирма пришлась Тамар не по душе и она только старается выдержать роль гостеприимной и приветливой хозяйки.

Мужчины лишь изредка перебрасывались словами, внимательно прислушиваясь к разговору своих жен.

Когда они стали подъезжать к Багеби, Санеблидзе сказал, тряхнув несколько раз головой:

— В ушах такой шум, будто приземляешься на «ТУ».

— Да-да, и у меня точно такое же ощущение! — подтвердила Тамар, желая показать, что и она летала на «ТУ».

— Уф! Уже жарница чувствуется! — пыхнул губами Санеблидзе, высовывая за окно руку. — Сегодня будет хорошее пекло.

— Папочка, я искупаюсь в море, ладно? — закинул удочку Коба.

— Не возражаю.

— И я, и я! Я тоже хочу купаться в море! — заканочила плаксивым голосом маленькая Нана.

— Хорошо, ластонька, и ты тоже поплескаешься. А вы не собираетесь окунуться? — спросил Санеблидзе у Ирмы и Элизбара.

— Там видно будет, — ответил Элизбар.

— Я лично могу сказать заранее, что купаться не буду, — заявила Ирма.

— Почему так? Ты что, не умеешь плавать? — спросил Санеблидзе.

— Нет, не умею.

— Да это же пустыни, мы тебя научим.

— Разве так сразу научишься? И потом... — запнулась на полуслове Ирма. — А купальник?..

— Ну уж это совсем легко исправимо! — бросил Санеблидзе.

Ирма и Элизбар так и не поняли, что имеет в виду под своим «легко исправимо» Санеблидзе, зато Тамар все поняла отлично. «Этот ненормальный, наверное, собирается купить ей купальный костюм», — подумала она, вскипев в душе на мужа за его чрезмерную расточительность.

Возле университета Тамар напомнила мужу, что им удобнее всего спуститься по Варазисхеви — это самый краткий путь.

— Ничего, свернем подальше, — ответил он, указав пальцем в сторону площади Руставели, и покотил дальше, по улице Ленина. Миновал площадь Руставели, он остановил машину у магазина спорттоваров.

— Ну, что вам купить, дети? — спросил он у ребятнишек.

— Мне мяч купи, папа! — попросил Коба.

— А мне утку, которая плавает, пап, и это еще... — не смогла припомнить чего-то Нана.

— И еще... ничего, — подкусил сестренку Коба.

Из магазина Санеблидзе вышел с целым ворохом покупок в руках. Усевшись в машину, он протянул Кобе мяч в сетке. Нана получила свою надувную утку, «которая плавает». И наконец, Ирме был преподнесен в пакете купальник.

— Это тебе от меня на память, — присовокупил Санеблидзе, вручая Ирме подарок.

Только они одолели подъем и выехали на широкое асфальтированное шоссе, ведущее прямо к Тбилисскому морю, как Санеблидзе воскликнул:

— Как дышится, а?! Настоящий морской воздух!

— Папа, подвези нас к катерам! — попросил Коба.

— Нет, там не искупаешься. Я лучше подрулю к острову «Куба». Но ты не печалься, покатайся на катере мы тоже успеем.

Внизу искрилось под солнцем играющее синевой море. Людей было много. Одни плавали, другие принимали солнечные ванны. А многие просто нежились в ароматной тени сосен, которыми порос весь покатый берег, или трапезовали, расстелив прямо на зеленой травке скатерти.

В маленькой бухточке чуть поодаль стремительно носились взад-вперед моторные катера, следом за которыми на буксире скользили по водной глади лыжники!

Подле станции Санеблидзе приостановил машину и позвал работавшего там паренька:

— Как освободишься, подойди к острову «Куба».

Ирма вскрыла пакет с купальником — ей не терпелось взглянуть, какой он расцветки. И — о радость! — он оказался ее любимого кизилового цвета. Она не удержалась от радостного восклицания: «Ой, какая прелесть!».

Элизбар укоризненно покосился на жену: ну и тряпичница, господи прости!

«Это действительно как-то глупо у меня получилось!» — подумала Ирма. Машина чуть не вплотную подъехала к воде. Куба мигом разделся. На-
на, глядя на него, тоже второпях стащила с себя одежду и туфельки. Дети
Дети вошли по колена в воду и стали плескаться, обдавая друг друга
бризгами.

Тамар и Ирма поспешили укрыться в тени сосен.

Санеблидзе разоблачился в машине, натянул на себя плавки, надел тем-
ные очки и, грузный, весь поросший, как леший, волосами, пошел к воде. Гля-
нув на его короткие, худые и жилистые ноги, вы бы поразились, как они
умудряются таскать на себе такой тяжеловесный торс. Он усиленно старался
поглубже втянуть в себя свой жирный, дряблый живот, выпячивал грудь ко-
лесом и, медленно раскачивая руками, переступал шаг за шагом с видом уве-
ренного в своих силах тяжеловеса-штангиста. И вдруг он с неожиданной
прытью врезался в воду, проплыл метров десять, нырнул, высунулся, похо-
жий на тюленя, из воды и поплыл дальше. Плавал он умело и довольно кра-
сиво, только все время крутил головой, стараясь разглядеть, смотрят ли на
него женщины. Отплыв от берега метров двадцать, он перевернулся на спину,
отдышался и крикнул жене и Ирме:

— Девочки, а вы почему не идете в воду?

— Поплескайся ты за нас! — откликнулась Тамар.

— А ты, герой, чего не идешь? — обратился он к Элизбару.

— Не знаю. Я еще никогда здесь не купался.

— Не робей! Коли умеешь плавать, на дно не пойдешь!

Элизбар разделся и бросился в воду. Отплыв немного от берега, он крик-
нул жене:

— Вода теплая, иди и ты искупайся.

Ирма и сама бы с удовольствием полезла в воду, но одной ей было не-
ловко, а Тамар ни в какую не соглашалась: слишком-де много народу. Ну и
что с того? Не съедят же их люди? Небось, у нее такой же жирный живот,
как и у мужа, вот она и не хочет оголяться.

— Вода, говорят, теплая. Может, и нам бы освежиться? — заискивающе
обратилась она к жене Санеблидзе.

— Была бы охота, никто, по-моему, не мешает, — сквозь зубы проце-
дила та.

Обрадовавшись, что поймала ее на слове, Ирма вскочила и зашла в ку-
сты, чтоб переодеться. И уже через несколько минут ее точеная фигурка за-
маячила на берегу стройным топольком.

Из маленькой бухточки выскочил катерок и, описав полукруг, пристал к
острову «Куба».

— Папуля, катер пришел, катер пришел! — подняли крик дети.

— Элизбар, усади детей на катер, — распорядился из воды Санеблидзе
и, повернув голову, окликнул жену: — Тамар, иди хоть прокатись.

— Спасибо, сам катайся, если у тебя есть желание, — желчно ответила
Тамар.

— Поезжай тогда ты с ними, Элизбар, Тамар не едет, — попросил Са-
неблидзе.

Элизбар в свою очередь обратился к Ирме:

— Поехали, покажемся вместе.

Ирма сделала отрицательный жест рукой.

Затарахтел мотор, катер дрогнул, и вода за его кормой вскипела белой
пенной.

Ирма осторожно, на цыпочках пошла к воде — мелкие камешки мешали
ей ступать на всю ступню. У самой кромки берега она приостановилась и
попробовала воду кончиком ноги. «Ой, какая холодная!» Отдернув ногу, она
вся напряглась, как натянутая струна, и стала — с высоко поднятой грудью,
подтянутым животом и ставшей совсем тоненькой талией — еще более строй-
ной и неотразимой. Немного постояв так, она все-таки отважилась войти в
воду, разок окунулась и пошла обратно к берегу.

Санеблидзе вовсю изощрялся, плавая то brassom, то кролем, то переходя
на баттерфляй и выскакивая чуть не до пояса из воды. Он делал вид, что
полностью увлечен своим занятием, а сам исподтишка не пропускал ни одного
движения Ирмы. Как только она пошла к берегу, он закричал ей вслед.

— Что, уже надоело? Возвращайся, окупись еще разок, это же одно на-
слаждение!

— Страшно. Я ведь не плаваю.

— Иди, иди в воду, я тебя мигом научу! — Так уговаривая ее, он тем
временем подплыл поближе и попытался удержать ее за скользкий, сверкаю-

ций на солнце локоть, от одного прикосновения к которому его словно прошибло током.

— Нет, нет, я не хочу, — начала она не очень решительно, все еще стоя по колено в воде.

— Гляди-ка, это очень просто. Вот пройди сюда, чуточку поглубже, подайся грудью вперед и начинай равномерно взмахивать руками. Ты такая спортивная, что у тебя это должно очень легко получиться.

— Нет, нет, не хочу, — все еще повторяла женщина, бесконтрольно между тем подчиняясь мужской воле и делая то, что он велит.

Санеблидзе чуть-чуть поддержал ее снизу, подсунув руки ей под живот. Но только он прикоснулся к гибкому и эластичному молодому женскому телу, как кровь в нем взыграла, словно шампанское, сердце неистово заколотилось, перед глазами пошли огненные круги.

«Это колдовство, настоящее колдовство!» — только и успело мелькнуть у него в голове, когда он непроизвольно прижал к груди бившуюся, как выпавшая из плетушки форель, женщину и прильнул губами к ее розовому бархатистому плечу.

— Отпустите меня, отпустите! — взвизгнула Ирма и, вырвавшись у него из рук, бросилась в сторону берега.

— Куда ты, Ирма? погоди! Я научу тебя плавать! — зывал он к ней, закатывая в страстной истоме глаза.

— Как вы посмели?! У меня есть муж! Я никому не давала и не даю повода! — возмущенно говорила уже выбравшаяся на берег Ирма, горделиво выпрямившись во весь рост.

— Прости меня, бога ради прости, — жалобным голосом молил Санеблидзе. — Я сам не знаю, что на меня вдруг нашло. Вернись, прошу тебя, в воду, я не дотронусь до тебя пальцем, даю тебе честное слово.

Ирма ничего не отвечала. В глазах ее стояли обида и укор. Она еще некоторое время смотрела на Санеблидзе, который продолжал ее уговаривать вернуться в воду, потом круто повернулась и направилась к кустам.

Санеблидзе отплыл так далеко, что его почти не было видно.

Одному богу известно, сколько красивых женщин перевидел он на своем веку, но ему не запомнилось, чтоб когда-нибудь прелести одной из них заставили его позабыть обо всех остальных.

Каждая женщина по-своему хороша и притягательна, но на хорошую всегда находится лучшая, и не иссякнет в мире женское обаяние. А вот в Ирме, в этой юной девочке, кажется, слилось все самое прекрасное, что может быть в женщине. Это просто истинный ангел во плоти. Чего стоят одни ее детски-наивные глаза, в которых можно утонуть! Что же делать, что делать, как избавиться от этого наваждения? Нет, на этот раз он окончительно спасовал. Он совсем разучился в последнее время владеть собой, утратил всякую волю. Эта налетевшая шквалом страсть оказалась сильнее его...

От этих мыслей Санеблидзе очнулся только тогда, когда увидел возвращающийся с того берега катер.

Коба и Нана не желали сходить на берег и в один голос скулили, что хотят еще покататься. Но мать силой свела их, и они тут же принялись копошиться на берегу.

Элизбар прямо с катера прыгнул в воду, поплавал немного и тоже вышел на берег. Спрятавшись за кустами, он выжал трусы, оделся и подошел к Ирме с вопросом, почему она так скоро кончила купаться.

— Что-то почувствовала сердцебиение. Мне вообще в воде всегда не по себе, — придумала она объяснение и тут же повинулась в душе перед собой, что лжет мужу.

Но, с другой стороны, что же ей оставалось делать? Не говорить же было ему правду? У нее и на уме никогда не было обманывать своего Элизбара, но, видно, случается порой с человеком такое, о чем ни с кем не поделишься. Нет, у нее не было иного выхода. Ведь она все уши прожужжала своему мужу, восхваляя Санеблидзе, превознося его честность, отзывчивость, благородство. Просто стыдно было бы теперь рассказать обо всем, что произошло.

Выйдя из поликлиники, Ирма сразу увидела стоящую у ворот машину Санеблидзе. За рулем сидел сам хозяин.

Санеблидзе был в этот период в отпуске и, по его собственным словам, работал над тезисами к диссертационной работе. А между тем не проходило дня, чтоб он не заглянул в поликлинику.

После той поездки на Тбилисское море Ирма дулась на него, показывая всем своим видом, что она на него сердита. Но и сам Санеблидзе держался так, словно бы Ирма стала ему безразлична. Он неплохо знал жизнь и при-

шел к твердому убеждению, что подходить к сердцу женщины лучше всего окольными путями.

Как-то раз, идя на кафедру, Ирма увидела в коридоре Санеблидзе, который стоял в окружении своих коллег. Она приветствовала всех общим поклоном, и все ей ответили, кроме одного Санеблидзе — он притворился, что не заметил ее.

Как?! Он посмотрел на нее, как на пустое место! Вот унижение! И как стыдно перед людьми! Ведь все знают их как близких родственников, и это так лестно для Ирмы. Его все настолько уважают, что это распространяется и на нее. Она все время это чувствует. А ведь какую это придает уверенность в себе! И как приятно, когда такой человек, как Санеблидзе, выделяет тебя среди других. Тем паче это ценно для нее — ведь она не знала с самого детства ни мужской заботы, ни мужской ласки. Наверное, поэтому она так и дорожит отношением к ней Санеблидзе. Хотя зачем себя обманывать? Разве в тайниках души она не испытывает радости от того, что его волнует ее красота? Конечно, для замужней женщины все это непростительно, но что поделаешь, когда рассудок и сердце оказываются не в ладах? И притом Санеблидзе, готовый ради нее на все, ничего абсолютно от нее не требует. Не говорил ли он ей еще совсем недавно, что ему ничего от нее не надо, только бы видеть ее, быть с нею рядом. От тебя-де не требуется никакой жертвы, чтоб сделать меня счастливым.

И вдруг после всего этого такое полное равнодушие! Конечно же, Ирма не могла к этому отнестись спокойно. Подумать только, дошло до того, что он отводит от нее глаза!

Именно по всему этому, увидя на сей раз по выходе из больницы Санеблидзе, она сразу подумала: если он и сегодня притворится, что меня не видит, мне останется только уйти из поликлиники.

И как раз в этот самый момент Санеблидзе подкатил к ней на своей машине и спросил с улыбкой:

— Куда это ты так спешишь?

— Домой, куда же еще? — ответила она, решив про себя: «Мне, видимо, просто казалось, что он изменил ко мне свое отношение. Нет, он все так же ко мне расположен, это чувствуется даже по его тону».

Санеблидзе распахнул переднюю дверцу и показал ей на место подле себя.

— Садись, я тебя подвезу.

— Спасибо, не беспокойтесь.

На это он объявил ей, что у него к ней дело, и добавил обиженным тоном:

— Я, по-моему, не заслужил того, чтоб ты пренебрегала моей просьбой.

Ирма все еще колебалась. Но Санеблидзе проявил такую настойчивость, что ей показалось неудобным не согласиться.

А как приятно проехать в машине! Особенно когда сидишь впереди. Дорога точно распахивается прямо перед твоими глазами. Да и сам ты, видно, выглядишь иначе, когда сидишь в машине. А то чего бы все так пялили глаза?

Санеблидзе зорко следил за дорогой, а Ирма не без удовольствия разглядывала шагающих по тротуарам людей.

Но вот он прервал молчание:

— Хочешь, поднимемся на фуникулер?

— Нет, — ответила она.

— Отлично! И знай, я дал себе зарок делать отныне только то, что нравится тебе.

Лицо Ирмы выразило удовлетворение.

Спустя некоторое время Санеблидзе нерешительно предложил:

— Может, заглянем в кафе? Всего на несколько минут?

И хотя Ирма на этот раз дважды повторила свое «нет», он понял по ее голосу, что она, кажется, не против его предложения, и остановил машину у первого же встретившегося им на пути кафе.

— Я понимаю, что ты спешишь. Но выпьем хотя бы по стакану воды с сиропом.

В кафе было пусто.

Санеблидзе присмотрел столик в углу, усадил Ирму и первым прошел вымыть руки. После него поднялась и Ирма.

Когда она вернулась, то застала стол уже накрытым. И чего только на нем не было: хачапури, икра, вареная осетрина... Стояла на столе и откупоренная бутылка шампанского, и официант откупоривал вторую.

— Что это, господи? К чему было заказывать такую уйму всего?

— Все это нам прислали, — ответил Санеблидзе.

— Кто?!

— Директор кафе. Он меня, оказывается, знает.

— Но чужого ради, не понимаю, он это сделал?

— Дружеское внимание. Захотел показать свое уважение.

— Надо было отказаться.

— Как же можно? Это бы обидело человека. И признаться, все это очень кстати. Я лично голоден как зверь. Давай-ка лучше приступим к делу.

Ирма взяла ломтик хачапури. Ела она не спеша, деликатно — ей казалось неприличным набрасываться на еду. Зато Санеблидзе уплетал все с таким аппетитом, что только за ушами трещало. По правде говоря, Ирма была очень голодна, и при виде того, как смачно насыщается Санеблидзе, у нее потекли слюнки.

Еду они запивали шампанским, разлитым по высоким хрустальным фужерам.

Санеблидзе был галантным кавалером. Не успевала Ирма за чем-нибудь потянуться, как он тотчас же поднимался с места и услужливо подносил ей блюдо.

«Какой он предупредительный, — думала она. — Вот бы моему Элизбару хоть немного у него поучиться».

Санеблидзе предложил выпить за родителей, Ирма охотно его поддержала, но отпила из своего бокала всего несколько капель.

— И это так ты пьешь за родителей? — укорил ее Санеблидзе.

— Боюсь, не много ли. Я же не привыкла пить.

— От двух-трех бокалов ничего, кроме пользы, не будет. Ты так разгорелась и похорошела, что только из-за этого одного стоит немного выпить.

Лицо у Ирмы пылало огнем, в теле пульсировала каждая жилка. Ей страшно хотелось поглядеть на себя в зеркальце — правду ли говорит Санеблидзе, что она стала от вина еще интереснее, и она украдкой приоткрыла сумочку и достала зеркальце.

Санеблидзе вновь наполнил бокалы и предложил выпить за их будущую встречу.

И поразительное дело! На этот раз ему уже не пришлось настаивать — теперь Ирма самой хотелось выпить, этого властно требовало все ее существо. Она чуть не силой заставила себя не допить бокал до самого доньшка и тут же немного отъехала со своим стулом от стола, чтоб не впасть в искушение и снова не потянуться за шампанским. Коротенькая юбка не прикрывала ее аппетитных коленок, и Санеблидзе впился в них как привороженный.

Заметив его взгляд, Ирма плотнее сжала коленки и, склонившись направо, а затем налево, быстрым движением одернула на себе юбку.

«Ну и красotka, господи!» — твердил про себя захмелевший Санеблидзе, не сводя с Ирмы масляных глаз. И, боже милостивый, что с ним делается! Голова шла кругом, все тело млело от желания, ноги дрожали.

Хмельной взгляд мужских глаз разбудил в Ирме какое-то непонятное волнение...

Когда они вышли из кафе, она сказала, что неважно себя чувствует и предпочла бы пройти пешком.

— Тогда я поеду следом за тобой, — решил Санеблидзе.

Ирма медленно переступала шаг за шагом. В голове у нее мутилось, перед глазами стоял туман. Не встретить бы кого из знакомых, шевелилась в голове мысль, наверно, у меня и по лицу все заметно. А главное, что говорить Элизбару? Она всегда возвращалась домой к пяти часам, а теперь уже было около восьми. Не дай бог он заметит, что она нетрезва. Нельзя допустить, чтоб в его любящем сердце появилась трещинка, чтоб он перестал ей верить. Может быть, даже лучше сказать ему правду? В конце концов, что за преступление она совершила?!

Ирма приостановилась.

Машина тотчас притормозила с нею рядом.

— Садись, сколько можно идти пешком? — сказал Санеблидзе, приоткрывая переднюю дверь.

Она молча села рядом с ним, и машина покатила дальше.

Санеблидзе начал что-то вполголоса напевать, но почувствовал, что Ирма это неприятно, и прикрыл рот.

— Остановите машину, — даже не глянув на него, решительным тоном распорядилась Ирма, когда до их дома оставалось шагов двести.

— Зачем? Я подвезу тебя.

— Нет, нет, я дойду пешком.

— Мужа побиваешься?

— К чему давать повод подозревать себя в чем-то? Я даже не представляю, что говорить Элизбару — где я была до сих пор.

— Нашла о чем думать! — рассмеялся Санеблидзе. — Скажи, что задержалась на собрании. И все.

— Да, так, пожалуй, и придется сделать, — согласилась Ирма и, тут же сообразив, что еще раз в чем-то уступила Санеблидзе, упрекнула себя в душе: что это со мной? Почему я так легко подчиняюсь этому человеку?

Элизбар поджидал Ирму на трамвайной остановке.

«Что ему отвечать, если он спросит, почему я иду пешком?» — молниеносно промелькнуло у нее в голове, а между тем она совершенно спокойно спросила:

— Куда это ты собрался?

— На кудыкину гору! Тебя вышел встретить!

Оставшиеся до дому несколько десятков метров они прошли молча.

Ирма, верно, разобиделась, думал Элизбар. Небось решила, что я исподтишка за ней слежу...

В комнате пахло яичницей. На столе стояла покрытая тарелкой сковородка.

— Ты до сих пор не ел?

— А чего бы я стал есть без тебя? — ответил Элизбар и после некоторой паузы участливо спросил: — А почему ты так задержалась, роднуля?

— Собрание было. Ой, мамочка, сколько они трепали языком! Будто дали зарок переговорить друг друга. — Ей самой так понравилось, как ловко она все это сочинила, что она даже рассмеялась от удовольствия.

— Да, но почему ты пришла пешком?

Этот вопрос задел Ирму за живое, и она впала в раздражение:

— Потому, что в трамвае ко мне пристал какой-то нахал. Стал болтать всякую чушь, нашептывать на ухо пошлости. Я увидела, что от него не отвязаться, вот и сошла.

Элизбар не подверг рассказ жены ни малейшему сомнению. Ему и самому не раз приходилось наблюдать подобное. А уж что до Ирмы, то он лучше всех других знал, как зарились на нее мужчины. Но это его мало тревожило, потому что он ей безгранично доверял. Что и говорить, это была очень неприятная история, но она лишней раз убедила Элизбара в том, что Ирма предана ему всей душой и что у нее нет от него никаких секретов. А есть ли для мужчины что-нибудь дороже этого, особенно когда жена у него такая красавица?!

Элизбара так и потянуло покрепче обнять и расцеловать свою дорогую женушку. Он нежно обнял ее за плечи, привлек к себе и потянулся к ее губам.

Она увернулась от поцелуя, отведя лицо в сторону. Муж сильнее привлек ее к себе и, вдруг разомкнув руки, отпрянул:

— Что это? От тебя пахнет вином?!

Ирма всего какое-то мгновение помедлила с ответом и без смущения проговорила:

— Один больной преподнес нам сегодня бутылку шампанского, и меня тоже заставили выпить бокальчик.

— Но от тебя разит, как из винной бочки. Я поражаюсь, как ты согласилась выпить!

— А что тут такого? Подумаешь, какой позор выпить глоток вина!

— Да, но и хорошего в этом мало!

— Что за настроение у тебя сегодня! — со слезами в голосе воскликнула Ирма и, уткнувшись головой в подушку, начала всхлипать.

Элизбар решил прибегнуть к испытанному средству и подошел к ней с лаской.

— Раз ты мне не веришь, — залепетала Ирма голоском обиженного ребенка, — я больше и слушать тебя не стану. Говори, что хочешь. Только мне очень больно, я от тебя этого не ожидала.

Бедный муж принялся всячески оправдываться перед женой. Да было ли когда-нибудь, чтоб он усомнился в ее словах?! Это он сказал просто так, чтоб немного ее позлить. И в подтверждение своих слов он все крепче сжимал ее в своих объятиях и осыпал все более страстными поцелуями ее губы, щею, глаза.

Однако его уже не оставлял закравшийся в душу червь сомнения. Что-то в поведении Ирмы ему все-таки не нравилось.

Вскорости Ирма сказала, что очень устала, и легла спать.

С некоторых пор в Санеблидзе поселилось два разных человека. Один из них — добропорядочный отец семейства, был всем своим существом предан жене и детям; другой, изволивший до бесаматства влюбиться, стал рабом своей страсти и искал только плотских радостей.

Отец семейства, понимал, что заводить роман с молоденькой женщиной, которая годится ему в дочери, — непростительная глупость и сверх того — это недостойно его возраста. Тем более что у этой женщины молодой муж, она его любит и, конечно, ни сном ни духом не помышляет об измене. Однако пылкий влюбленный возражал: а что, уж если так говорить, в этом недостойного? Разве не высшая мудрость бытия — брать от жизни все, успеть вкусить побольше от земных благ?

И право же, чего стоила бы его жизнь без Ирмы? Наверное, на всем свете не было бы человека счастливее его, если бы спутницей его жизни была не Тамар, а Ирма.

А странная все-таки вещь, оказывается, любовь! Вероломная, переменчивая... Ведь как он любил когда-то свою жену. Она одна была для него дороже целого мира. И что же? Выходит, он заблуждался?! Он же только теперь познал настоящую любовь! А ведь он за свою жизнь успел любить столько женщин, что только одному богу известно. Многие из них и сейчас все еще живут в его душе.

Но какой ответ держать перед собственной совестью? Разве подобает ему, человеку почтенного возраста, терять голову из-за какой-то девчонки, вклиниваться в жизнь молодой четы, рушить чье-то семейное счастье?

Эх-ма! И легко же осудить человека, если посмотреть на него со стороны! Но разве уж так велика его вина, коль он не может обуздать себя, не находит в себе сил противостоять тому огромному, всепобеждающему чувству, которое посеяла в его душе эта женщина? Это чувство превыше любви к семье, оно для него дороже жизни. И ведь он не первый и не последний в своем безумии. А уже тогда надо судить весь род человеческий...

Если верить интуиции, то ему не следует терять надежды. Кажется, Ирма все-таки не совсем к нему безразлична. Ее никак не назовешь равнодушной. И она тоже, верно, хоть иногда думает, мечтает о нем... И сознание этого еще больше разжигает его страсть. Ведь ему, человеку уже не молодому, изрядно за последние годы погрузневшему и оплешивевшему, да к тому же и вообще никогда не отличавшемуся особым мужским обаянием, не раз приходилось замечать, как какая-нибудь красotka, на которую он заглядывался, с гадливостью отводила от него глаза. А вот Ирма смотрит на него с явной симпатией. Чуть он к ней обратится, она вздрагивает, заливаясь румянцем. И ведь это точно то же самое, что творится и с ним самим. Правда, нечто подобное бывало с ним не раз и раньше. Но только если ради других женщин, даривших ему минуты радости и блаженства, он решительно ничем не поступался и никак не рисковал, то ради Ирмы он, не задумываясь, пошел бы на все.

Наступил долгожданный день — Элизбар окончил институт. После выпускного вечера предполагалось устроить прощальный банкёт, который должен был состояться в ресторане «Исинди».

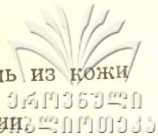
Но последняя стипендия Элизбара ушла на покрытие долгов — десять рублей они задолжали заведующему овощным магазином, а остальное пришлось отдать за прошлый месяц хозяину комнаты, так что Элизбар решил сказать устроителям вечера, что он получил сообщение о болезни матери и срочно выезжает в деревню. А Ирме он пожаловался, что ему последние дни не может, знобит, побаливает голова, а в таком, мол, состоянии на вечер идти не стоит, все равно не получишь никакого удовольствия.

— Я догадываюсь о причине твоего недомогания, — мигом сообразила Ирма. — У меня приколплено немного денег, я думала купить туфли. Возьми их. Жаль пропускать — такое в жизни не повторяется. И зачем нам отставать от людей?

Элизбар долго отнекивался, но Ирма все-таки его уломала.

Так старательно Ирма никогда еще не навела на себя красоту. Она даже сделала завивку в парикмахерской, подвела немного глаза, подкрасила губы. Платье она надела то самое, свое любимое — обтягивающее трикотажное, а под него, как то и требовалось, — туфельки на высоком каблучке и чулки-паутинку. Нарядившись, она долго вертелась перед зеркалом, оглядывая себя со всех сторон и с особым удовольствием скользнув несколько раз взглядом по своим высоким, рельефно обрисовывавшимся под плотно облегающей тканью бедрам.

Элизбару все это так не нравилось, что он под конец не выдержал и спросил с раздражением:

— Кому это, интересно, ты решила понравиться, что так лезешь из кожи вон?

— Кому? Ну, разумеется, тебе. — отозвалась она не без иронии.

— Мне ты и так нравишься. Будет тебе кривляться перед зеркалом.

— Эгоист ты и больше ничего. Это зависть в тебе говорит! — со слезами в голосе выкрикнула Ирма и, сорвав с себя платье, бухнулась на кровать.

И долго же после этого пришлось уговаривать Элизбару свою ударившуюся в амбицию жену, чтоб она — как хочет и в чем хочет — только пошла с ним на вечер. Она так заупрямилась, что и слушать его не хотела. И навряд ли бы что помогло, если бы Элизбар не растопил лед обиды своими жаркими объятиями и поцелуями, которыми он осыпал свою самую красивую на всем свете женушку, нашептывая ей нежные слова.

На торжественный вечер они пришли с опозданием, когда уже заканчивалось выступление последнего оратора. После этого состоялся концерт. И наконец все выпускники вместе со своими наставниками расселись по машинам и поехали на ипподром — там на верхнем этаже ресторана «Исинди» их ждал праздничный стол, накрытый на террасе.

Ступив на террасу, Ирма на миг прижмурила глаза от непривычного блеска и света. Вовсю гремела музыка, со всех сторон доносился веселый гомон, смех.

Когда участники ужина стали рассаживаться за длинным банкетным столом, Ирма потянулась было туда, где во главе стола заняли места наиболее почетные гости, но Элизбар взял ее за руку и усадил рядом с собой по другую сторону стола, заметив при этом, что и отсюда-де все будет прекрасно видно и слышно.

«Ну и тюлень мой муженек, вечно он должен телепаться в хвосте. Никогда не постарается обратить на себя внимание, хоть как-нибудь себя показать. Это уже не скромность, а глупость», — злилась Ирма в душе, с нарочитым кокетством рассылая направо и налево чарующие улыбки.

«Я, кажется, не одного и не двух здесь пленила. И пальцев не хватит перечесть — один, два, три...». Из этих мыслей Ирму вывел новый взрыв музыки — заиграли что-то танцевальное. Молодые люди стали подниматься со своих мест и приглашать дам. И вот уже пара за парой закружились в вихре танца.

Как замороженная следила Ирма глазами за кружащимися парами, и сердце у нее томительно ныло — ее самой почему-то никто не приглашал.

— Элизбар, пойдем потанцуем, а? — предложила она мужу, хотя заведомо знала, что он откажется. Элизбар ответил ей удивленным взглядом: ей же прекрасно известно, что он не танцует!

Конечно, известно, как не известно! Но что прикажешь делать, когда так хочется потанцевать!

Но как назло, никто из сидевших за столом молодых людей даже не глядел в ее сторону. Одни оживленно болтали со своими соседками, другие весело переговаривались между собой. Но были, конечно, и бирюки вроде ее мужа — эти только досадливо поглядывали на танцующих.

Огорченная невниманием окружающих, Ирма недовольно отвела голову в сторону и сразу поймала на себе восторженный взгляд какого-то остановившегося в двух шагах от нее юноши.

— Разрешите? — каким-то особенно проникновенным голосом — так во всяком случае ей показалось — промолвил юноша, почтительно склонив перед ней голову.

Она умоляюще посмотрела на мужа, ожидая от него разрешения.

Элизбар молча склонил голову. Она истолковала это как знак согласия и проворно поднялась со своего места.

Под упоительные звуки музыки ей танцевалось легко и свободно.

Но вот музыка оборвалась. Танец кончился.

Юноша подвел свою даму к ее стулу и, расшаркавшись, усадил на место со словами: «Благодарю вас, обворожительная, за доставленное удовольствие». Но сказано это было так тихо, что Ирма скорее догадалась о сказанных словах, прочитав их по движению губ.

А Элизбар, в свою очередь, сразу догадался по ее улыбке, что сказанное партнером доставило ей большое удовольствие.

Вскоре оркестр заиграл снова; а потом еще и еще — все новые и новые танцы. И мужнины роем закружили вокруг Ирмы, наперебой приглашая ее танцевать. И она никому не отказывала, тотчас поднимаясь навстречу тянувшимся к ней мужским рукам. Она без устали танцевала и танцевала, сея вокруг себя очарование своими горящими глазами и блуждающей на губах манящей улыбкой.

Элизбара бесило легкомысленное поведение жены, хотя вместе с тем, конечно, льстило, что она у него такая неотразимая и так всем нравится. Глядявая на нее исподтишка, он старался сохранить беззаботное выражение, но это ему плохо удавалось.

— Я никогда еще не была так счастлива! — говорила Ирма Элизбару по возвращении домой.

— Это и было видно. Ты вела себя как взбалмошная девчонка!

— Возможно, не спорю. Но на это есть своя причина. А ты разве не рад, что наступил конец всем нашим мученьям! Мы так долго ждали этого дня! А теперь прощайте все мытарства! Больше нам не придется биться как рыба об лед, считать и пересчитывать копейки. Еще немного, и мы займем собственную квартирку, немного обставимся, купим телевизор. А там пойдут ребятишки...

Молодым супругам доставляло огромное удовольствие потолковать об открьшемся перед ними безоблачном будущем. Нередко в их комнатке далеко за полночь горел свет — это они, перебивая друг друга, делились планами, мечтали вслух, прикидывали, что и как у них будет...

Однажды, когда Ирма уже крепко уснула, утомленная затянувшейся допоздна беседой, Элизбар услышал сквозь первую дрему, как она тихо чему-то во сне рассмеялась. «Не почудилось ли мне?» — подумал он, прислушиваясь. Ирма снова рассмеялась — это уже был совершенно явственный радостный смех — и ласковым голосом позвала его: «Элизбар!». Он встрепенулся, открыл глаза. Ирма лежала на спине, откинув одеяло. Ее сбившиеся во сне кудрявые волосы крутыми кольцами рассыпались по подушке и розовым плечам, на губах блуждала счастливая улыбка. Замерев в неподвижности, она словно чего-то ждала, к чему-то прислушивалась. Вдруг она чуть заметно вздрогнула всем телом, широко улыбнулась, потом в голос рассмеялась и криннула, коснувшись мужа локтем:

— Элизбар! Элизбар!

— Что ты? Что с тобой, родная? — шепотом спросил он ее.

— Элизбар, родной мой, он шевельнулся! Шевельнулся!

— Кто? Кто шевельнулся?

— Он! Наш с тобой сынок! — И она, взяв его руку, осторожно приложила ее к своему животу.

— Чувствуешь?

— Чувствую! Слышу! А вот еще, снова! — умильно шептал он, ласково проводя ладонью по ее животу.

Элизбар попал по распределению в распоряжение Министерства строительства и получил оттуда направление в своей родной район. Но Ирма упорно откращивалась от переезда в деревню. Что, мол, у тебя здесь земля горит под ногами, что ли? Ты забыл, сколько труда мне стоило устроиться в городе, а теперь я должна все бросать?! Нет, я отсюда ни ногой.

— Но у нас же с тобой в городе ни кола ни двора. Даже постели и то приличной нет. И мы никогда не сумеем тут ничем обзавестись, — пытался возражать ей Элизбар.

— Уж не воображаешь ли ты, что там тебе все даром преподнесут? — не сдавалась Ирма.

— Но хоть за квартиру не придется платить!

— А ты что, весь свой век собираешься оставаться в таком положении? Нам же дадут когда-нибудь квартиру. Слава богу, ты сам видишь, сколько домов строят в Тбилиси.

— Это все пустые разговоры. Кто даст мне квартиру? У меня же временная прописка! И найти работу здесь не так-то просто.

— Зачем же заранее складывать руки? На свете нет ничего невозможного.

— А стоит ли овчинка выделки? Меня лично очень тянет вернуться домой. У нас в местечке все так благоустроено, не хуже, чем в городе. Вот увидишь, тебе там очень понравится. И работу для тебя не трудно будет найти. А за мальшом мать присмотрит. Приведем в порядок дом, обзаведемся всем необходимым, постепенно. И все у нас будет лучше некуда. Станем сами себе господа.

— А когда наши дети подрастут, им тоже придется мыкаться в Тбилиси, вроде нас. Нет, лучше уж нам оставаться здесь. Мы и тут со временем прекрасно устроимся.

Элизбар пускал в ход всевозможные доводы, убеждал, уговаривал, но Ирма продолжала стоять на своем и ни в какую не желала соглашаться с мужем. Не святые, мол, горшки обжигают, продолжала твердить она. Ведь все в конце-то концов и с пропиской как-то устраиваются, и работу находят.

И Элизбару волей-неволей пришлось отступить.

Санеблидзе проявлял к молодым супругам всяческое внимание и, казалось бы, от всей души старался их поддержать, но Элизбар читал за его благодетельными взглядами и всегдашними улыбками, которыми тот его щедро оделял, что-то похожее на неприязнь. В Ирме эти подозрения вызывали только смех. Она уверяла мужа, что он глубоко ошибается и виною тому одна только ревность. В доказательство самых благородных побуждений Санеблидзе она сослалась на то, что он безо всяких просьб с ее стороны обещал помочь Элизбару с тбилисской пропиской.

Элизбар довольно долго пребывал в нерешительности, ему не очень-то хотелось обращаться к Санеблидзе, но Ирма сумела-таки его уговорить, предложив, если ему неловко идти одному, пойти вместе с ним.

Вскороности после этого разговора они как-то в час перерыва вместе явились в поликлинику. Ирма заглянула в кабинет Санеблидзе, быстро втолкнула туда мужа и прихлопнула за ним дверь.

Санеблидзе сидел за столом, погруженный в чтение какого-то толстого журнала. У Элизбара создалось впечатление, что тот успел мельком взглянуть на него, когда он вошел, и теперь напускал на себя вид углубившегося в свои занятия человека. Через какое-то время Санеблидзе поднял на Элизбара глаза и молча кивнул головой, то ли здороваясь, то ли пригласив его подойти поближе.

Даже не спросив Элизбара о причине его прихода, он поднял трубку и набрал какой-то номер.

— Начальника паспортного отдела.

— ??

— Вас беспокоит хирург Санеблидзе.

— ??

— Да-да, здравствуйте, здравствуйте.

— ??

— Очень приятно. Да, мы с вами встречались.

— ??

— Вот и отлично... Маленькая просьба к вам. Вот тут мой родственник. Он к вам пойдет, с вашего разрешения. Если вас не затруднит, выслушайте его и при возможности окажите содействие.

— ??

— Благодарю вас. Спасибо. Спасибо. Всего доброго.

Положив трубку, Санеблидзе обратился к Элизбару:

— Сейчас же иди в паспортный отдел милиции, к начальнику. Скажешь, что я только что о тебе с ним говорил.

В приемной паспортного стола никого не было, и Элизбар понял, что попал, видимо, в день, когда не было приема. Над вделанной в дверь форточкой висело жирно и крупно выведенное объявление: «Прием посетителей по понедельникам, средам и пятницам с 14 до 16 часов».

«Ничего, меня, должно быть, примут», — подумал Элизбар и осторожно постучал в форточку.

Форточка чуть приоткрылась, и кто-то невидимый отозвался недовольным сильным басом:

— Эй, кто там? Читать не умеешь?

— Мне нужен начальник паспортного стола. Он у себя? — спросил Элизбар, стараясь увидеть говорившего. Но напрасно — тот оставался отгороженным от него стеной.

— Посмотрите на него! Да ты что, неграмотный?! — погромче прохрипел тот же голос, и форточка с шумом захлопнулась.

Элизбар постучал снова.

Форточка на этот раз вовсе не открылась, но из-за стены грозно крикнули:

— Продери глаза, тебе говорят! Там же ясно написано!

— Послушайте, я вижу, что у вас не приемный день, но, может, вы все-таки уделите мне минуту внимания?

Форточка отлетела в сторону, и какой-то молодой дядька выпалил скороговоркой, как хорошо затверженный урок:

— Прием по понедельникам, средам и пятницам с четырнадцатью до шестнадцатью часами. Понятно или нет?

— Понятно, конечно, понятно.

— Тогда не отрывайте понапрасну людей от дела. — И форточка перед носом Элизбара вновь захлопнулась.

— Да послушайте, человек добрый, дайте мне хоть слово сказать. Вы ведь даже не знаете, зачем я пришел!

Форточка сверх ожидания снова распахнулась, и тот же молодой дядька рывнул, выкатив на Элизбара глаза:

— Да ты в своем уме, а? Оглядиись по сторонам, а то, видать, забыл, где находишься?

— Чего вы меня пугаете? Я к начальнику паспортного стола, он обо мне предупреден.

— Нет, вы только посмотрите на него: врет и глазом не моргнет!

— Да что вы? С ним только что говорили.

— Кто говорил? С кем?

— Доктор Санеблидзе говорил с вашим начальником.

— А чего же ты до сих пор крутишь-мутишь? Язык проглотил, что ли? Так бы и сказал с самого начала. — Дядька досадливо хмыкнул, обратившись к кому-то, велел отомкнуть кабинет и, будто со злости на бестолковость посетителя, рывком захлопнул форточку.

Перед Элизбаром выросла какая-то светловолосая девушка. Глядя почему-то мимо него, она указала ему на дверь, ведущую в другую комнату, и, сухо сказав: «Пройдите. Начальник паспортного стола сидит там», — уселась за столик перед форточкой.

Элизбар приоткрыл указанную ему дверь.

— Заходите, заходите, — привстал при его появлении тот же самый человек, который только что через форточку с ним переругивался. — Почему вы сразу не сказали, от кого пришли? — недовольно сказал он, протягивая Элизбару руку.

Когда они уже сидели у стола друг против друга, начальник паспортного стола спросил:

— Ну, чем могу быть полезен?

Элизбар начал излагать свою просьбу.

Начальник поначалу внимательно слушал, и Элизбару это показалось добрым предзнаменованием. Но постепенно взгляд его начал блуждать по сторонам и сам он стал проявлять явные признаки нетерпения, как это бывает с человеком, когда он устаёт от чего-то нудного и надоедливого. Он без надобности раз-другой выдвинул и резко задвинул ящик письменного стола и всюю за скрипел стулом. А когда Элизбар упомянул, что живет в подвальном помещении и поэтому хозяин отказывается его прописать, начальник остановил его поднятием руки и, пробарабанив по столу что-то вроде пионерского марша, проговорил, точно обрадованный сыскавшейся зацепкой:

— Ничего не выйдет!

Элизбар попытался снова привлечь к себе внимание собеседника, но тот уже выразительно поглядывал на дверь, давая понять, что говорить, собственно, больше не о чем и просителю пора бы удалиться. А поскольку Элизбар не двинулся с места, то начальник сам поднялся со словами:

— Я же сказал вам, что ничего не выйдет. Мы прописываем людей только при наличии у них нормальной жилплощади. Из подвалов теперь, наоборот, всех переселяют. А прописывать в безвоздушном пространстве пока нам права не дано! Так что сначала найдите соответствующую жилплощадь. Тогда можно будет и потолковать.

Перевод Маргариты ГРЖЕНДЗИЦА

Продолжение следует

ЖАЖДА

● Роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОХЛАДНЫЙ октябрьский ветер теребил деревья, высаженные по обе стороны дороги. Впереди до самого Тбилисского моря со ржавым холмистым побережьем раскинулись просторные пашни Самгорской степи. Море было унылое, безлюдное, казалось, жизнь едва теплится в нем. Так бывает всегда в октябре — тишина и безлюдье, ни одного купальщика; в кафе-павильонах изнывают от безделья официанты — прохаживаются взад-вперед или сидят, сонно покачиваясь из стороны в сторону, точь-в-точь пузатые лодки, привязанные к мокрым столбам лодочной станции. Одни рыбаковы продолжают свой крестный ход на берег и просиживают там и простанвают с удочками в руках, смотрят в воду задумчиво, грустно. Майя и Ладо увидели их, как только вышли из аллен. Звук шагов заставил рыбаков оглянуться. Девушка в изящном платье табачного цвета оживила их; они проводили ее долгим беззастенчивым взглядом. Майя смутилась, но как бы наперекор собственному мгновенному чувству, потуже стянула в талии накинутый на плечи плащ. Ладо посмотрел на нее, перевел взгляд на рыбаков и улыбнулся.

Ветер гнал белесые волнышки в море. Дышалось удивительно легко, в полную грудь.

— Хорошо, что мы сюда выбрались, — сказал Ладо, — гнетет меня город.

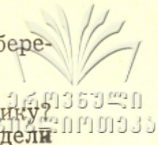
С той поры как Ладо вернулся, прошел целый год, но он по-прежнему не находил себе места. Майя об этом знала и, пытаясь перевести разговор на его любимую тему, протянула руку в сторону синей изломанной гряды гор.

— Как они называются, Ладо?

— Не знаю, но за ними — подступы к Главному Кавказскому хребту, затем Дарьяльское ущелье... и через Кабардино-Балкарию можно спуститься в Шихскую долину... — Ладо разговаривал как бы с самим собой, потом вдруг осекся, махнул рукой: — Пошли!

Тяжелые подкованные ботинки оставляли на песке большие глубокие следы; девушка примеряла к ним свои, смеялась нарочито громко, старалась растормошить спутника, отогнать назойливые мысли. Они шли по пустынному берегу мимо стогов свежего сена, кряжистых гранатовых деревьев, узкого пологого мыса, шли молча до заброшенного катера «Тбилиси-1500» с глубоко освещенной в воду кормой.

Печатается журнальный вариант.

Майя взяла Ладю за руку и взбежала по шаткой доске, перекинутой с берега на катер.

— Куда направляемся, капитан? — весело спросила она.

— Куда прикажете, госпожа, — в тон ответил Ладю, — хотите в Мексику?

— Ну уж нет. До Мексики слишком долго плыть, а через две недели день моего рождения. Или вы забыли пятнадцатое октября?

Ладю ласково погладил девушку по мягким каштановым волосам.

— Хорошо провели время в прошлом году?

— Да так, вроде ничего. Нуца была, Бидзина, Нукри. Вспоминали о тебе.

— Между прочим, пятнадцатого октября мы сидели вместе с Темразом, и я вспоминал тебя. — Ладю замолчал и неподвижным взглядом уставился в небо, словно живо представил себе первую встречу с Темразом, хотел подольше удерживать ее перед мысленным взором.

Взгляд Майи невольно упал на глубокий шрам. Розовый рубец почти до виска пересекал лоб.

«Чопэ постарался», — ответил как-то Ладю на вопрос девушки, что с ним произошло, и не сказал ни слова больше.

Зашуршал песок. Долговязый мужчина с удочкой плелся по берегу.

— Смотри-ка, Лаврентий Бедиани! — воскликнул Ладю. Лаврентий Бедиани приблизился, удивленно вскинул брови.

— Ба, кого я вижу, друзья мои!

Ему было немногим более сорока, но из-за болезненно желтого цвета лица, кадыка и морщин он выглядел гораздо старше своих лет.

— А вы как сюда попали, Лаврентий Павлович? — поинтересовался Ладю.

— Рыбачу, молодой человек, — произнес Бедиани, указывая острием удочки в сторону моря, — рыбы, как вам хорошо известно, воды в рот набрали, с ними легче общаться, чем с иными из людей.

Он не сводил своих черных выпученных глаз с молодых людей. Маленькая голова, покрытая жесткими волосами, заостренные уши придавали ему вид вечно настроенного человека. Ладю не мог взять в толк, как этот солидный человек может часами простаивать на берегу с удочкой в руках и ждать, пока какая-нибудь рыбешка попадет на крючок.

Лаврентий Бедиани, Ладю Иашвили и Майя Тоидзе работали вместе редакторами в издательстве научной литературы. Бедиани аккуратно просиживал за письменным столом, уставившись в рукопись, редко с кем заговаривал, а ровно в шесть исчезал как тень. Его личная жизнь, стремления, радости, печали, его друзья и недруги — все было покрыто мраком неизвестности.

— Прогуливаетесь, значит? — прервал минутное молчание Лаврентий.

— Собираемся в Мексику! — шутливо ответила девушка. — Хотите составить компанию?

Бедиани криво усмехнулся:

— Некогда мне, милая, занят.

— Ах, да, говорят, вы роман пишете, — вспомнил Ладю.

— Да, вроде...

— На какую тему? — поинтересовался Ладю.

Лаврентий пропустил вопрос мимо ушей.

— Ну, не стану вам докучать, желаю хорошо провести день, — сказал он и семенным шагом пошел прочь.

— Наверняка нас заметил и выследил, — сказала Майя.

— Выдумаешь тоже, — отмахнулся Ладю.

Багровый отблеск закатного солнца лежал на облаках. Становилось свежо. Вдали на холме виднелся зеленый павильон. Ладю сунул руку в карман.

— Всего три рубля, — сказал он, вытаскивая деньги.

— Попируем на славу! Погоди, приведу себя в порядок, я такая растрепанная.

— Да там никого и не будет, — успокоил Ладю.

Павильон в самом деле пустовал, если не считать нескольких рабочих-дорожников в брезентовых куртках. Они сидели в дальнем от входа углу зала и шумно разговаривали.

Майя и Ладю устроились у окна. Тихое и спокойное море вдали начинало сливаться с горизонтом, туман растворял в себе холмы.

Пыхтя, подошел толстый официант и предложил молодым людям «все, что душе угодно».

— Принесите хлеб с сыром и пиво, — сказал Ладю.

— Только и всего? — удивился официант.

— Только и всего, — Ладю опустил голову и стал разглядывать свои руки.

Девушке стало не по себе. Ей было обидно за нынешнего Ладо — опустошенного, грустного, чужого... Что с ним стряслось в Сванетии? Какая беда приключилась? Майя украдкой взглянула на розовый рубец.

— Ладо, — вполголоса сказала она, — время идет, а ты все никак не собираешься начать новую жизнь.

— Гм, новую жизнь... а мне это по силам?

— Помнишь, ты прежде часто говорил: человека всегда должна мучить жажда. Помнишь?

Ладо ухватился за край стола, словно собирался его перевернуть.

— Потому я и уехал в Сванетию. Но теперь настало иное время... Время болезням.

— «Время болезням и время врачеванию» — так говорит Экклезиаст, — попыталась отшутиться Майя.

— Да, только не вижу «времени врачеванию».

— Оно настанет! — в кротких, как у ягненка, глазах девушки блеснула слеза.

Они и не дотронулись до еды, сидели молча, долго, смотрели в ночь, которая окончательно вступила в свои права.

Ветер колебал верхушки елей вдоль тротуара. Лампионы горели только у павильона. Автобуса не было, и они пошли в город пешком. Майя несколько раз пыталась продолжить разговор, но Ладо молча глядел себе под ноги. Наконец девушка не выдержала, взяла его под руку, остановила:

— Перестань, Ладо, — сказала она и неожиданно предложила, — хочешь, я тебе стихи прочитаю?

— Очень хочу, — Ладо с благодарностью обнял ее за плечи.

С синих гор неведомыми тропами спускается благо
И дрожит в синих глазах озер;
Так полнится извечно мать-земля
Тем чувством, которое никогда
В душе ее не угаснет.
О незримое чувство, да пребудешь ты вовеки!

Стихотворение неведомой тайной силой внушало Ладо, что на нашей доброй старой планете все сущее, одушевленное и неодушевленное скреплено любовью в нечто единое, нерасторжимое... Сознание этого ему было необходимо именно сейчас. Ладо с чувством благодарности поцеловал девушке руку.

Они пересекли невысокий холм. Впереди показались золотые россыпи бесчисленных огней — город. Ночной город. Мчались машины, в окнах домов мерцали голубые огни телевизоров, из ресторанов доносились джазовые ритмы, в кинотеатрах стояли очереди за билетами, в театрах давались представления.

И Ладо вспомнил разговор с Темразом в одну из ледяных горных ночей. «Послушай, Темраз, в городе все как-то легко дается, как бы между прочим, а я хочу в конце концов разобраться, кто я?» — «Ты думаешь, здесь разберешься?» — «Посмотрим, может, и разберусь».

Ладо вспомнил этот короткий диалог, и неприятные мысли вновь овладели им. «Я был необезжженным жеребцом. Укротили, объездили. Но в конечном итоге ничего из этого не получилось. И не получится».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Пятнадцатого октября был день рождения Майи Тондзе. К празднику мать всегда присылала ей из деревни жареных кур, мчади и вино. Посылку обыкновенно сопровождало письмо. Мать поздравляла свою единственную дочь с днем рождения, просила быть умницей, жаловалась на свои недуги и перечисляла деревенские события: свадьбы, рождения, поминки... Письмо пахло мятой, кукурузой, шафраном и особым, знакомым с детства запахом дома.

Друзья со студенческой скамьи помнили о Майином дне и без приглашения ежегодно собирались в ее маленькой двухкомнатной квартире. На этот раз, однако, хотя время было довольно позднее, кроме Ладо и Нукри, к Майе никто пока не пришел.

Нукри напевал старинный романс, аккомпанируя себе на гитаре, Ладо сидел в кресле у книжного стола и рассеянно перелистывал альбом с репродукциями. Мысль о Нуце неотступно преследовала его. Ему не хотелось встречаться с ней, а в том, что она придет, он не сомневался.

Майя была не в духе. С самого утра ей казалось, что радостные, счастливые дни улетучились, отошли в прошлое, а будущее ничего хорошего не сулит, кроме унылого, бессмысленного существования. «Шутка ли, двадцать шесть лет!»

И она так живо представляла себя старушкой, что готова была пуститься в слезы. «В конце концов, Ладо и Нукри здесь ни при чем, я не имею права портить им настроение», — подумала она, включила радиолу и громко сказала: — Давайте потанцуем! Что вы носы повесили? Сегодня день рождения, а не панихида!

Ладо отнекивался, но именинница настояла на своем и весело смеялась над тем, как он неуклюже топтался в своих тяжелых подкованных ботинках. Вдруг улыбка сошла с ее лица, она остановилась, выключила радиолу.

Она была на редкость красива в своем новом розовом платье. Ее пухлые с легким пушком губы чуть дрожали. Нукри с нескрываемым восторгом смотрел на нее.

Майя вышла в соседнюю комнату и вернулась с графином водки и рюмками. — Медовая? — Нукри взболтнул водку в графине.

— Конечно, мать прислала, «для Ладо и для Нукри» — так она и на-дисала.

— За здоровье твоей матери!

— И за мое, пожалуйста, — по-детски, капризно надула губы Майя.

— И за твое... за твои дни рождения, за много-много дней, — тотчас от-кликнулся Нукри.

— Только пожелай, чтобы они были радостнее, чем сегодняшней, ладно? Разве вам не жаль меня, одинокую, всеми покинутую старую деву?

— Не очень уж старайся нас разжалобить, — улыбнулся Ладо.

— Время летит, — вздохнула Майя. — Сколько нас было друзей и сколь-ко осталось. Неужели сегодня никто больше не придет, не вспомнит?

Водка пахла медом.

— Не пробовал лучшего напитка, — воскликнул Нукри, мигая близору-кими глазами за толстыми стеклами очков в роговой оправе. — За нашу дружбу!

Они чокнулись, подняли бокалы, и тут зазвонил звонок. «Наверняка Ну-ца», — подумал Ладо и почувствовал, как краска прилила к его лицу.

Нуца прижимала к груди букет белых роз. Она быстрым взглядом окину-ла комнату, увидела Ладо, и с ее лица сошло праздничное выражение, впро-чем, никто этого не заметил. Нуца обернулась к Майе, поцеловала ее, протя-нула букет и села в кресло, уже полностью овладев собой.

Майя и Нукри вышли в соседнюю комнату, чтобы закончить сервировку стола.

«Как быть, что ей сказать?» — лихорадочно думал Ладо.

Нуца пристально на него смотрела.

— Как поживаешь, Ладо? — спросила она после минутного молчания.

— Хорошо, а ты?

— Гм, тоже.

— Хочешь выпить? Медовая!

Нуца улыбнулась и стала похожа на хищную птицу.

— Не могу. Сердце...

— Сильно беспокоит?

— Я его беспокою, — Нуца испытующе посмотрела на Ладо.

— Ты, я вижу, научилась говорить иносказательно.

— Я ученая была.

— Не припомню, — буркнул Ладо.

Нуца потупила взор.

— Где ты пропадал? — спросила она глухо. — Почему?

— Отыскался, как видишь.

— Неужели тебе ни разу не захотелось меня увидеть?

Ладо промолчал.

— В чем я перед тобой провинилась? — голос у Нуцы дрогнул.

«Тыфу ты, черт!» — Ладо чувствовал бессмысленность всей этой беседы.

К счастью, вошел Нукри.

— Ну, кажется, дело в шляпе, — провозгласил он и потянулся к гитаре.

— Устробился на работу, Нукри? — обратилась к товарищу Нуца.

Нукри по обыкновению заморгал близорукими глазами, перевел взгляд с Нуцы на Ладо.

— Да, работаю в филармонии, — сказал он.

— Ну тебя, что ты там потерял? — удивилась она для вида: судьба

Нукри не интересовала ее вовсе.

— Искусство требует жертв! Вы что, поссорились?

— С какой стати нам ссориться, — принужденно засмеялась Нуца. —

Хорошо было в Сванетии, Ладо?

— Прекрасно, лучше не бывает, — ответил он безо всякой интонации в голосе.

Нуца не сводила глаз с глубокого шрама на его лбу.

— Ты изменился, — сказала она, — сильно изменился.

— Да, изменился, — сухо бросил Ладо.

Нуца почувствовала себя какой-то беспомощной и тут же постаралась придать своему лицу беспечное выражение.

Снова зазвонил звонок. Майя распахнула двери. ...Бидзина смотрел, насупившись, исподлобья. Его синевато-зеленые глаза лихорадочно блестели.

— Можно? — спросил он вполголоса, в упор глядя на Майю. — Я выпивши. И подарка не принес.

— Входи.

Бидзина скинул кожаную куртку и повесил на вешалку.

— Положа руку на сердце: ведь ты сейчас думаешь, чего ради он при- тащился? — буркнул он.

— Как тебе не стыдно! — искренне огорчилась Майя.

Из комнаты выглянула Нуца.

— Ого, Бидзина!

Бидзина подчеркнуто вежливо поклонился и поцеловал ей руку. Это был сухой коренастый парень среднего роста; ходил он, словно искал, на кого наброситься.

— Пришел в самый раз, — сказала Нуца, — мы уже сидим за стол.

— Будет видно, своевременно я пришел или нет, — усмехнулся Бидзина.

Майя растерянно смотрела на них.

Раньше всех захмелел Нукри; он понял это и постарался взять себя в руки: принялся уплетать мясо с подливой с таким видом, будто, кроме еды, его ничего не интересовало, и пока он молчал, казался трезвым, но вдруг им овладело желание вновь выпить за Майю, и тут его развезло.

— Манко... я хочу еще раз выпить за тебя, — проговорил он, поправляя рукой волосы после каждого слова, — я искренне... — выражение его лица было безгранично добрым, — клянусь прахом отца... Прошу пойми... Ты мой друг... Самый близкий...

В глазах Майи, как ни старалась она выглядеть серьезной, зажглись смешливые искорки; Нукри это заметил, махнул рукой и залпом выпил.

— Хотела бы я знать, чем ты их так приворожила, почему они тебя обожествляют? — Нуца засмеялась нарочито громко и вдруг умолкла, поняв неуместность своей реплики.

— Ты по-прежнему возишься с Нуцей? — вполголоса спросил Бидзина у Ладо.

Ладо ничего не ответил.

— Она похожа на хищную птицу... не дай бог кого припутает.

«На хищника она и в самом деле похожа», — подумал Ладо и отвернулся. Он не любил пьяного Бидзину, пьяный тот совершенно преобразался, словно бес вселялся в него, становился капризным, злым, язвительным...

— В твоё отсутствие у нее приключения, были дай боже!

— Вы обо мне говорите, правда? — поинтересовалась Нуца.

— Только этого не доставало, — усмехнулся Бидзина.

Нуца нахмурилась, взгляд ее зажегся недобрым светом, но тотчас же погас.

— Опыанел я, — ни к кому не обращаясь, пробормотал Нукри, — давай- те петь... Петь...

— Запевай, — поддержал его Бидзина.

Очарованье далекой девушки

Дойдет до нас, но, кто знает, когда?..

У Нукри был сильный, мягкий голос. Он пел с какой-то своеобразной неповторимой интонацией и мужской нежностью.

Бидзина вдруг вскочил со стула:

— Дайте мне слово сказать...

Майя опустила голову и принялась теревить край скатерти. Бидзина зло на нее посмотрел.

Нукри прислонил гитару к стене и вышел в соседнюю комнату. Гостиную заполнили головокругительные звуки джаза. Нуца и Майя вскочили со своих мест. Бидзина закрыл лицо руками и опустился на стул. Ладо пододвинулся к нему.

— Не пей больше, Бидзина.

— Отстань, — отмахнулся Бидзина, — поди потанцуй.

Ладо поднялся и молча отошел в сторону.

Быстрый ритм сменило медленное танго. Нуца обняла Ладо за плечи и прижалась к нему. Бидзина не сводил мутного взгляда с товарищей.

Чувство жалости внезапно овладело Майей, и она робко дотронулась до его плеча.

— Чего тебе? — хмуро спросил Бидзина.

— Потанцуем?

Теперь танцевали две пары. Бидзина нагнулся и прижался щекой к волосам девушки.

— Ты знаешь, кто ты? Знаешь? — прошептал Бидзина. — Ты моя, Майя.

Девушка с мольбой посмотрела на Ладо. Тот понял и попросил ее потанцевать с ним. С Бидзиной осталась Нуца. Они танцевали долго. Бидзина постепенно трезвел.

— Любишь танцевать? — спросила Нуца.

— Нет. Если мужчина и женщина хотят быть вместе, пусть лягут в постель и точка, — Бидзина в упор смотрел в ее карие глаза.

— Почему ты не сказал этого Майе?

— И Майе скажу!

— Не посмеешь!

Бидзина остановился как вкопанный, молча отошел от Нуцы и вновь заволадел Майей. Темп музыки нарастал. Бидзина вдруг обнял девушку и поцеловал ее в губы.

Все вокруг завертелось, ритмы перемешались, и оглушительная какофония звуков точно каленым железом прошла по сердцу девушки.

— Радиола испортилась! — откуда-то издали донесся голос Нукри.

Майя стояла, прислонившись к стене.

На лице Нуцы мелькала улыбка, и тогда руки Ладо, словно клешни сдавили плечи Бидзины.

— Опомнись!

Бидзина извивался, пытаясь вырваться, но впустую. Ладо швырнул его в кресло и отошел...

Так закончилось празднование дня рождения Майи Тоидзе...

* * *

.. На пустынной улице показалось свободное такси и, приблизившись к запыльным прохожим, сбавило ход. Нукри, пошатываясь, подошел к машине и угрозил кулаком.

Шофер пожал плечами и переключил скорость. Машина переехала мост и скрылась из виду. Нуца взяла Ладо под руку. Ладо почувствовал прикосновение ее груди, и это привело его в замешательство.

Бидзина ступал твердо, засунув руки в карманы кожаной куртки с поднятым воротничком. Безадресная злость душила его, он искал случая, на ком бы ее выместить, хотя внешне казался совершенно спокойным.

Угрюмое всех выглядел Нукри. Он готов был расслакаться, когда представлял Майю, прислонившуюся к стене, окаменевшую. Жгучая ненависть к Бидзине овладела им. Вдруг он сжал в кулаки свои пухлые руки и дико закричал. Никто не успел остановить его. Нукри опустил голову и, как бык, кинулся на Бидзину. Тот сумел увернуться от удара, схватил его за плечи, и они оба упали на мостовую.

— Ты должен отравлять жизнь Майе? Ты! — выл Нукри, бесцельно размахивая руками. Он дрался впервые в жизни.

Ладо вначале растерялся от неожиданности, но быстро пришел в себя, подскочил к ребятам, разнял их. Нукри долго не мог отдышаться. Бидзина воспользовался случаем и неожиданно ударил его кулаком в лицо. Очки Нукри упали, он попятился и опустился на мостовую.

— Со мною шутки плохи, сопляк! — процедил Бидзина.

Ладо схватил его за грудки, Бидзина отскочил в сторону.

— И ты против меня, Ладо?! И ты?! — Он пытался после каждого слова. — Ты еще пожалеешь! — он повернулся, побежал и исчез в густом темном ельнике на обочине дороги.

Нукри по-детски всхлипывал. Нуца протянула ему очки. Стекла были разбиты.

В небольшом сквере стояла бронзовая группа: три танцующие женщины держали над головой фруктовый лоток. С лотка стекали тонкие струи воды. Нукри отер платком кровь с разбитого лица и жадно припал к воде.

— Что мне делать, Ладо, как быть? Ведь я должен убить его, мерзавца. Убить, верно?

— Ступай домой, Нукри. Протрезвеешь, поговорим.

Нукри покорно поплелся вверх по улице.

— Странный Бидзина, — сказала Нуца, — совсем забросил работу. Майя его с толку сбива. Не могу понять, что в ней такого особенного? Или она думает, что найдет мужа лучше Бидзины?

Ладо был неприятен ее разговор.

— К черту все, — прошептала Нуца после минутного молчания, — главное, что мы остались наедине, правда, Ладо?

— Ты думаешь, это главное? — он хотел сказать ей что-нибудь язвительное, обидное. Неожиданно девушка обняла его за шею и закрыла глаза...

Дрожь пробежала по телу Ладо. «Что я делаю?» — пронеслось в голове. Он очнулся, отстранил ее.

Часы у аптеки показывали два. Дома были погружены во мрак, только памятник Руставели освещал слабый свет прожектора.

— Подожди, Ладо, — Нуца преградила ему дорогу, — почему ты бежишь от меня?

— Не плачь, — грубо прикрикнул на нее Ладо.

Они свернули на маленькую улочку. В самом начале ее жила Нуца.

— До свиданья, — сказал Ладо. Ему вдруг захотелось напиться до бесчувствия. В какую-то минуту он даже решил вернуться к Майе, но тотчас отогнал эту мысль и вдруг подумал о Кэту. «Что она делает сейчас? Спит? Нет, лежит в темноте с широко раскрытыми глазами и думает обо мне. А думает ли?». Ладо прижался к стволу платана...

* * *

Он вошел в маленький дворик с большой раскидистой липой посередине, увидел в комнате свет, вспомнил, что отец никогда не засыпал, не дождавшись сына, и быстро взбежал по ступенькам.

Отец лежал в постели и читал книгу.

— Где пропадали, милостивый государь? — спросил он, глядя на сына из-под очков.

Ладо поцеловал отца в лоб.

— На этот раз простите, батона Петрэ, — сказал он, улыбаясь, и принялся стелить постель, делая вид, что не замечает его пытливого взгляда. Их кровати стояли рядом.

— У тебя неприятности? — Петрэ смотрел большими светлыми глазами.

— Нет, — пробурчал Ладо и попытался перевести разговор, — что ты читаешь?

— Сулхана Саба Орбелиани.

У Петрэ были свои, избранные авторы. Он читал и перечитывал их по несколько раз. Случайную книгу он не любил так же, как и случайные знакомства...

КНИГА УШБЫ

(ОТРЫВОК)

«...Появление Кэту на размокшей безлюдной дороге было неожиданным. Она шла легко, как на цыпочках. Ладо спрыгнул с балкона.

— Я иду в Местиа, — сказала девушка, не здороваясь, — звонили из отдела культуры.

Темраз по-прежнему сидел на перилах, уткнувшись в газету, и украдкой наблюдал за ними.

— Мне тоже надо быть в Местиа, — после некоторого раздумья сказал Ладо, — должен позвонить отцу. Давно от него ни единой весточки.

— А как с уроками? — спросил Темраз.

— Пусть заменят, после отработаю.

— Не ходи, Ладо, — девушка посмотрела на Темраза, словно просила у него помощи.

— Возьми с собой деньги, понадобятся. — Темраз достал деньги из кармана потертого пиджака и протянул Ладо.

Ладо взял Кэту под руку:

— Пошли.

Девушка нерешительно последовала за ним. Темраз провожал их долгим задумчивым взглядом.

Они молча шли по дороге. У Кэту замирало сердце при мысли, что кто-нибудь их встретит и разнесет по деревне сплетни. К счастью, ни на дороге, ни у колхозной конторы на окраине села не было ни души, кроме худой бледной девочки, которая грустно смотрела из окна столовой.

Ладо шагал неторопливо, заложив руки за спину. Девушка украдкой на него поглядывала и, хотя страх по-прежнему владел ею, радовалась его близости. Где-то на полпути их нагнал грузовик. Запыленный шофер высунулся из кабины и предложил подвезти. Ладо забрался в кузов и протянул руку Кэту...

Машина с ревом пошла в гору.

Скрылось из глаз селение Бечо, затерялось в тумане. Где-то далеко внизу гудел Ингури. Холодный сухой ветер дул в лицо. Слабый луч солнца залутался в золотистых волосах Кэту. Ладо осторожно приподнял ее голову, посмотрел в глаза. Девушка робко прижалась к его груди. Грузовик трясло, и Ладо изо всех сил старался удержать равновесие.

За домами, разбросанными по крутому склону, засверкала белоснежная глыба — Тетнульд...»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На традиционной осенней выставке изобразительного искусства было много народа. Большинство — молодежь. Кто в одиночку, кто группами переходили они от картины к картине, оживленно делились впечатлениями. Несколько художников, участников выставки, в разных концах зала жадно ловили каждое замечание, хотя внешне казались совершенно равнодушными к мнению посетителей. Нынешняя выставка получилась на редкость богатой: живопись, графика, скульптура, чеканка, почти все виды прикладного искусства...

У одной картины скопилось особенно много народу. На картине был изображен мальчик с огромными синими, точнее, посиневшими, испуганными глазами. Белая рубашка покрывала впалую грудь. Его тонкие сжатые губы, плетями свисающие худые руки говорили о какой-то невыразимой душевной боли.

Вторая картина «Портрет девушки» вся была решена в зеленой гамме. Густые волосы волной ниспадали на плечи девушки. На полных губах ее играла лукавая улыбка, в глазах притаилась печаль.

Ладо вздрогнул. Он узнал Нуцу Чиковани.

Посетители молча разглядывали картины.

— Грузинский Модильяни, — проговорил кто-то.

— Суррогат Модильяни, — возразил другой.

Ладо рассеянно слушал разговор. Он думал о Нуце. Вот она какая: страстная, своенравная, жадная до наслаждений и исполненная грусти и отчаяния! Он вспомнил слова Бидзины о Нуцых приключениях, и злобное чувство овладело им. Он попытался определить, ревность ли это или что-либо иное, но вдруг увидел Бидзину и, так и не дав себе ответа, направился к нему.

Бидзина никак не отреагировал на неожиданное появление приятеля. После того памятного дня они встретились впервые. Ладо эта встреча взволновала, но он постарался не выдать своего состояния и предложил осмотреть выставку вместе.

Бидзина непрестанно здоровался со знакомыми, не упуская случая обменяться мнением о том или ином произведении.

— А портрет Нуцы тебе не понравился? — спросил он вдруг.

— Нет. Не понравился, но подействовал.

— Чего же еще?

— То, что действует, еще не искусство.

— Ну, развеял философию.

— И не собираюсь, у меня никакой охоты философствовать.

Ладо и в самом деле не любил говорить об искусстве. Он мог часами простанвать перед картинами, до боли переживать их, но роль ценителя его тяготила.

— Ревнуешь Нуцу? — неожиданно спросил Бидзина.

Ладо нахмурился.

— Мой тебе совет, не в свои дела не суйся, — проговорил он угрюмо.

— Ладно, я пошутил. Ты не голоден? А у меня, знаешь, с утра и маковой росинки во рту не было. Кофе бы выпили.

Они вышли на улицу и свернули за угол, в кафе. Оно почему-то пустовало, хотя пора была вечерняя. Бидзина как обычно заказал коньяк и кофе.

— Я по-свински в ту ночь поступил, верно? — заговорил он после первой рюмки.

Ладо поморщился: Бидзина оставался самим собой — натворит с пьяных глаз черт знает что, а потом просит прощения.

— Да, — буркнул Ладо, — ты поступил по-свински.

В глазах Бидзины потух упрямый огонек, он понурился, сжал губы. Ладо стало жаль его.

— Брось!

Они дружили со студенческих лет, а это не так-то легко было пере-
черкнуть.

— Однако здорово разошлись наши пути-дороги, — проговорил Видзи-
на как бы про себя, — о чем только мы не мечтали на последнем курсе.

...Бидзина окончил университет с именем «талантливый литератор». Он
писал критические статьи, печатался в университетском литературном альма-
нахе и республиканской прессе. Парень он был начитанный, неглупый, и ему
профили будущее. Ладо вспомнил, как в литкружке обсуждал свой первый
рассказ. То была история человека, который вернулся с войны импотентом, так
и не нашел своего места в жизни и застрелился. Рассказ получился откровен-
но слабый. Бидзина это отметил и добавил, что написан он под влиянием Хе-
мингуэя. Многие члены литкружка рты разинули от удивления — они впервые
узнали о существовании такого писателя.

Дружба Ладо и Бидзины возникла как-то незаметно. Бидзина, высокомер-
ный и извительный со своими однокурсниками, с Ладо бывал серьезен и ис-
кренен.

Прошли годы. Кончилась учеба в университете. Ладо без боли в сердце
предал огню свои первые литературные опыты и уехал работать в Сванетию
учителем. Вернувшись, он почувствовал, что их дружба пошла на убыль так
же незаметно, как возникла...

В кафе по-прежнему было пустынно. Играла сентиментальная музыка.

— Ничего нового не пишешь? — спросил Бидзина.

— Пишу, — Ладо смущенно заерзал на стуле, — не знаю, право, что
получится.

— О чем?

— Да как тебе сказать... Городской парень едет учительствовать в горы,
— Ладо рассеянно улыбнулся, — напишу, а там поговорим.

Рассказывать о сокровенном было неприятно Ладо, ему казалось, будто его
нагим выставляли на всеобщее обозрение и вынуждали говорить о том, что
свято хранится в душе.

— О себе самом, значит, пишешь? — ухмыльнулся Бидзина.

Ладо виновато понурил голову.

— И о других тоже, — пробурчал он.

Он любил эту свою вещь. Никогда прежде не работал с ощущением та-
кой внутренней свободы и радости. Здесь было все увиденное и пережитое в
Сванетии, здесь была Ушба...

— Слушай, Ладо, — Бидзина поднял стакан, — я хочу выпить за тебя.
Только тебе следует бросить службу — чепуху каждый может читать. Ты ну-
жен для другого дела.

— Все же?

— Для литературы.

— Ей и вас хватит, — сказал Ладо.

— Брось зубоскалить. В тебе есть какая-то особая воля или упрямство, что-
ли, а главное — искренность, только...

— Только таланта недостает, верно? — усмехнулся Ладо.

— Сам знаешь, что ты талантлив, но для истинного писателя и этого мало.

— Значит, ничего не напишешь!

— Я свое сказал, — обиделся Бидзина.

Ладо по-дружески сжал его руку. Ему вдруг захотелось тут же пойти до-
мой и засесть за повесть.

Бидзина поднял стакан.

— Непременно хочешь опьянеть? — спросил Ладо, чувствуя, что сам
хмелеет. — Не стоит.

— Стоит, не стоит — какое это имеет значение, главное: хочу. Помнишь,
у Саят-Нова: «Куда ни кинулся — везде споткнулся». Бедная моя мама, ду-
мает, что вырастила сына, воспитала, образование дала, человеком сделала. А
я слоняюсь по городу без дела. Работать корреспондентом, да еще не-
штатным...

Сентиментальная музыка, видно, здорово пришлась по душе кому-то из
служащих кафе, казалось, пластинка никогда не кончится.

Бидзина сидел бледный, глаза его блестели лихорадочным блеском. Ла-
до почувствовал, что настает время пробуждения бесов в душе Бидзины.

— Почему ты ничего не говоришь о Майе? — спросил Бидзина надтресну-
тым голосом. — Как она поживает?

— Плохо...

— Знаю... а кому лучше? — Бидзина стукнул кулаком по столу, беспри-
чинно улыбнулся. — Как тебе понравился портрет Нуцы? — снова спросил он.

— Да не знаю...

Бидзина оживился.

— Помнишь «Клима Самгина»? Там одна Нехаева, опрятная, некрасивая девица. Она без усталости болтает о высоких материях, а под конец выясняется, что ее ничего не интересует, кроме как лечь с Самгиным в постель. Такова и твоя Нуца Чиковани, и все женщины ей под стать.

— Не мели чепуху.

— Все женщины, — процедил он и злыми глазами посмотрел на Ладо. Теперь его все раздражало в нем: манера спокойно вести разговор, рассеянный лоб, небрежность в одежде. — Хочешь раскрою все карты, хочешь? — он не стал дожидаться ответа. — Пусть все знают: Майя для меня одна-единственная, и я своего добьюсь...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Редакция издательства научной литературы размещалась на третьем этаже большого желтого здания. До начала рабочего дня оставалось примерно четверть часа, и никто из сотрудников пока не появлялся.

Ладо достал из ящика письменного стола толстую рукопись. Он получил ее более двух месяцев назад, но с трудом прочел половину, так и не разобравшись в страницах, испещренных формулами и специальными терминами. Он знал только, что механика — одна из отраслей физики, а этого знания было, увы, мало, и ему ничего не оставалось иного, кроме как проследить, правильно ли построены фразы.

Первым в редакторской появился Романоз Натенадзе. Его серые умные глаза весело искрились под густыми с сединой бровями. Романозу было за шестьдесят, но выглядел он вполне бодрым. Белые как лунь волосы придавали его лицу привлекательность и благородство.

— Убиваешься? — спросил он Ладо.

— Ничего не поделаешь! — вздохнул Ладо.

За Романозом появился продрогший Сандро Цхвариашвили. Он потирал руки и без конца ныл, что не помнит такой холодной осени.

Надя Банцадзе, кругленькая, все еще привлекательная старая дева, попавшись прошествовала к своему рабочему месту, едва кивнув головой сослуживцам. Пимен Латария, краснощекий мужчина, судя по запаху, откусал хаши¹.

— Ну и вонища, — поморщилась Надя.

— Вкусный был хаши, вроде тебя, Надя, вроде тебя, — сказал Пимен.

— Пропади ты пропадом.

Последней пришла в редакцию Майя Тондзе. Щеки ее покраснели от быстрой ходьбы.

— Руководства по-прежнему не видно? — Майя кивнула головой в сторону кабинета Тевзадзе.

— А что случилось с Лаврентием? — вопросом на вопрос ответил Сандро.

— Может, в зятя пригодится, а? — Пимен кивнул головой в сторону Нади.

— Пропади ты пропадом, — разозлилась Надя, — никого лучше не нашел для меня!

— Почему же, душа моя Надюша, сердисься, — вкрадчивым голосом проговорил Пимен, — вот назначат нашего Лаврентия на место Тевзадзе, небось, не забракуют тогда.

Сандро вскочил как ужаленный.

— Недостойно шутите!

— Я тут ни при чем, так говорят. Он хлопочет.

Сотрудники редакции переглянулись. Потом все взоры обратились к Романозу. За ним как за пронизательным человеком было решающее слово, но Романоз надел очки и принялся читать рукопись. Рабочий день начался.

* * *

...Время от времени открывалась дверь, в комнату входил выпускающий Коля, забирал корректуру и исчезал. На Коле неизменно была кожаная фуражка со звездочкой. В редакции Колю побаивались.

У Ладо от бесконечных формул и непонятных фраз рябило в глазах и болела голова. В течение каких-нибудь двух часов он раз, верно, двадцать чув-

¹ Национальное блюдо из потрохов, заправленное чесноком. Обычно едят утром.

своим, что чаша терпения переполнилась. Его так и подмывало вышвырнуть рукопись за окно, а там хоть тюрьма, но, глядя на товарищей, корпевших над точно такими же рукописями, он стыдился своего малодушия. Майя возилась с объемистым учебником минералогии, Сандро — с «Геодезией», Романоз — с «Курсом высшей математики», а Надя с Пименом корректировали тексты, смысл которых был для них китайской грамотой.

Наконец наступил долгожданный полдень — обеденный перерыв. Пимен посмотрел на часы, потянулся.

— Черт поberi твоего автора, — проворчал он, — в могилу меня загнал.
— «Тот, кто муки нам несет, волей бога станет чертом...» — изрекла Майя.
— Аминь! — басом пропел Пимен.

Сотрудники редакции шумно поднялись со своих мест, Сандро Цхваришвили достал из ящика письменного стола бутерброд с сыром, повернулся лицом к стене и принялся есть. Остальные двинулись в столовую.

* * *

...После перерыва следовал прием авторов. Приходили люди разных профессий, научных степеней и должностей с обязательными пухлыми портфелями. Вид у них был, как правило, важный. Иные из рукописей нуждались в правке. Крепко, порой, нуждались, однако авторы не скрывали своего пренебрежительного отношения к «этим самым правщикам», называли их за спиной «педантами» и жаловались на «мелочные придирки».

Первым в тот день пришел высокий симпатичный старик, автор учебника по минералогии, вежливо со всеми поздоровался, положил на стул палку и портфель и поцеловал Майе руку. Они вместе прочитали спорные места рукописи. Старик с удовольствием принял все замечания. Перед уходом он положил на ее стол плитку шоколада. Майя покраснела, разломала плитку и раздала шоколад товарищам.

К Сандро Цхваришвили подсел профессор геодезии, пожилой мужчина с изрытым оспой угрюмым лицом.

Профессор с явным неодобрением, однако молча выслушал редактора и собрал листы рукописи.

— Так нельзя, товарищ, — процедил он.

Сандро снял пенсне и поспешно принялся протирать его платком.

— То есть, как нельзя?

— Я вам сказал, так нельзя, то-ва-рищ, — по слогам произнес профессор.

— Понятно, — рассеянно улыбаясь, проговорил Сандро, хотя ровным счетом ничего не понял.

— Научные мысли нуждаются в соответствующем словесном выражении, да-с, — произнес профессор, — я поговорю с директором издательства.

Сандро сидел, как наказанный ребенок, и теребил редкие усы. Он прекрасно владел литературным языком и работал на редкость усердно.

К Ладо явился высокий гривастый молодой человек в бабочке с длинными холемными пальцами. Дело в том, что иные авторы учебников редко удастайвали редакцию своим посещением и присылали вместо себя ассистентов. Молодой человек был из ассистентов. Он с совершеннейшим равнодушием выслушал все замечания и редакторские правки и под конец заявил:

— Что я могу возразить? Наше дело — наука, ваше — правописание.

Ладо хорошо знал, что публикация редактируемой им книги нужное и спешное дело, и не хотел ввязываться в спор, но не удержался:

— Не такая уж это чушь — правописание.

Молодой ученый милостиво улыбнулся.

— Вы, я полагаю, окончили филологический факультет?

— Именно так, — Ладо начинал злиться.

Майя обратилась в слух.

— Странные вы люди, филологи! — изрек молодой ученый. — Человек покоряет космос, а вы придаете такое значение точке с запятой, словно от нее зависит будущее человечества.

— Позвольте спросить, от чего или от кого оно зависит?

— От технизации, милейший. Руставели и Галактион Табидзе не создадут хлеба насущного, как вам, должно быть, известно.

— Мне кажется, молодой человек, вы не правы, — вмешался в разговор Романоз, — человечеству так же необходим Руставели, как и Эйнштейн. Они не исключают друг друга.

— А вы знакомы с работами Эйнштейна?

— Не читал, — сухо ответил Романоз.

— В таком случае спорить не приходится, — на лице молодого ученого заиграла торжествующая улыбка, — знаете, я ведь в детстве тоже сочинял стихи, и неплохие, словом, хотел стать поэтом.

— Хорошо, что вовремя одумались, — заметила Майя.

— Совершенно верно, совершенно верно, — закивал головой физик и снова обратился к Ладо: — Какая у вас зарплата?

Ладо вместо ответа вдруг схватил его за бабочку, потянул к себе и отпустил. Бабочка шлепнула физика по горлу.

— Я... Вы не имеете права, я... — Опешивший физик попытался и боком вышел за дверь.

Сандро захихикал, закрыв лицо руками. Надя лихорадочно раздумывала, сообщать или не сообщать директору об инциденте. Пимен восторженно зааплодировал:

— Ай, Ладуша, молодец!

— Не следует забывать, что мы в учреждении, — строго сказал Романоз.

Ладо понимал, что Романоз прав. Наступила напряженная тишина.

И в это время со скрипом открылась дверь и вслед за грузным мужчиной, директором издательства Константином Иосифовичем Цагарели, вошел празднично одетый Лаврентий Бедиани.

— Как идут дела? — осведомился директор. — Трудитесь на благо науки?

— Мчимся вперед на всех парах, батона Котэ, — хихикнул Пимен.

— Ну-ну, — сказал директор.

Он причислял себя к тем, кто делал революцию. По слухам, Котэ Цагарели в те бурные годы тайно переносил бомбы из одного места в другое. Потому, хотя его давно требовали «и возраст, и обстоятельства», Котэ не осмеливались предложить выйти на пенсию, а ему самому эта мысль и в голову не приходила.

— С сегодняшнего дня, — тоном человека, которому все надоело, произнес Котэ, — вашим отделом будет руководить Лаврентий Павлович Бедиани, ну а об остальном сами договаривайтесь... — Он хотел сказать еще что-то, но то ли передумал, то ли позабыл и, махнув рукой, пытаясь, вышел из комнаты.

Лаврентий Павлович Бедиани остался лицом к лицу со своими подчиненными. И снова, но уже по другому поводу, наступила напряженная тишина.

Новый шеф с минуту постоял на месте. Его лицо и выпученные глаза ропно ничего не выражали, тонкая шея с большим кадыком болталась в воротнике сорочки, жесткие волосы торчали в разные стороны. И тем не менее перед сотрудниками редакции технических изданий предстал совершенно иной человек.

Он каждому по очереди, начиная с Романоза, протянул свою липкую руку, причем смотрел куда-то поверх голов. Завершив церемониал рукопожатия, Бедиани остановился посередине комнаты, еще раз оглядел подчиненных и, не говоря ни слова, поплелся теперь уже в свой личный кабинет.

— Сбылось, Пимен, твое предсказание, — чуть ли не со слезами в голове простонал Сандро Цхвариашвили.

— Смотрите-ка, выдвинули, — с уважением произнесла Надя.

Майя и Ладо переглянулись и, не в силах сдержаться, громко и весело рассмеялись.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В просторном читальном зале публичной библиотеки было мало посетителей: в октябре студенты обычно редко беспокоятся о зимней сессии. За барьером библиотечные работники сортировали литературу на выдачу. Ладо спросил у пожилой женщины, где можно найти Нуцу Чиковани.

— Придет, подождите, — буркнула женщина, — целый город ее одну и спрашивает.

Слова пожилой женщины неприятно отозвались в душе Ладо. Он взял с полки какой-то журнал и механически начал перелистывать его. «Спрошу, в каких она отношениях с тем художником, и тотчас же уйду». Мысль эта однако была столь неискренней, что он сам ее устыдился, бросил журнал и спустился вниз по лестнице. У стенда с книжными новинками Ладо столкнулся с Нуцей.

Она была в итальянском плаще, туфлях на платформе, густые каштановые волосы спадали ей на плечи. От нее шел нежный запах духов.

— Ты давно здесь? — спросила она.

— Ты свободна? — вопросом на вопрос ответил Ладо.

— Если ты хочешь, то да!

— Тогда пойдем.

...Смеркалось. Они шли вверх по крутому подъему.

Улицы, сходящиеся к нему, были кривые, узкие и темные. Нуца ~~осторожно~~ ^{осторожно}, боясь подвернуть ногу. Она хотела попросить Ладо идти ~~медленней~~ ^{медленней}, но почему-то побоялась нарушить молчание.

— Ты злишься? — наконец решилась спросить она, вкрадчивые нотки звучали в ее голосе.

— Да.

— На меня?

— Нет, на самого себя.

— Не надо, Ладо, я так рада, что ты пришел, так счастлива.

Ему был неприятен ее неестественный выговор — слова, произносимые с каким-то полуфранцузским прононсом.

Нуца остановилась, долго и пристально смотрела на него потемневшими глазами.

— Ладо, я твоя, — прошептала она вдруг, — я принадлежу тебе и никому другому.

— Отстань.

Нуца вздрогнула.

— Что с тобой происходит?

— Никому другому, значит? — Он схватил ее за локоть, встряхнул с силой. — А кто же тот художник? Кто те остальные? Ну, отвечай!

— Твоя вина, сам затерялся где-то в Сванетии, — глотая слезы, сказала Нуца, — ни письма, ни весточки...

Теперь ему хотелось уйти от этой женщины как можно скорее, ничего больше.

Они стояли в маленьком сквере у памятника Сулхану Саба Орбелиани, едва освещенного светом лампионов. Мудрец задумчиво смотрел на пергамент.

Молчание тянулось мучительно долго.

На улице показался зеленый огонек такси, Ладо поднял руку. Машина остановилась. Ладо открыл дверцу.

— Езжай! — сказал он, не глядя на нее.

Нуца посмотрела на него заплаканными глазами, потом быстро села в машину и захлопнула за собой дверь. Такси двинулось с места.

Очувшись одна, Нуца вытерла глаза, поправила волосы.

Куда ехать? Возвращаться на работу нельзя, домой не хочется, и тут она вспомнила о Майе и назвала шоферу ее адрес. У Майино дома Нуца вручила шоферу приготовленные заранее деньги, сошла с машины и направилась к затемненному подъезду. Вдруг она столкнулась лицом к лицу с каким-то пьяным и испуганно уступила ему дорогу.

Он был одет в кожаную куртку с поднятым воротником. Нуца невольно остановилась.

«Бидзина... От нее вышел?» — промелькнуло у нее в мыслях, и от этого боль одиночества стала ощутимей.

— Бидзина! — позвала Нуца.

Бидзина медленно повернул голову, оглядел девушку с ног до головы и по привычке иронически усмехнулся.

— А-а, это вы?

— Ты был у Майи?

— Да, дорогая, я был у Майи.

— Как она себя чувствует?

— Хорошо, благодарю, а вы как поживаете?

— Спасибо, и я ничего себе, а вы?

Бидзина хрипло рассмеялся.

Разговаривая, он ничуть не казался пьяным.

— Эх, моя Нуца, как я должен себя чувствовать? Любимая передо мною захлопнула двери, вот так-то.

— Одна часть нас постигла, уважаемый Бидзина.

— И тебе, значит, дали от ворот поворот?! — воскликнул Бидзина. — Может, скажешь, Ладо?

Нуца горько усмехнулась:

— Никому другому я не позволила бы. Сам знаешь, только с Ладо никак не могу справиться.

— Глухой он! Перед такой девушкой дверей не захлопывают.

— Вот именно, — Нуца дала понять, что почувствовала в его словах иронию.

— Ты шла к Майе? — спросил Бидзина.

— Нет, домой. — Сейчас ей казалось, что лучше остаться с Бидзиной, чем подниматься к Майе.

— А может, пойдешь к ней, я бы с тобой письмо послал с подписью: «Пишет тебе влюбленный с сердцем, тобой опаленным», как говорится в одной ставропольской комедии.

Бидзина впервые говорил о Майе издевательским тоном.

«Пламя утихает», — подумала Нуца, ей была приятна эта мысль.

— Будто и в самом деле ты не стораешь от любви, — сказала она вслух.

— Подумай о собственном костре, дорогая, — Бидзина потрепал ее по щеке.

— И все же, почему ты привязался именно к Майе, или женщины перевелись на белом свете? — Она взяла его под руку. — Пошли! Если бы я была мужчиной, мне бы и в голову не пришло влюбляться в Майю.

— Ого! Это юмор?

— Конечно, юмор! — тотчас же ответила Нуца и быстро перевела разговор: — Хочешь зайдем ко мне, выпьем кофе?

Бидзина испытующе на нее посмотрел. Она выдержала его взгляд.

— К тебе? — недоверчиво спросил Бидзина.

— Да, ко мне.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На мраморной доске местами потрескались буквы. По углам могилы торчали сухие стебли бурьяна. За железными оградами и белыми обелисками виднелись серые холмы, дорога и окрестности деревни, освещенные холодным светом осеннего солнца.

Рядом с могилой Тамар оставалось еще одно место. Всегда, когда Петрэ приходил сюда, этот свободный могильный участок рождал в нем чувство унижающего, мучительного страха.

Ладо снял пальто и принялся выдергивать сорняки. Его мускулы резко вырисовывались под рубашкой. Петрэ с гордостью смотрел на его широкие плечи и налитое тело. Здесь, в обители смерти, ему было особенно радостно видеть рядом с собой сына, исполненного жизненных сил. Он невольно протянул руку и дотронулся до его плеча.

— Что случилось?

— Ничего, сынок, ничего.

У Ладо больно сжалось сердце. Каким-то обессиленным, беспомощным показался ему отец. От Петрэ не ускользнул грустный взгляд. Он улыбнулся:

— Думаешь, постарел, да?

— С чего ты взял? — покраснел Ладо.

— Не беспокойся, есть еще порох в пороховницах...

— Ну, ну, пошел хвастать, — голосом, в котором угадывалась ласка, сказал Ладо, — постарел ты, и все тут.

— Да, сынок, ты прав, — вздохнул Петрэ, — что же, пора. — Он посмотрел на фотографию жены, вделанную в могильную плиту.

У Тамар на фото было такое живое выражение лица — Петрэ на мгновение показалось, что она собирается вмешаться в их разговор. Потом им снова овладела мысль о смерти, и он краем глаза взглянул на свободный могильный участок.

«Тьфу ты, привязалась нечистая сила, уже совсем, видно, одряхлел», — рассердился на себя старик.

— Пошли, — сказал он сыну.

Лицо у него было серое, плотно сжатые губы обескровлены. Ладо понимал — отец неважно себя чувствует, но надеялся, что ему полегчает на воздухе, и предложил прогуляться по парку.

На крутых склонах парка среди густых кустов лавровишни одиноко торчали лоховые деревья. Голубой туман окутывал город и окрестные холмы.

Петрэ думал о сыне, он мечтал увидеть его окончательно обретшим свой путь в жизни, а потом, ему казалось, и смерть не страшна.

У фонтана они присели на лавку.

— Трудно без матери, сейчас особенно трудно, — проговорил Петрэ и, горько усмехнувшись, прибавил: — Тебе не понять.

— Почему же? — сказал Ладо, хотя в самом деле не понимал, почему особенно трудно именно сейчас.

— Нет, тебе не понять. Когда человек стар, он сильнее нуждается в друге. — Старик уставился вдаль. У него было какое-то странное выражение больших влажных глаз. Из-под разлета густых бровей выглядывала то чисто-сердечная детская невинность и доброта, то скрытая горечь. Петрэ зимой и летом ходил без шапки, и седые, вьющиеся волосы придавали ему млажавый вид. Ладо нравился его приглушенный, теплый голос, спокойная и размеренная манера говорить и истинное благородство; нередко он задумывался, как будет выглядеть сам в отцовском возрасте.

За фонтаном играли дети, беготня и гвалт не утихали ни на минуту. Неожиданно появился милиционер и накинулся на ребят. Те едва унесли ноги.

— Хотя бы я работал в школе, — сказал Ладо тихо.

— Надоело издательство?

— Не мое дело работать в издательстве, отец.

— А работать педагогом твое дело?

— Мне кажется, да.

До выхода на пенсию Петрэ преподавал русский язык и литературу, ученики его боготворили, Ладо в душе мечтал стать таким же преподавателем, как отец.

— Тяжкий это груз, сынок, трудный, — сказал Петрэ.

— Я был бы неплохим учителем, — проговорил Ладо.

— Не сомневаюсь, но...

Ладо вопросительно посмотрел на отца.

— Сейчас для тебя главное не в этом.

Ладо не понял, что именно имел в виду Петрэ.

— Ты не думаешь о семье?

Ладо не ожидал вопроса, промолчал.

— Или тебе не нужен друг? — продолжал отец. — Не нужно семейного тепла? Хочу дожить до внука, сын!

Ладо побледнел и с трудом выговорил:

— После Кэту?

Петрэ пожалел, что заговорил о женитьбе сына, но отступать уже не мог.

— Ну хорошо, а что ты собираешься делать, как жить дальше?

— Не знаю, отец, все как-то странно перепуталось, перемешалось. Я потому уехал в Сванетию — хотел разобраться, кто я, что я. Вроде бы и разобрался, но не до конца, не хватило сил, и я повис между небом и землей.

— Не надо так говорить, сынок!

— Как мне искупить вину? Девушка мне доверилась, пошла со мной, а я бросил ее на полпути.

— Не бросил — заставили бросить.

— Неважно! Почему я поехал сюда? Почему не вернулся в горы? Испугался? Это меня и мучает, не дает покоя.

— Ты бы бессмысленно погиб!

— Порой бессмысленная смерть приносит облегчение. — На лице Ладо появилось жалобное выражение. — А ты хочешь, чтобы я женился...

— Как же ты собираешься жизнь прожить?

— И я о том думаю. Жизнь как будто утратила смысл, отец. Это и мучает меня больше всего.

— Ты ошибаешься! Жизнь бесконечно интересна. Она не теряет смысла.

— Не могу заставить себя позабыть Кэту.

— Неужели в Кэту смысл твоей жизни?

Ладо не нашелся, что ответить.

По ивовой аллее, освещенной слабым светом солнца, молодая женщина катила коляску с ребенком.

— Смысл жизни... — задумчивым тоном сказал Петрэ. — В чем он, этот смысл? Может быть, в единственном: родиться и умереть, оставив после себя потомство?

— Не знаю... — ответил Ладо.

— А может, смысл жизни в том, чтобы творить? Может быть, любовь — смысл и основа всего? — Петрэ рассуждал вслух. — Или, может быть, смысл жизни — искать этот смысл и не находить его? Может, главное — поиски смысла жизни?..

Перевод Нодара ТАРХНИШВИЛИ

Продолжение следует

МАТЬ

● Рассказ

— **Б**ЛАГОРОДНЫЕ граждане Тбилиси! Сотворите добро, подайте пьянице подонку, бездельнику, человеку, который на стакан водки променял собственное достоинство и теперь с протянутой рукой стоит перед вами! Человек этот — я! Я жажду увидеть родную мать, опозоренную мною мать! Жажду как смерти! И мне нужны деньги, деньги на билет, чтобы поехать к ней, моей любимой матери!.. Благородные граждане Тбилиси! Окажите мне милость... Умолю вас!..

Дрожащий голос звучал патетически, но фальшиво.

Пропитанный запахами сапог, водки, горчицы, прокисшего вина, вонючего табака, пота и селедки подвал гудел. Жуткий монолог-исповедь, несмотря на свою фальшивую патетичность, раздался как гром среди ясного дня. На несколько секунд — повторяю, лишь на несколько секунд — воцарилось гробовое молчание, подвал будто превратился в окаменевший сказочный город — город, который кара божья настгла именно тогда, когда никто этого не ждал и каждый был занят своим делом.

...И когда вся эта масса вновь задвигалась, пьяница уже стоял у ближайшего стола и дрожащей рукой собирал брошенные на стол три скомканные рублевки и мелочь. Ни один из сидевших за столом мужчин не взглянул на пьяницу — даже тогда, когда он поблагодарил их. Лишь один — помоложе — проговорил, не поднимая головы:

— Ладно...

Пьяница подошел ко второму столу, протянул руку:

— Благородные жители Тбилиси!..

— Брось трепаться! — прервал его один из сотрапезников. — На, выпей! Пьяница взял стакан с водкой, поднес ко рту. Рука его дрожала.

— Ну, скажи что-нибудь! — сказал второй.

— «Что-нибудь...» — повторил пьяница, и рот его перекосялся в жалкой улыбке.

— Гм, ты даже шутишь?! — удивился третий.

Пьяница не ответил. Он молча проглотил водку и уткнулся лицом в согнутый локоть. Когда он поднял голову, лицо его было спокойнее, а глаза влажно блестели.

— На здоровье! — сказал первый.

Пьяница поставил стакан, но от стола не отходил.

— Не вздумай еще просить денег! — сказал, нахмутив брови, второй.

— На билет... Мать хочется увидеть...

— Знаю я твою мать и твой билет!

— Три рубля...

— Какими прикажешь — бумажными или мелочью? — передразнил его первый.

— Рубли! — быстро сдался пьяница.

— Отдай, мать его!.. Видишь, не отстает! — проговорил третий.

Тогда первый достал из кармана двадцатикопеечную монету, положил ее в большой палец правой руки, щелчком подбросил в воздух, потом ловко поймал и, зажав ее в левой ладони, вопросительно взглянул на пьяницу.

— Орел! — крикнул тот, не задумываясь, и уверенно протянул руку.

Первый разжал ладонь.

— Везет же человеку! — обернулся он к сотрапезникам и отдал монету пьянице.

Тот подошел к следующему столу.

— Ребята, явилась наша судьба! — обрадовался один из пятерых, сидевших за столом.

— Мир пришедшему! Привет! — раздалась нестройные голоса.

— На, выпей! — протянул кто-то стакан.

— Я выпил уже... — проговорил пьяница, но стакан все же взял.

— Гм, нашелся трезвенник! — хмыкнул первый, очень похожий на второго, как, впрочем, и на всех остальных.

— Будьте здоровы! — пьяница опрокинул в рот стакан и понюхал свой грязный рукав.

— Только без монолога! Говори прямо, сколько стоит билет до дома твоей матери! — предупредил третий, потом двумя пальцами извлек из внутреннего кармана пачку пятирублевку.

— Дай одну! — взмолился пьяница и громко проглотил слюну.

— Осел! С чего это тебе вздумалось разбогатеть именно за наш счет? Пойди-ка вон к тем комбинаторам, они, знаешь, махорку в червонцы заворачивают! — владелец пачки указал на огороженный фанерой кабинет, откуда столбом поднимался табачный дым и доносился громкий пьяный женский хохот.

— Ладно, отдай, не мучай человека! Нас всех ждет его судьба! — сказал кто-то.

— На, бери две пятерки — поедешь в международном. В жестком тебе будет неудобно! — беззубый рот владельца пачки раскрылся в улыбке. Засмеялись и четверо остальных.

— Вот это — человек! — воскликнул пьяница, запихивая деньги в карман. — Будет и на моей улице праздник, и тогда я отплачу тебе!

— Не забудь прихватить знамя!

Теперь рассмеялись все шестеро.

Четвертый стол пьяница обошел сторонкой — в одном из двох сидевших за ним мужчин он узнал верийского карманщика Зарзану. Карманщики, как известно, одинаково ненавидят пьяниц и попрошаек, он же в своем лице объединял обе эти категории людей. Поэтому он направился к кабинету с занавешенной дверью.

В кабинете пьяница не задержался. Он вышел оттуда растерянный и смущенный и, раскачиваясь, подошел к столу, за которым кутила компания парней из Ваке.

— Благородные граждане Тбилиси... — начал пьяница, прикрыв почему-то глаза рукой.

— ...Сотворите добро, подайте пьянице, подонку, бездельнику... — продолжил монолог один из парней.

Пьяница опустил руку и уставился на него помутневшим взглядом.

— Чего смотришь? — спросил тот.

— Жажду увидеть свою мать... — захныкал пьяница, — жажду как смерти...

— Кто же тебе мешает? Умирай на здорсье!..

— Я мать хочу... — повторил тупо пьяница.

— А молочка грудного тебе не хочется?

— Мать...

— Да врешь ты, сволочь, нет у тебя никакой матери! — вскочил в сердцах худощавый парень. Его насилу усадили. — Вот так каждый раз! Появится и начнет бередить душу именно тогда, когда мне хочется выпить, повеселиться! Хватит же тебе, хватит, гнида ты этакая!

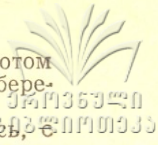
— Ладно, поди сюда, Симон, бери деньги и уходи. На! — Парень с огромным — от виска до подбородка — шрамом бросил на стол несколько червонцев.

— Откуда тебе известно мое имя? — удивился пьяница.

— Известно, Симон, известно... На деньги, что ты выманил у меня, можно было трижды объездить земной шар. Вроде Магеллана...

— Я мать хочу увидеть! — заплакал пьяница.

Парень со шрамом запихал деньги в карман пьянице и слегка подтолкнул его:

— Ну, хватит тебе, мы тоже люди, и у нас тоже есть сердца... — Потом он обернулся к своим: — Ребята, давайте выпьем за наших матерей... Разбередил душу этот негодяй, хоть плачь!..

А пьяница уже стоял у очередного стола, стоял молча, раскачиваясь, с протянутой рукой.

— Что он хочет? — спросил удивленно один. Это был, наверно, единственный человек в подвале, не знавший пьяницы.

— А я знаю?... Тебе чего? — обратился к пьянице второй, хотя и знал отлично, какой последует ответ.

— Я... — пьяница безнадежно махнул рукой.

— Спроси-ка его, почему он не на фронте? — вмешался в разговор сидевший в конце стола аферист, который, окажись сам на фронте, мог бы свободно сойти за танк средней величины.

— А он был на фронте! — откликнулся сосед.

— Почему же он не ранен?

— Он ранен!

— Пусть покажет! — заинтересовался аферист.

— Знаю я его рану! — загоготал похожий на скопца безбородый и безусый толстяк. — Ты спроси его, женщин ему не хочется?

— Слушай, безмозглая твоя башка! — обратился к пьянице первый. — И почему ты выбрал самую что ни есть на свете сложную профессию — попрошайничество?! Пойди убей кого-нибудь, или взломай сейф, или, на худой конец, стань карманником!

— Что? Ты слышал, Андо, что сказал Барыга? Стань, говорит, на худой конец, карманщиком! У, падло, я тебе обрежу твой гнилой язык! — сказал, вставая, Зарзана.

— Да ладно, сиди, нашел место права качать, — успокоил его Андо.

Любит мать своих детей,
Мать не помнят детки,
Оттого и наша жизнь
Горьче горькой редьки,

— затагнули песню парни из Ваке.

Пьяница собрал со стола мелочь и, не считая, опустил монеты в карман. Сосчитать он их не мог при всем желании — от выпитой водки его мутило, в голове шумело, он с трудом держался на ногах. Ему не хватало воздуха, он задыхался. Обмякшее его тело словно плавало в зловонном тумане, заполнившем весь подвал — от потолка до пола. Он стоял и ждал, когда приостановит свой бег вертевшийся каруселью подвал, чтобы отыскать дверь и выбраться из этого смрада на свежий воздух... Вот карусель замедлила ход, вот показалась дверь... Пьяница двинулся к ней... Э-э-эх! Не успел! Дверь проплыла мимо... Он стал ждать... Начался второй круг... Так... Все движется по порядку... Первый стол, за которым сидели молчаливые рабочие... Но стол теперь пустой — рабочие ушли... Второй стол, третий, четвертый, пятый... Где же дверь? Боже мой, куда девалась дверь?! А, вот и она! Но что это? Официант Сеит снял дверь вместе с рамой, взвалил ее на плечи и шагает так, словно он и есть дверь!.. Как же теперь быть? Как выбраться отсюда? А выбраться нужно во что бы то ни стало, иначе он задохнется, сердце его не выдержит... Что делать? Нет, надо любыми средствами проскочить сквозь дверь! Или сквозь Сеита? А, была не была! Пьяница бросился на Сеита-дверь и в отчаянии ухватился за ручку...

В подвале сперва раздался звон разбитой посуды и грохот покотившегося по каменному полу подноса, а затем звук сочной оплеухи. Подвал на несколько секунд будто превратился в окаменевший сказочный город, а когда вся эта масса вновь задвигалась, Сеит схватил пьяницу за волосы, подгащил к двери и сильным пинком вытолкнул на улицу.

Пьяница упал. Он с наслаждением вдохнул свежий воздух, прильнул щекой к холодной мостовой и замер.

И вдруг пьяница почувствовал, как в нем зашевелилось какое-то смутное, давным-давно позабытое чувство. Он никак не мог вспомнить, как это чувство называется. А оно все властнее овладевало им, сжимало сердце, причиняло боль... И лишь тогда, когда какой-то прохожий нагнулся и поднял его на ноги, пьяница вспомнил, что нахлынувшее на него столь неожиданно чувство называется давно вычеркнутым из памяти словом — «самолюбие»... И вспомнив, он невольно оттолкнул прохожего и выругался. Выругался тихо, беззлобно. Выругался лишь для того, чтобы люди поняли — перед ними стоит не животное, а человек. Добрый прохожий промолчал, с сожалением улыбнулся и пошел своей дорогой...

...Пьяница вытер рукой сочившуюся из носу кровь и побрел, пошатываясь, по узкой улице Меликишвили. Прохожие обходили его или вовсе переходили на другую сторону улицы. А он шел себе, не шумя, не ругаясь, никого не задевая. У винного завода свернул налево и стал взбираться по подобию ему Петриашвили.

* * *

Он лежал на деревянной тахте, нераздетый и спал мертвым, без сновидений сном. Разбудил его звон часов в соседской комнате. Часы пробили лишь один раз. Это не могло быть часом ночи, скорее всего — половина чего-то. Значит, придется ждать еще полчаса, чтобы узнать, какое же сейчас время. И он ждал, ждал с открытыми глазами, ибо стоило ему сомкнуть веки, как перед ним возникало видение — двухэтажный деревянный дом, широкий общий балкон с красивыми резными балюстрадами; во дворе, у крана, огромная белая кавказская овчарка и восседавший на собаке мальчуган в белой блузке и черных бархатных штанишках; на балконе красивая молодая черноволосая женщина в простеньком голубом платье. Облик женщины то и дело менялся — из цветущей красавицы она превращалась в седую старушку с печальными глазами и сморщенным лицом, затем вновь становилась молодой и красивой. Все это очень напоминало его детство, и женщина на балконе — его мать. Напоминало, и только. И тем не менее он не смел закрыть глаза, ибо видение наводило на него страх.

Так прошло несколько минут. Он осторожно, словно подкрадываясь к темноте, закрыл глаза, и тотчас же перед ним всплыли знакомые картины. Это было похоже на странный, поставленный в обратной последовательности спектакль, где фигуры с опусканием занавеса появлялись, а с поднятием его исчезали со сцены. И все это стало, наконец, так жутко и невыносимо, что он решил не смыкать глаз до рассвета.

— Бо-о-ом, бо-о-ом, бо-о-ом, бо-о-ом!.. — пробили часы за стеной.

Пьяница вздохнул с облегчением: звон часов рассеял мглу и вместе с ней видения.

В Тбилиси наступало утро. Пьяница встал, подошел к крану, чтобы промочить пересохшее горло. Воды не было. Тогда он вернулся и лег снова. Видения исчезли, но теперь нахлынули думы, и это оказалось еще мучительнее. Видение — оно хоть не имеет веса, тяжести. А думы — мрачные, горькие думы — они свинцовой тяжестью давили на него, не давая шевельнуться, выпрямиться, стать на ноги.

...Надо выпить. Если сейчас не выпить хоть стакан, хоть глоток, хоть каплю водки, он умрет! Очень просто — свернется кровь, и он умрет. Деньги у него найдутся — вчера удалось выпросить кое-что. Но куда пойти? Может, в вокзальный ресторан? Он работает круглые сутки. Да, да, сейчас же, сейчас же минуту! Выпить... Выпить... Выпить... Иначе — смерть! Вот уже немеют руки и ноги, слабеет пульс, лоб покрылся холодной испариной...

Пьяница вскочил, подбежал к двери, рванул ручку и застыл...

Перед дверью стояла милостивая седая женщина в голубом платье.

* * *

Он не слышал, как за спиной, в соседской комнате часы пробили шесть и как забулькала вода в кране. Он зажмурился, но когда спустя минуту вновь раскрыл глаза, женщина стояла там же — стояла как каменное изваяние смущенной богоматери.

— Кто вы? — спросил пьяница шепотом.

— Уже час я стою здесь и не смела постучать, — ответила она.

— Но... Кто же вы?

— Ваша дверь, наверно, сотая... Я обошла сто дверей и не решилась постучаться... Если б вы сами не открыли, я не осмелилась бы постучать и в вашу дверь...

— Что же вам нужно от меня, уважаемая?

— Не подумайте, ради бога, что я попрошайка... — голос у женщины задрожал. — Я — мать!

— Чья мать? — ужаснулся пьяница.

— Мать солдата... — женщина перевела дух и продолжала: — Я получила извещение... Сын мой лежит в госпитале, раненый. При смерти. Я должна взять его домой... Во что бы то ни стало... Хоть на собственной спине, хоть ползком, но должна... Если даже это будет мне стоить чести, совести, даже жизни!..

«Что же вы хотите от меня?» — спросили глаза пьяницы.

— Я не попрошайка, сынок! Я — мать... И мне нужны деньги... На дорогу...
«Благородные граждане Тбилиси!» — услышал пьяница собственный голос.

«И почему вы пришли ко мне?» — спросили его глаза.

— Не откажи мне, сынок, не погуби меня!.. Твоя дверь — последняя. Больше я никуда не пойду!..

Женщина опустила голову. Пьяница увидел, как на ее черные изношенные чусты капнули слезы. Дрожащей, словно в лихорадке, рукой он быстро извлек из кармана скомканные, грязные бумажные деньги и подал их женщине. Она не протянула руки. Тогда пьяница осторожно положил их ей за пазуху, потом вывернул собственные пустые карманы и застыл. Женщина продолжала плакать, и пьяница понял, что она хотела, но не могла словами выразить свою благодарность. Тогда он медленно опустился на колени, припал к ногам женщины и тихо произнес:

— Спасибо, мама!

Так прошла минута. Когда он поднялся, женщины перед ним не было. Там, где только что стояла она, лежали скомканные, грязные бумажные деньги.

— Боже мой, неужели и это было видение?!

Из крана с веселым журчанием лилась струйка воды. Но ему уже не хотелось пить. Горло и губы пьяницы были влажны, но влажность эта не походила на воду — она была теплой и соленой.

На улице рассвело.

* * *

По темному, душному, переполненному пассажирами вагону с трудом пробирался ревизор. За ним с видом провинившегося следовал проводник, подсвечивая фонарем взятые у пассажиров билеты. Ревизор разглядывал пассажиров и их вещи с такой тщательностью, словно разыскивал среди них опасного государственного преступника.

— Ваш билет?! — повторял он полуприказным, полувопросительным тоном, и пассажиры молча, словно сговорившись, протягивали ему свои билеты.

— Ваш билет?! — обратился ревизор к сидевшему у окна худому, небритому мужчине.

— У меня нет билета! — сказал мужчина.

— Что?!

— У меня нет билета!

— Куда же вы, позвольте спросить, едете без билета? — спросил ревизор с иронической улыбкой.

— К матери! — ответил мужчина.

— К кому?! — удивленный ревизор вырвал из рук еще более удивленного проводника фонарь и поднес его к лицу пассажира.

— К матери! — повторил мужчина.

«К какой матери?!» — хотел переспросить развеселившийся вдруг ревизор, но, увидев бледное как полотно лицо и мокрую от слез седую бороду пассажира, он ужаснулся. Потом молча повернулся и, не оглядываясь, пошел прочь.

Поезд ворвался в черное чрево тоннеля.

Перевод Зураба АХВЛЕДИАНИ

Трудные заботы Зестафони

О черк

Я ПРИЕХАЛ сюда не случайно: мне давно хотелось посмотреть Зестафонский район, познакомиться с интересными людьми, а кроме того — и это, сказать правду, было главным, — узнать, что же делается на одном из крупнейших предприятий республики, Зестафонском ферросплавном заводе, в плане борьбы с загрязнением окружающей среды.

...Сорок с небольшим лет назад в Зестафони было начато строительство ферросплавного завода, ныне носящего имя выдающегося грузинского советского ученого Георгия Николаевича Николадзе. Именно Зестафони довелось стать колыбелью советской грузинской металлургии. «Дитя», лежавшее в колыбели, день ото дня росло, мужало и набиралось сил. Очень скоро молодое предприятие настолько окрепло, что само определило новое направление и смысл всей жизни этого уголка, утратившего в виноградниках и садах. Потомственные виноградари и виноделы становились первоклассными металлургами. Сейчас-то невозможно себе представить Зестафони без «ферро», как любовно называют завод местные жители, более того, невероятным кажется, что когда-то в прошлом по небу Зестафони не расплзались ключья бурого дыма.

— Да, в те времена небо над Зестафони было таким же синеголубым, как над любым другим грузинским селом, — задумчиво говорит старый металлург, ветеран «ферро» Ладо Гвалия.

Строительство завода он помнит так ясно, точно это происходило вчера. Какой энтузиазм, какой всеобщий подъем царил на стройке! А время было трудное, люди о куске сухого мчади мечтали. «Техника? Хе-хе, лопата да кирка, вот и вся наша тогдашняя техника!» Но работали не покладая рук. Ладо пришел на стройку здоровым, полным сил молодым парнем. «Я за четверых вкалывал, да все казалось — мало!» Помнит ли он Георгия Николадзе? Еще бы! Вот был человек! Бывало, заметит, что кто-нибудь из ребят ленится, еле двигается, молча подойдет, возьмет у него из рук лопату и давай ею орудовать. Парню совестно станет, и он с жаром принимается за дело. «Руководитель сам должен пример подавать, тогда рабочий ему поверит и пойдет за ним», — говаривал, бывало, Николадзе. Да, он был необыкновенный человек, благородный, смелый, а как о людях заботился!

Ладо Гвалия, живая летопись «ферро», кавалер многих орденов и медалей, ныне пенсионер. У него восемь детей, а внуков столько, что и имен не упомянуть. «Дети мои все с высшим образованием», — с гордостью говорит Ладо. О заводе он рассказывает с такой любовью, как мать о любимом ребенке. «Завод сделал меня человеком, завод наш кормилец. Дом, двор, да все, что есть у меня и моих детей, — все дал завод, все его милостью. Каждый год я, пенсионер, еду на отдых, завод дает мне путевку куда захочу. Разукрашу грудь всеми своими орденами-медалями, закину ногу на ногу и дышу свежим воздухом...»

— А ведь ваш завод отравляет этот самый свежий воздух, — осторожно вставляю я.

Он внимательно глядит на меня своими синими по-молодому лучистыми глазами.

— Ты что же, дружок, хочешь, чтобы такая машина, как наш завод, мирно попыхивал, словно чайник?

— Нет, но ведь вы не хуже меня знаете, что сделал дым с Зестафони и окрестными деревнями. Фрукты, виноград, зелень — все здесь негодное. А здоровье людей?

— Не говори так, ой, не говори!

— Да отчего же?

— Видишь ли, может, завод и вправду какой-то вред причиняет, но зато он столько добра приносит, что о том вреде и помянуть нечего, — с глубокой убежденностью говорит Ладо. — На здоровье, говоришь, действует? Да вот, пожалуйста, я-то ведь заводской рабочий? Да еще ветеран! К тому же я все время в первом цеху провел, где больше всего копоти и дыма. А ты погляди на меня! Жив-здоров, прекрасно себя чувствую, еще лет двадцать проживу!

— Дай бог вам долгой жизни, батона Ладо!

— Так вот, заводом жив Зестафони, и уж мы должны прощать ему кой-какие грешки.

Не пришли мы все же к согласию!..

Потом мы с ним открывали непчатый квеври, зарытый в саду под старой айвой. Ладо решил во что бы то ни стало угостить меня своим вином. Надо было видеть, с какой трогательной осторожностью соскреб он смешанную со снегом землю с деревянной крышки и вынул обе ее половинки, как благоговейно опустил в квеври черпак — зачерпнул вино и торжественно подал мне.

— А ну, попробуй! Сам выжимал! Если не понравится, денег с тебя не возьму, — пошутил он.

— Что это за вино?

— Смесь «цички» с «цоликаури».

— Натуральное, а, батона Ладо? — не без лукавства спросил я.

В его глазах заиграла улыбка.

— Я вижу, вы не только заводской печи мастер, а и в крестьянских делах толк знаете, батона Ладо!

— Хе! Где ж видано, чтобы грузин в винограднике не возился да вино не выжимал!

— Значит, вы и рабочий, и крестьянин в одно и то же время?

— Ну да, и рабочий, и крестьянин, хорошо ты сказал! В нашем районе почти все так.

...А вино Ладо Гвалиа оказалось просто великолепным!

Диалог с шофером, который везет меня в село Чалаткэ осматривать древний мост времен Тамар-царицы (справа от дороги, совсем неподалеку, виднеется завод, окутанный клубами коричневого дыма):

— Вот эта дорога и есть граница километровой санзоны. Всех, кто жил на территории санзоны, уже выселили и выплатили им порядочные деньги — у них-то свои дома там были. А я вон где живу, видите, слева, на холме дом стоит. Прошу, умоляю — и меня выселите, да куда там! Ты, говорят, за санзоной, тебя это не касается. А дым не человек, ему не скажешь — «дальше такой-то черты не ходи». Взрослые — еще бог с ними, но дети, детей жалко...

— У вас сколько детей?

— Четверо, и все мальчишки. Только хилые они у меня, хлипкие...

— Неужели правда дым так сильно действует? — проговорил я в раздумье и тотчас пожалел о своих словах — так взволновали они моего собеседника.

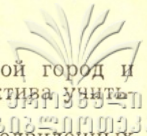
— Что вы, батона, разве кто станет такое выдумывать! Конечно, правда. Вот пожалуйста ко мне, поживите дня два, сами убедитесь.

— Как, по-вашему, есть выход из этого положения?

— Сейчас вот установили фильтры на печах, говорят, они начисто поглощают дым. Чего же лучше, конечно, да только так ли это? Пока что завод дымит и чадит по-прежнему. Вообще-то, если меня спросить, санзона нам нужна не километровая, а и семикилометровой мало. Так я думаю, да меня не спрашивают...

Шофер махнул рукой и нажал на газ. По обе стороны дороги лежал нетронутый снег — не белого, а черного цвета.

Не припомню точно, кто именно познакомил меня с Гурамом Гвелесиани — высоким молодым человеком с приятными манерами, мягкой улыбкой и внимательным изучающим взглядом темных глаз. Его биография ничем особым не отличается от биографии любого другого моего современника. Уроженец Кутаиси, где сейчас живут его родители, Гурам после окончания школы отправился в столицу республики для продолжения образования. Здесь он поступил на лечебный факультет медицинского института, а закончив его, поехал по распределе-

нию в Квемо-Сакара. Не так-то приятно было покидать большой город и ехать в деревню, тем более что у Гурама были и желание, и перспектива уйти сюда дальше, в аспирантуре, но дело требовало — и он поехал.

Здесь молодой врач оказался лицом к лицу со множеством непредвиденных проблем. Но Гурам выдержал первые испытания — самые, пожалуй, трудные. Люди вскоре почувствовали, что среди них — отзывчивый, заботливый, сердечный человек, знающий, добросовестный врач, в любую минуту по первому зову готовый прийти на помощь. Не укрылось это и от руководства района. Вскоре Гурама перевели на ферросплавный завод заведующим медицинско-санитарной частью...

— А когда на заводе я, наконец, наладил дело так, как считал нужным, меня назначили заместителем главного врача района, — рассказывает Гурам. — Не хотелось уходить, я привык к людям, и работа очень мне пришлась по душе... Нет, я, конечно, понимаю, что мне оказали большое доверие...

Да, верно, ему оказали большое доверие, а доверие обязательно нужно оправдывать! Гурам это хорошо знает. Он постоянно в поиске, и пусть даже не всегда его поиск венчает успех — он неутомим и никогда не опускает рук.

Меня особенно заинтересовало то, что Гурам работал в заводской больнице. Кому как не ему было знать о вредном воздействии дыма на здоровье рабочих, о том, каково сейчас положение с профзаболеваниями, есть ли перспективы их преодоления.

Гурам категорически отрицает мнение, что увеличение территории санзоны поможет в разрешении проблемы борьбы с загрязнением среды. Если идти этим путем, придется выселить добрую половину Зестафони и прилегающих к нему сел, что совершенно нереально, но, кроме того, даже если будет осуществлено увеличение санзоны в таких масштабах, чем провинились те четыре тысячи рабочих, которые денно и нощно стоят у печей? «Что же касается профзаболеваний, они пока имеют место, но и администрация, и медицинско-санитарный отдел завода не жалеют энергии, сил и средств в борьбе с ними. Я вам советую побеседовать об этом с главным врачом заводской больницы», — говорит Гурам.

...Главный врач Иванэ Ионанидзе встретил меня радушно. Он не без гордости сообщил, что больница оборудована первоклассной аппаратурой как отечественного, так и зарубежного производства. В этом я и сам убеждаюсь, осматривая кабинеты и палаты больницы. Однако больнице тесно, в настоящее время она располагает лишь шестьюдесятью койками, но этого количества не хватает. Единственное утешение — близкая перспектива завершения строительства четырехэтажного стационарного корпуса в поселке Квалиати.

— Профзаболевания? Увы, пока что это зло не искоренено. На сегодняшний день еще есть случаи заболеваний пневмококиозом, дерматитом, экземой, бронхиальной астмой... У нас на учете около ста человек больных. Всем им завод выплачивает зарплату полностью, без каких-либо удержаний.

— Какие меры вы принимаете, чтобы своевременно выявить больных? — спрашиваю я.

— Мы регулярно проводим диспансеризацию и медосмотры. Фамилии заболевших больница передает администрации, их обеспечивают пенсией, лечением, предоставляют им в первую очередь путевки, словом, делается все, что предусматривается советскими законами.

Простившись с ним, я выхожу из больницы. Передо мной во всем своем суровом величии — огромные цехи. Из труб вырываются мощные клубы черного дыма.

С Арчилом Цкитишвили, директором ферросплавного завода, мы встречались несколько раз, но в силу его крайней занятости нам все не удавалось побеседовать обстоятельно и спокойно. Бесконечные телефонные звонки, посетители, которые приходят по различным вопросам, носят какие-то бумаги, требующие безотлагательного прочтения и подписания, производственное совещание и так далее и тому подобное... А я! Я все пытаюсь объяснить, зачем я здесь, и когда, наконец, мне это удастся, директор просит вошедших к нему немного обождать и с увлечением начинает рассказывать (привожу его рассказ почти дословно):

— На заводе четыре основных цеха. В первом цехе на одной из печей не так давно установили фильтр, который очищает дым и газы на 50 процентов, а очистку остальных 50 процентов предусматривается осуществить до конца текущего года.

Вторым очагом сильного загрязнения является IV цех, в котором тоже работает фильтрующая установка. До конца года будет введено в строй еще два воздухоочистителя. Мы рассчитываем, что к 1977 году будут установлены воздухоочистители на всех печах.

Что касается III цеха, который загрязняет воздух отходами мазутно-термических процессов, то завод предполагает произвести коренное улучшение технологии, предусматривающее изъятие мазутно-термических процессов из цикла производства электролитического марганца. Эта проблема должна быть решена к 1977 году.

Во II цехе происходит извержение из печей большого количества известковой пыли. Для обезвреживания ее работают системы так называемой «мокрой очистки».

Одним словом, не позднее конца первой половины 1977 года в километровой санзоне завода будут соблюдаться допустимые нормы загрязнения среды, благодаря решительным шагам, которые мы предприняем на пути к разрешению в Зестафони этой тягостной проблемы. Между прочим, заметьте, что по сравнению с прошлым годом загрязнение воздуха дымом и парами уменьшилось на 40—45 процентов. Правда, несмотря на все эффективные меры, 20—30 процентов дыма все же будет попадать в атмосферу. К сожалению, избежать этого при современных технических возможностях мы не в состоянии. Вот все, что я могу рассказать вам по этому вопросу, — закончил директор. Но тут же, почувствовав некоторую незавершенность беседы, добавил: — Давайте условимся так: сегодня походите по заводу, сами поглядите, как что делается, а завтра в 8 утра пожалуйста ко мне, потолкуем обо всем поподробнее. Утром я обыкновенно бываю свободнее. Устраивает?

— Конечно! Вполне!

Вероятно, существуют заводы куда грандиознее Зестафонского ферросплавного. Не знаю, пусть это определяют специалисты. Знаю одно: меня охватили восторг и восхищение, едва я ступил на территорию завода. Трудно удивить чем-либо человека семидесятых годов двадцатого столетия, и тем не менее, наблюдая за тем, как золотистая лава расплавленного металла тяжелым потоком выливается из печи, как неудержимо и мощно сна устремляется в огромные котлы, нельзя удержаться, чтобы хоть про себя не воскликнуть с гордостью: «На что же способны человеческий разум и руки!».

Каким огромным запасом силы воли и выносливости надо обладать, чтобы целый рабочий день стоять у раскаленной печи! И так не одну неделю, не один месяц — годы! Долгие годы...

На глыбе остывшего чугуна сидел рабочий и курил — отдыхал после плавки. Я подсел к нему, заговорил. Он оказался уроженцем Квемо-Сазано.

— Вот уже тридцать лет я на заводе, — рассказывает он мягким, ласковым голосом. — Как вернулся с фронта, так и стал у печи. Тяжело, говоришь? А легко, знаешь, только кашу есть, да и кашу-то сварить надо, не с неба валится.

Начальник воздухоочистительного устройства завода Темур Гвелеснани посвятил меня в премудрости фильтрующих установок. Фильтр задерживает дым, перерабатывает его и по трубам переправляет в бункерные машины. Представьте себе, что переработанная масса дыма содержит до 60 процентов чистого марганца! А кроме того — железо и другие вещества. В каком же огромном количестве распылялись за сорок лет существования завода все эти ценные элементы в атмосфере! Двойной ущерб: потери руды и загрязнение воздуха. Может, хоть сейчас удастся избежать этого...

Я вошел в директорский кабинет ровно в восемь. Арчил Цкитишвили уже сидел за письменным столом и читал. Подняв голову и увидев меня, он приветливо улыбнулся.

— Были на заводе?

— Был, был!

— Ну и что скажете?

— Если хотите знать мое мнение, всем рабочим, которые работают непосредственно у печей, я дал бы Героев Социалистического Труда и предоставил бы им по три выходных в неделю.

— О, вы, журналисты, особый народ! Три выходных... — он опять улыбнулся и, помолчав, добавил: — Вообще-то они того заслуживают...

Уж кто-кто, а Арчил Цкитишвили знает, что значит восемь часов стоять у печи.

Окончив металлургический факультет Тбилисского политехнического института, Арчил некоторое время работал мастером мартеновского цеха на Руставском заводе. Потом он вернулся в родной Зестафони, куда его направили мастером первого цеха. Трудился он и во втором цехе — начальником смены, и в четвертом — заместителем начальника... В общей сложности девять лет глотал Арчил дым и копоть печей, и руки его за эти годы стали мозолистыми, а лицо — дубленным... Потом его перевели начальником производственного от-

дела, потом — заместителем главного инженера... А с 1973 года Арчил Дзитишвили — директор завода.

Мудрец Сулхан Саба Орбелиани учил, что человек лишь в том случае смеет до конца постичь чужую радость или чужое горе, если сам пережил это. Воистину так! Детство Арчила Дзитишвили прошло на берегах быстрой Квирилы, чьи бурные воды никогда не светлеют. Помнит Арчил, как мечтали зестрафонские ребята плавать в чистой прозрачной реке, знает он, что значит вечно задымленный небосвод над родным городом, привкус копоты у винограда и фруктов, знает и то, к каким тяжелым последствиям приводит марганокониз, и потому его категорическое заявление о том, что к концу первой половины 1977 года будут предприняты решительные меры по борьбе с загрязнением среды, звучит особенно веско и убедительно.

...В поселке Квалити строится микрорайон для пятисот рабочих семей. Уже выстроено восемь высотных жилых домов и сдан в эксплуатацию один детский сад. В текущем году вступит в строй больница-поликлиника на 100 коек, средняя школа на 1 040 учеников, централизованное котельное хозяйство и другие объекты. Однако, несмотря на широкие масштабы строительства, темпы его удручающе медленные, намеченные сроки окончания работ не выполняются.

— Например, в минувшем году строители должны были сдать нам 10 134 кв. м жилой площади, но... ни одного метра пока еще нет, — с горечью говорит Арчил.

Что ж, комментарии излишни!..

Время за беседой течет незаметно. В кабинет все чаще входят сотрудники, посетители, то и дело звонит телефон... Начинается новый день, очередной рабочий день, полный трудов и забот, волнений и радостей, и я чувствую, что мне надо поскорее уходить из этого кабинета, не обращая во зло гостеприимство его хозяина.

Нередко слышишь: «Человек ко всему привыкает, все выносит». Или еще: «Что, что? Заводской дым, газы? Ничего, не сахарные, авось не рассыплемся»... А не кроется ли за этой «философией» равнодушие к здоровью людей? Таким «философам» следует напомнить о том, что «запас генетической выносливости человеческого организма отнюдь не является неисчерпаемым, и, возможно, на сегодняшний день запас этот подходит к концу» («Литературная газета», № 4, 1973).

Адаптацию же человека к загрязнению среды следует рассматривать не только с биологической, но и с социальной точки зрения. Под воздействием химических веществ нарушаются не только физиологические функции человеческого организма, но и его психологический статус, а все это резко отрицательно влияет на его творческий потенциал и нарушает основные социальные функции. Причем существуют не только первичные, сразу же видимые результаты вредного влияния загрязнения среды, но и скрытые, проявляющиеся позднее. Поэтому так важны социально-гигиенические и санитарно-гигиенические прогнозы взаимоотношений человека и окружающей среды. Они, кроме всего, должны опережать научно-технические прогнозы, чтобы дать возможность избирать наилучшие варианты решения хозяйственных или производственных проблем. Поэтому крайне необходимо как можно более ускорить развитие той отрасли науки, которая у нас пока еще в зачатке, а именно — геоигиены.

Для спасения и сохранения природы, а значит, и человека, надо приостановить развитие цивилизации — считают некоторые зарубежные исследователи и философы. Развитие на уровне нуля, создание «неподвижного» общества спасет человечество и создаст необходимое жизненное равновесие — полагают они.

Наша точка зрения принципиально разнится от их идеала. Если те западные ученые, о которых речь, ратуют лишь за избавление человечества от вредного влияния загрязнения среды, то советские ученые ставят своей задачей создать такую экологическую среду, которая соответствовала бы своими параметрами биологическим, психическим, эстетическим и социальным запросам и нормам современного человека. Таков в общих чертах взгляд советских экологов.

...Борьба с загрязнением среды... Одна из насущнейших и сложнейших проблем всего современного мира — и небольшого городка в цветущей Западной Грузии, городка, где земля так обильна и щедра и солнце так ярко, а небо жаждет синевы...

Школа интернационального воспитания

В ПЕРВЫЕ призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был начертан в 1847 году на знамени «Союза коммунистов», которым руководили Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Этим же призывом заканчиваются и «Манифест Коммунистической партии», и «Учредительный манифест Первого Интернационала — Международного Товарищества Рабочих, — который был создан Марксом в 1864 году.

Пролетарский интернационализм был определен и теоретически обоснован Марксом и Энгельсом в ходе ожесточенной борьбы против буржуазного национализма и национального нигилизма, против космополитизма. Им же принадлежат основополагающие идеи по национально-колониальному вопросу.

Великий продолжатель дела Маркса и Энгельса, основоположник и создатель Коммунистической партии и Советского государства Владимир Ильич Ленин в своих классических трудах не только теоретически развил идеи пролетарского интернационализма, но также разработал и обосновал последовательно интернационалистическую национальную программу.

Последовательная интернационалистическая тактика Коммунистической партии, возглавляемой и руководимой В. И. Лениным, увенчалась величайшей всемирно-исторической победой — Великой Октябрьской социалистической революцией, которая сыграла огромную роль в истории всего человечества. Коммунистическая партия, ведя ожесточенную борьбу за установление и укрепление Советской власти, выполняла не только

свой национальный, патриотический, но и интернациональный долг. Величайшая победа ленинской национальной политики, которая основывается на принципах интернационализма, была достигнута в беспощадной борьбе против великорусского шовинизма и местного национализма.

Коммунистическая партия, выполняя заветы великого Ленина, разгромила оппортунистов всех мастей и, воспитав советский народ в духе интернационализма, выковала нерушимую дружбу народов СССР. Именно она является важнейшим источником непобедимости Советского государства и одной из движущих сил развития советского социалистического общества. Под мудрым руководством ленинской партии всего лишь за два десятилетия относительно мирной жизни было создано монолитное и прочное многонациональное государство — Союз Советских Социалистических Республик.

Высокий патриотизм и интернационализм советского народа с особой силой проявились в период Великой Отечественной войны, когда героические Вооруженные Силы СССР не только освободили Советскую Родину от немецко-фашистских захватчиков, но и помогли многим народам Европы сбросить ярмо гитлеровского фашизма, спасли мировую цивилизацию от коричневой чумы.

Интернациональное воспитание советских людей начинается с детства: в семье, в дошкольных детских учреждениях и, главным образом, в школе, пионерских и комсомольских организациях, а также на производстве, где подрастающему поколению последовательно привив-

вается чувство патриотизма, дружбы трудящихся всех рас и наций — одна из важнейших сторон коммунистического нравственного воспитания.

В интернациональном воспитании трудящихся Советского Союза немаловажную роль выполняют части и соединения Вооруженных Сил СССР, в рядах которых ежедневно проходят воспитание и обучение сотни тысяч молодых людей. Вооруженные Силы Советского Союза, охраняя мирный труд нашего народа, выполняя историческую роль обеспечения благоприятных условий для коммунистического строительства в нашей стране, вместе с тем выполняют важнейшую и благороднейшую воспитательную миссию, идейно формируя миллионы молодых людей, проходящих действительную военную службу. В Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXV съезду Коммунистической партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев отмечал:

«Говоря о воспитательной работе, товарищи, нельзя не остановиться на той огромной роли, которую играет в этом деле Советская Армия...

Наша армия воспитана в духе глубокой преданности социалистической Родине, идеям мира и интернационализма, идеям дружбы народов. Именно этим Советская Армия отличается от армий буржуазных. Именно за это советские люди любят свою армию, гордятся ею».

Во время службы в Вооруженных Силах СССР продолжается начатый в семье, школе, на производстве процесс коммунистического и интернационального воспитания, процесс формирования всесторонне развитой, гармонической личности. Огромную роль играет факт совместной воинской службы людей разных национальностей и народностей, сплоченных единой целью и задачей, объединенных языком великого русского народа, языком Великой Октябрьской социалистической революции.

Во время службы в Советской Армии, Военно-Морском Флоте и в Военно-Воздушных Силах у молодых людей продолжается формирование и совершенствование марксистско-ленинского мировоззрения, вырабатываются положительные черты характера.

Ленинская национальная политика Коммунистической партии успешно преодолела огромное предубеждение и недоверие одних национальностей к другим. Русский народ — первый среди равных — помог всем другим народам покончить с эксплуатацией, поднять хозяйство и культуру, взять на свои плечи главную тяжесть в социалистическом строительстве. С образованием Союза Советских Социалистических Республик помощь угнетенным в прошлом нациям и народ-

ностям со стороны более развитых районов страны, и прежде всего со стороны русского народа, его рабочего класса, приняла форму последовательного и всестороннего курса общесоюзной хозяйственной политики. Учась друг у друга, перенимая и творчески преобразуя все лучшее и ценное, народы Советского Союза изменили самих себя, свою психологию, свое мировоззрение, общими усилиями построили социалистическое общество и укрепили обороноспособность Родины.

В нашей стране созданы все необходимые условия для активного участия трудящихся всех национальностей в развитии науки, техники и культуры. Закономерными в духовной жизни стали расцвет, сближение и взаимообогащение культур социалистических наций и народностей. В советском обществе утвердилась идеология марксизма-ленинизма, социалистического интернационализма и дружбы народов, интенсивно протекают процессы обмена материальными и духовными ценностями, а также кадрами, в различных формах усиливается взаимовлияние, интернационализация всего уклада жизни наших народов.

Советский народ одновременно един и многонационален. Он един, потому что имеет под собой общую социально-экономическую, политическую и духовную основу, утвердившуюся в масштабе всей страны. Он многонационален, поскольку охватывает более ста наций и народностей нашей страны, свободно развивающихся в условиях социализма.

Социализм устраняет барьер между нациями, он дает им возможность приобщиться к мировым ценностям культуры, чему способствует бурное развитие средств международного общения. Социализм навсегда покончил с неравноправием тех или иных языков и культур.

Для советских людей дружба и братство народов — не застывшие категории, а живые развивающиеся формы самых справедливых и гуманных общественных и личных отношений между представителями различных национальностей. Непримируемость советских людей к старым нравам и традициям, мешающим нашему движению вперед, сознание своей принадлежности к единой социалистической Родине умножают силы всей нашей великой многонациональной семьи.

«Наша партия, — говорил в Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXV съезду партии Генеральный секретарь ЦК товарищ Л. И. Брежнев, — высоко несет революционное знамя марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, с честью осуществляет свою историческую миссию, неустанно борется за торжество коммунистических идеалов».

В постановлении Центрального Комитета КПСС о подготовке к 50-летию образования СССР говорится: «...Всемирная история еще никогда не видела во взаимоотношениях десятков наций и народностей столь нерушимого единства интересов и целей, воли и действий, такого духовного родства, доверия и взаимной заботы, какие постоянно проявляются в нашем братском союзе». И действительно, правильность этого вывода убедительно подтверждается каждым днем жизни нашей Родины, каждым ее шагом по пути к коммунизму. Ныне все нации и народности Советского Союза плечом к плечу приступили к воплощению в жизнь грандиозных предначертаний XXV съезда КПСС, к выполнению задач десятой пятилетки.

Наши Вооруженные Силы — часть советского народа, часть той новой исторической общности людей, которая сложилась в годы строительства социализма и коммунизма. Естественно, что они, эти Вооруженные Силы, воплощают в себе, во всем своем облике и строе те черты, характерные особенности, качества, которые присущи нашему многонациональному народу. Всемирная история также никогда не видела, чтобы многонациональная армия обладала таким единством интересов и целей, воли и действий, таким духовным родством, сплоченностью своих рядов, какими обладают многонациональные Советские Вооруженные Силы.

В годы гражданской войны в одной из своих речей В. И. Ленин, обращаясь к отправлявшимся на фронт красноармейцам, к рабочим и крестьянам, поднявшимся во главе с большевистской партией на защиту завоеваний Великого Октября, произнес знаменитые слова: «Вам выпала великая честь с оружием в руках защищать святые идеи... на деле осуществлять интернациональное братство народов... Если вы сплотите все военные силы в могучую интернациональную Красную Армию, то против нас не устоит никакая сила империалистов!».

И действительно, в ожесточенных и кровопролитных сражениях гражданской войны принимали участие все народы нашей страны, в их числе и многие представители народов Закавказья. Вот лишь некоторые особо выдающиеся личности, которые занимали высокие командные и политические должности в рядах Красной Армии: Г. Атарбекян, И. Брегадзе, А. Гегечкори, Л. Гогоберидзе, Г. Джабиев, Ш. Джапаридзе, Ч. Ильдрым, Г. Канделаки, Али Гайдар Караев, В. Квирквелия, В. Киквидзе, А. Микоян, Г. Мравян, Г. Мусабеков, Л. Мхчян, А. Мясникян, Г. Орджоникидзе, И. Сталин, С. Хмаладзе, А. Элбакидзе, Ш. Элиава и многие другие.

Войсками Кавказского фронта командовал М. Тухачевский, а членом Военного совета фронта был Г. Орджоникидзе, командующим XI Армией, которая оказала неоценимую помощь народам Закавказья в установлении Советской власти, был уроженец Тбилиси А. Геккер, а членами Военного совета армии были Я. Весник, Ш. Элиава, А. Мясникян, В. Квирквелия, А. Караев. В составе XI Армии успешно сражались и национальные воинские формирования, из которых особо отличились: 290-й азербайджанский мусульманский стрелковый полк, который формировался в Астрахани, и в его рядах сражались закаленные революционеры: В. Агазаде, М. Агаев, Д. Буннатзаде, Д. Гусейнзаде, М. Исрафибков, В. Тагизаде, С. Эфендиев и другие; Казах-Шамшадинский армянский полк под командованием А. Багдасаряна, Грузинский стрелковый полк во главе с Иосифом Брегадзе, который был сформирован по инициативе Серго Орджоникидзе в Баку, и бронепоезд № 7 имени А. Джапаридзе и С. Шаумяна, которым командовал член большевистской партии с 1912 года трижды орденносец Семен Хмаладзе¹.

Воплощая в жизнь великие заветы Владимира Ильича, Коммунистическая партия создала теснейший боевой союз советских братских республик, создала Вооруженные Силы интернационального братства и дружбы народов, многонациональную военную организацию нового социалистического типа. Не раз нашим Вооруженным Силам приходилось вступать в ожесточенные битвы с империалистическими агрессорами. И каждый раз они выходили из этих кровопролитных сражений победителями. Так было в гражданской войне. Так было и в Великой Отечественной войне. Вооруженные Силы СССР достойно выполнили свою патриотическую и интернациональную миссию.

В Великой Отечественной войне выдержало суровое испытание и еще больше закалилось несокрушимое единство наших Вооруженных Сил и народа, во всем величии и многообразии проявились безраздельная поддержка, забота, внимание и любовь трудящихся к своим защитникам.

Вооруженные Силы социалистического государства сильны внутренним единством своих рядов, основанным на общности задач, интересов и идеалов рядового и командно-политического состава, на их высокой политической сознательности, коммунистической убежденности, беспредельной преданности наро-

¹ Краснознаменный Закавказский. Очерки истории Краснознаменного Закавказского военного округа, Воениздат, М., 1969, с. 22—81.

ду, делу Коммунистической партии, верности патриотическому и интернациональному долгу. Каждый советский воин, к какой бы национальности он ни принадлежал, является гражданином и защитником великого Союза Советских Социалистических Республик. Он законно гордится тем, что служит Советскому Союзу — своей единой для всех, горячо любимой всеми социалистической Родине.

Единство и интернациональное братство, дружба и взаимопомощь воинов многонациональных Вооруженных Сил СССР находят яркое проявление во всей их жизни, учебе, службе и особенно в бою. Когда над Советской державой нависла смертельная опасность, когда гитлеровцы начали разрушать и уничтожать все, что было добыто потом и кровью трудящихся всех национальностей нашей страны, пытались унижить, опозорить, растоптать достоинство советского человека, тогда взлелеянная за годы Советской власти дружба наших народов вспыхнула особенно ярко. «Мы видим, — говорил М. И. Калинин, — как все национальности, соревнуясь в героизме, упорно и жестоко борются с врагом». Да, именно так — упорно и ожесточенно! Плечом к плечу со своим старшим братом — великим русским народом. С первого и до последнего дня войны. От обороны Брестской крепости, которую защищали воины свыше тридцати национальностей, до исторического Берлинского сражения, в котором участвовали сыновья и дочери практически всех народов и народностей Советского Союза.

В ожесточенных боях за честь, свободу и независимость Родины дружба наших народов крепла и закалялась. Страна была единым боевым лагерем, фронт и тыл — одной семьей. Все народы нашей страны внесли достойный вклад в разгром гитлеровской Германии и империалистической Японии. Вот лишь некоторые отдельные факты и цифры.

Выписка из письма узбекского народа бойцам-фронтовикам: «Вольный сын и свободная дочь узбекского народа! Твой народ является детищем Советского Союза. Русский, украинец, белорус, азербайджанец, грузин, армянин, таджик, туркмен, казах и киргиз совместно с тобою в течение двадцати пяти лет днем и ночью строили наш большой дом, нашу страну, нашу культуру. Вы были вместе с ними в борьбе и труде, на празднествах и пирах!

Теперь же в дом твоего старшего брата — русского, в дом твоих братьев — белорусов и украинцев — ворвался фашистский басмач. Он несет коричневую чуму, виселицу и кнут, голод и смерть. Но дом русского — также и твой дом, дом украинца и белоруса — также и твой дом! Ибо Советский Союз — дружная семья, где каждый живет хотя и в

своем доме, но двор и хозяйство едины и неделимы. Твоя улица начинается в Белоруссии, а дом украинца — во всем махале. Союз Советских Республик — это крепость с одними воротами, и разбойник, влезший в эти ворота, покушается на твою жизнь! Единство народов дало нам победу в прошлом, единство народов является опорой нашей сегодняшней мощи, единство народов — великий ключ к завтрашней победе»¹.

На 20 марта 1942 года численный состав боевых частей Отдельной Приморской армии, оборонявшей Севастополь, включал 64 971 воина. Из них русских было 28 134, украинцев — 15 893, грузин — 5 234, азербайджанцев — 4 278, армян — 3 639 и других национальностей — 7 793 человека².

Из воспоминаний Героя Советского Союза Якова Павлова: «...Дружно загораживали наши автоматы. Как всегда собрано действует украинец Василий Глущенко. Метко строчит «максим» Ильи Воронова. Ведут прицельный огонь из противотанковых ружей грузин Н. Мосиашвили, узбек К. Тургунов, казах Т. Мурзаев... Я помню, как со стороны дома напротив, где засели фашисты, неслись отчаянные возгласы, усиленные репродуктором: «Украинец, бей рус! Грузин, бей рус!». Гитлеровцы, видимо, знали, что почти половина состава нашей гвардейской дивизии была укомплектована воинами нерусской национальности. Но они не понимали, что у нас, защитников Сталинграда, как и у всех воинов нашей армии, одна Родина — великий и нерушимый Советский Союз, что все мы — советские люди. Здесь, у стен Сталинграда, каждый из нас дрался за себя и за Родину. За свою семью и за Родину. За свою республику и за Родину. Ничто не могло нас оторвать от Родины: кровью, сердцем приросли мы к ней. Ее судьба была нашей судьбой. Ее победа — наша победа...»³.

На основе специальных решений Центрального Комитета ВКП(б), Государственного комитета обороны и Совета Народных Комиссаров СССР в течение 1941—1945 годов было сформировано более 80 национальных дивизий и многонациональных бригад в основном за счет людских и материальных ресурсов РСФСР, Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана, Латвии, Литвы и Эстонии. В битве за Кавказ бок о бок с другими соединениями Закавказского фронта успешно действовали, от-

¹ Письмо было подписано 2 412 000 трудящихся Узбекской ССР и опубликовано в газете «Правда» от 31 октября 1942 года.

² Архив Министерства обороны СССР, ф. 288, оп. 9912, д. 9, л. 222.

³ Газета «Красная Звезда» от 12 марта 1975 года.

личились и были удостоены правительственных наград и почетных наименований 223-я, 402-я и 416-я азербайджанские, 89-я, 408-я и 409-я армянские, 242-я, 276-я, 392-я и 414-я грузинские стрелковые дивизии. Всего же в составе войск Закавказского фронта сражались более 500 тысяч воинов-закавказцев. Уже на первом этапе оборонительного сражения за Кавказ тысячи воинов отличились и были награждены орденами и медалями Советского Союза, среди них 212 азербайджанцев, 517 армян, 895 грузин¹.

Среди командиров, подготовленных в годы войны Военной академией имени М. В. Фрунзе, были представители 42 национальностей СССР. На фронтах Великой Отечественной войны сражались сотни авиаэскадрилий, танковых подразделений и боевых кораблей, построенных на средства трудящихся союзных и автономных республик, краев и областей. Только на строительство танковых колонн от населения страны поступило 5 873 143 тысячи рублей, это позволило дополнительно выпустить 30 522 танка и самоходно-артиллерийских установки².

Звание Героя Советского Союза за годы Великой Отечественной войны заслужили 8 160 русских, 2 069 украинцев, 309 белорусов, 161 татарин, 108 евреев, 96 казахов, 91 грузин, 90 армян, 69 узбеков, 61 мордвин, 44 чуваша, 43 азербайджанца, 39 башкир, 32 осетина, 18 марийцев, 18 туркмен, 15 литовцев, 14 таджиков, 13 латышей, 12 киргизов, 10 коми, 10 удмуртов, 9 эстонцев, 9 карелов, 8 калмыков, 7 кабардинцев, 6 адыгейцев, 5 абхазцев, 3 якута и представители многих других национальностей³.

Красноармеец Наумов, по национальности русский, спас жизнь тяжело раненому товарищу — армянину Киносяну:

¹ Краснознаменный Закавказский, Воениздат, М., 1969, с. 85—86.

² Газета «Красная Звезда» от 12 марта 1975 года.

³ Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история, изд. второе, Воениздат, М., 1970, с. 581.

вынес его через линию фронта к своим. Боец морской пехоты азербайджанец Мамедов, заметив в пылу рукопашной схватки, как вражеский автоматчик целится в лейтенанта Синецкого, закрыл его собственной грудью... Сколько таких волнующих эпизодов истинно братской дружбы и взаимопомощи советских воинов разных национальностей хранит летопись Великой Отечественной войны! Даже наши друзья за рубежом были изумлены крепостью этой дружбы. А враги очень скоро убедились, что в своих надеждах на возрождение национальных междоусобиц, на вражду между народами Советского Союза жестоко просчитались⁴.

Таким образом, Советские Вооруженные Силы, помимо образцового выполнения задач по своему главному предназначению — быть надежным стражем завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции и интересов нашей Советской Родины, успешно выполняют исключительно важную миссию в общественной жизни страны в плане коммунистического и интернационального воспитания трудящихся.

Защита социализма в современных условиях приняла ярко выраженный интернациональный характер. Ныне империализму противостоит могучая социалистическая система, обладающая неисчерпаемыми материальными ресурсами и огромной идейной мощью. Единые цели, общая идеология, интернациональный характер отношений между социалистическими странами позволяют им успешно проводить согласованную внешнюю политику, укреплять свою дружбу и братство, давать решительный отпор агрессивным вылазкам империализма.

— И сегодня наши Вооруженные Силы, — говорит Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС Л. И. Брежнев, — надежный щит социалистической Родины, гарантия мирного труда народа, строящего коммунизм. Советский народ высоко ценит и любит свою армию, понимая, что, пока существуют на земле силы агрессии, без хорошо оснащенной армии не обойтись.

⁴ Газета «Красная Звезда» от 12 марта 1975 года.

Рабочему классу — внимание писателей

XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза уделил большое внимание вопросам развития многонациональной советской литературы, в частности ее тематике, признав одной из главных задач наших писателей художественное отображение жизни рабочего класса.

К сожалению, грузинская литература не имеет в этом отношении столь же богатых традиций, как в показе крестьянской жизни. Одно-единственное прозаическое произведение, автор которого в конце прошлого века взялся за реализацию темы рабочего класса, так и осталось незавершенным. Этот литературный опыт назывался «Рабочий приют», а его автором был известный грузинский писатель Эгнате Ниношвили. Но, несмотря на не вполне успешное начинание в развитии этой темы, грузинская проза периодически продолжала к ней возвращаться. Так, на исходе 20-х годов свет увидели следующие произведения: «С тропинок на рельсы» Нико Лордкипанидзе, «Этажи» Пантелеймона Чхиквадзе и «Ферро» Бориса Чхеидзе, в которых предпринималась попытка создания типичного образа рабочего. В начале же 50-х годов наши писатели вновь, и на этот раз более серьезно, взялись за эту тематику, освоение которой должно было открыть новые горизонты грузинской литературе. Одним из первых произведений этого направления явился роман Ладо Авалиани «Новый горизонт» (первые книги), за которыми последовали роман Акакия Белиашвили «Вепхиа Халибаури» (в русском переводе «Рустави») и его же повесть «Швидкаца», а также ряд работ других авторов, и наконец, снова «Новый горизонт» — последние книги.

В этом многоплановом полотне отображены типичные рабочие характеры. Среди них следует выделить Тамарелу и Нико Арабидзе. Интересно был задуман также и образ Шатбиа Арабидзе.

В романе же Акакия Белиашвили изображены картины профессионального становления, учебы и воспитания надежной смены рабочего класса. Главные герои здесь молодые люди — Вепхиа Халибаури и его товарищи, жизнь которых, как и в «Новом горизонте», показывается на фоне явлений большого общественного значения, отчего эти персонажи обретают весомость и жизненность.

И тем не менее, даже при наличии названных произведений, мы вынуждены признать, что рабочая тематика все еще недостаточно освоена нашей литературой. Курс, взятый в начале 50-х годов, не получил своего дальнейшего развития. В результате в сегодняшней грузинской литературе так и нет полноценного образа представителя современного рабочего класса, и он по сей день поразительно мало занимает внимание наших писателей.

А между тем дело это настолько важное, продиктованное насущными потребностями времени, что отмахнуться от него, пустить его на самотек просто невозможно. И соответствующие организации, в первую очередь Союз писателей Грузии, надо полагать, займется им вплотную, чтобы с помощью различных форм творческого поощрения направить работу наших писателей в определенное русло и добиться такого положения, когда тема рабочего класса сможет, наконец, занять в нашей литературе подобающее ей место. В ряду

мероприятий, способствующих этому, можно назвать недавний пленум Союза писателей Грузии, посвященный именно этой проблеме.

Ленинские принципы партийного руководства литературой и искусством не допускают нивелирования литературного, художественного дела, исключают диктат и грубое вмешательство в него, но они признают личную инициативу писателя, развитие его художественной индивидуальности и своеобразия. Это не означает, однако, что процесс литературного развития надо пустить на самотек. Чтобы не получилось хаоса, им следует руководить, но со знанием дела, умно, тонко и тактично. И это также вытекает из ленинских принципов партийного руководства литературой и искусством. Союз писателей Грузии, наряду с другими организациями республики, располагает самыми разнообразными возможностями, используя которые он сможет способствовать освоению тематики, связанной с жизнью рабочего класса, нашей литературой. Действенными средствами в осуществлении этой задачи могут стать соответствующие конкурсы, творческие командировки, публичные разборы произведений о рабочем классе и дискуссии о них, поощрение писателей, работающих над этой ответственной и почетной темой.

Очень большое значение имеет также, как относится к этой тематике литературная критика, роль которой определяется не только призывом к отображению жизни рабочего класса, к выражению типичных образов его представителей, характерных черт социалистического общества. Главное — объективная оценка художественных произведений, отображающих жизнь авангардного класса нашего общества, умение воздать писателю по заслугам, что, я уверен, поощрит автора в его серьезной работе.

Конечно, поощрение писателя, развивающего в своих произведениях тему рабочего класса, вовсе не означает какого бы то ни было снижения требовательности и высоких художественных критериев. Ведь чем почетнее и ответственнее тематика, тем выше требования к художественному воплощению образов. Но глубоко и всесторонне рассматривая художественное произведение, критика, учитывая трудности, стоящие на этом пути перед писателем, обязана сказать ему свое правдивое слово, отметить как достоинства, так и недостатки его романа или рассказа.

Здесь мы назвали некоторые произведения о рабочем классе, в том числе «Вепхиа Халибаури» Акакия Белиашвили и «Новый горизонт» Ладо Авалиани. Ни одно из них не получило должной оценки в нашей литературной прессе. По поводу первого она ограничилась одной или двумя статьями. Что касается второго романа, создававшегося на протяжении десятков лет, то на него было много откликов. Обсуждался он и в секции прозы Союза писателей Грузии.

Именно на этом обсуждении Акакий Бакрадзе (см. газету «Литературиლი Сакартвело» за 10 декабря 1971 года) посвятил все свое выступление раскрытию символики и аллегории «Нового горизонта», что, кстати говоря, не является сильной стороной романа, представляющей существенной для постижения его идейно-художественной сути. Критик ничего не сказал о Тамареле и Нико Арабидзе, как о типичных, реалистических образах рабочих. Он перенес акцент на то, что «аллегоричен и образ главного персонажа романа Тамарелы...». «В образе этой женщины заявлено моральное кредо автора. Поэтому автор освобождает ее от конкретности и ведет к общему».

Вряд ли в таком реалистическом романе, как «Новый горизонт», образ Тамарелы свободен от требований конкретной исторической действительности. Насколько это соответствует истинному положению дел? Конечно, художественный образ никогда не является зеркальным отражением той или иной действительности. В нем всегда ощущается и субъект, в данном случае писатель, который вкладывает в него свое отношение к изображаемому, свою позицию. Вместе с тем в реалистическом искусстве невозможен художественный образ, лишенный примет исторической конкретности. И Тамарела тоже действует в конкретно-исторических условиях, ее жизненный путь обусловлен суровыми буднями Великой Отечественной войны, в силу чего и жизнь героини романа воплощает типичный характер в типичных обстоятельствах. Так же как и Тамарела, множество советских женщин заменили в военные годы своих отцов, братьев, мужей и сыновей в цехах у станка, на поле или в шахте. По мнению же Акакия Бакрадзе, сам факт спуска Тамарелы в шахту тоже символичен.

Но разве то обстоятельство, что писатель сумел вложить в главы, где показано, как Тамарела спустилась в шахту, намного больше, чем в эмпирическое описание факта, дает основание для поисков в этих эпизодах аллегории или символа? Мне думается, что спуск героини «Нового горизонта» в шахту не «символ прохождения жизненного пути» ее, как полагает критик, а напротив — наиболее конденсированная часть его.

Я никак не противник аллегории и символики, но как раз в «Новом горизонте» они не представляют, на мой взгляд, особой художественной ценности. Пожалуй, единственная достойная аллегория в нем — это «Эпизоды старика», а Сулико перевозит ее на машине. Поэтому вряд ли стоило, раскрывая идейно-художественное содержание этого произведения, исходной точкой его делать символику и аллгорию, не заостря внимания на типическом отображении характеров рабочих — Тамарелы и Нико Арабидзе, а также Шатбия, как раз содержащих реалистический аспект конкретной историчности.

Вслед за Акакием Бакарадзе с пространной статьей о «Новом горизонте», опубликованной в журнале «Цискари», выступил критик Гурам Гвердцители. Признанный нами принцип о необходимости доброжелательного, объективного отношения к любому автору остается в силе и применительно к критикам, ибо критика — одна из сфер литературы. Поэтому и в отношении статьи Гурама Гвердцители тоже в первую очередь надо сказать, что он сделал много точных и верных замечаний относительно художественной ткани романа Ладо Авалиани, и в этом отношении работа критика, несомненно, достойна одобрения. Такой строгий подход к анализируемому произведению, думаю, способен принести больше пользы, чем необоснованная похвала. И все же и на этот раз критик не нашел в своей достаточно объемистой статье места для оценки типических образов рабочих в романе. У меня тоже много возражений автору «Нового горизонта». Но кажется бесспорным, что Ладо Авалиани создал в нем значительные художественные образы Тамарелы и Нико Арабидзе. Вопрос о художественной ткани романа, безусловно, интересен. Но каким путем созданы эти образы? Если в романе имеются художественные просчеты, не являются ли эти точно указанные недостатки сгруппированными в обход художественно-сильных сторон его? Над этим следовало подумать критику, выявляя и сильные стороны произведения. Это придало бы его статье больше убедительности и благожелательности.

Я обратился к этим событиям прошлых лет потому, что критика, как это ни отрицали писатели, является ориентиром литературы. Правильная, справедливая оценка произведения всегда благотворно влияет на дальнейшее развитие литературного процесса, на обогащение тематики. И надо прямо, без всяких обиняков сказать, что сейчас у нас, в нашей сегодняшней так называемой «новой прозе» нет образа современного рабочего. Наша литература не должна ограничиваться обособленными задачами, замыкаясь в кругу интеллигенции, довольствоваться передачей собственных мыслей о внешнем мире. Необходимо художественно отображать жизнь нашего общества всесторонне и в особенности его трудящихся классов, рабочего класса и колхозного крестьянства со всеми их проблемами, устремлениями и мечтами. Представители же нашей «новой прозы» в своем подавляющем большинстве опираются на факты собственной биографии и недостаточно стремятся проникнуть во все сферы жизнедеятельности нашего общества. В том, что иные писатели делают собственную биографию базой литературы, конечно, нет ничего предосудительного. Но ведь это явно сужает поле их деятельности, особенно когда опыт жизни ограничивается университетом или Союзом писателей. Плохо, что и в критике такое положение находит подчас свое теоретическое «обоснование».

«Лиризм никогда не был чужд грузинской прозе, но в 60-е годы он наполнил весьма примечательную для того времени миссию. Он уничтожил тот своеобразный барьер, который прежде часто был замечен между писателем и материалом, — когда писатель «обрабатывал» ту или иную тему (подобно тому, как, скажем, некий гражданин обрабатывает выделенный для него за городом участок земли или студент обрабатывает данные для реферата), когда избранная писателем «тематика» не была в то же время основным итогом его жизни, его духовного опыта, когда его отношение к материалу с определенной точки зрения опиралось на принцип *a priori*.

Такому подходу (который и раньше отмечался, только в виде тенденции) в 60-е годы гораздо более решительно и резко, чем когда-либо, противопоставился принцип *a posteriori*.

Личный, непосредственный опыт — только то, что ты сам знаешь, то, что ты знаешь лучше кого бы то ни было, то, чем в конечном счете являешься ты сам, — вот одна из главных заповедей этой литературы, ее ведущее направление.

Многие почувствовали: время не существует само по себе — оно в нас. Поэтому желание следовать времени не осуществимо путем простого «отклика» на достопримечательные явления истории. «Пulsь эпохи» — только фикция, только плоское слово, если оно не отражает биения сердца живых людей».

Тематика, естественно, должна быть не априорным заданием, а результатом духовного опыта писателя. Это бесспорная истина. Барьер между писателем и материалом исключает наличие художественной литературы. Писатель не должен «разрабатывать» тему, как земельный участок или как материал для реферата. Именно здесь — узел проблемы. Тематика должна стать частью его души, его существования. На достопримечательные события истории он должен не «откликаться», а быть в их гуще. Общественная жизнь должна быть органической частью его внутреннего мира, иначе он не только как писатель, но и как гражданин может остаться в стороне от жизни со своими мыслями и болями. Если «отклик» на требования времени не станет его внутренней потребностью, если в этом соотношении что-либо нарушено, именно критика призвана бороться за восстановление утраченных контактов. Поэтому нельзя признать верным призыв к писателю выразить то, «чем в конечном счете являешься ты сам». Достаточно ли для реалистической литературы только самовыражение автора, его опыта, его собственного «я»?

Как считает критик, лирическая проза уничтожила барьер между писателем и материалом, который до сих пор нередко имелся. Интересно продолжит анализ этого явления, разработать детально в том, каким образом был снят этот барьер, в результате чего материал стал органичным для писателя, превратился в частицу его души. Если последовать за логикой мысли критика, окажется, что писатель, отказавшись от всего неувоенного его субъектом, направил свой взор внутрь себя. Если это хоть в какой-то степени верно, вряд ли это можно признать единственно возможным путем в литературе.

Современная или, как принято говорить, «новая проза», естественно, имеет известные достижения, которые нуждаются в серьезном и подробном исследовании. Ее теневые стороны следует не возводить в принцип, а преодолевать. И не случайно Гурам Асатиани признает, имея в виду камерность, узость горизонта, мелкотемье, опасность формализма нашей сегодняшней прозы: «Нельзя сказать, что все эти определения были израсходованы зря». Все это очень серьезно. В литературе нельзя довольствоваться ограниченным собственными проблемами, постоянным стремлением к самовыражению. Поэтому и нет у нас в последнее время романа о жизни рабочих. Не лучше обстоит дело и с отображением жизни колхозного села. Из произведений последних лет можно назвать только «Кабахи» Ладо Мрелашвили, который, как известно, не разделяет принципов так называемой «новой прозы» и не может быть причислен к этому направлению нашей литературы. Возможно, именно в силу этого так трудно и с таким опозданием пришло к нему признание.

Первая статья, посвященная первой книге этого романа, была написана Акакием Баградзе и называлась «Несколько слов по поводу «Кабахи» (журнал «Цискари», № 9, 1964). Критик писал: «Первая часть... — уже оформившееся произведение, позволяющее выработать определенное мнение о нем и полемизировать с его автором». Эти «несколько слов» в итоге вылились в объем одной печатной формы, где, помимо полемики с автором, не сказано ни одного теплого слова в поддержку писателя, взявшегося за отображение сложной жизни своих героев, сложных общественных проблем.

Успех «Кабахи» наряду с талантом писателя обусловил его глубокий интерес к проблемам сельской жизни. Одно только раскрытие своего «я» не может быть объектом реалистической прозы; «ты» и «он», существующие без меня и независимо от меня, обязательный компонент прозы, в частности романа; поэтому надо призвать грузинскую литературу к расширению своего горизонта, к введению в рассказы и романы наряду с интеллигенцией всех классов и слоев нашего общества.

Критика должна поощрять различные формы контакта писателя с действительностью. На наших глазах такой непосредственный контакт уже дал положительные результаты. Вспомним, что появление повести Нодара Думбадзе «Не бойся, мама» в значительной степени обусловили дни и месяцы, прожитые писателем на пограничной заставе. Назовем также роман Гурама Панджикидзе «Седьмое небо», где налицо глубокое знание производства, с которым автор знакомился не со стороны.

Когда мы говорим о рабочей тематике в литературе, встает вопрос — кто должен отразить в ней жизнь рабочих? В Западной Германии, например, существует дортмундская «Группа-61», которая объединяет писателей-рабочих. Может, мы тоже попробуем возложить эту задачу на самих рабочих, поскольку их духовный опыт ближе к теме? А с писателями будем говорить о барьерах? Эти барьеры, если они существуют, должны быть преодолены путем духовных контактов, которые помогут им осуществить непосредственное глубокое проник-

новение в существо рабочих дел и проблем. В этом отношении нашей литературе предстоит очень много сделать.

Научно-технический прогресс, осуществление которого было намерено стать одной из боевых задач, вместе с техническими проблемами ставит перед всем советским народом духовные задачи огромных масштабов. Если в условиях XIX века техника и наука служили владельцам предприятий и небольшой группе инженеров, то сейчас, во-первых, эти группы превратились в многочисленную трудовую прослойку, во-вторых, и это главное, наукой овладевает многомиллионная армия рабочих.

Интеллектуализация современного производства протекает в двух направлениях. В материальной сфере — новые станки, приборы, технология, организация производства.

В области духовной — развитие интеллекта человека и его творческой активности.

Чем выше уровень современной техники, чем всесторонне она развита, тем выше должны быть квалификация и знания трудящихся, поскольку в противном случае техника создаст непреодолимые препятствия в процессе ее потребления.

Стоимостная ориентация естествознания проявляется и в другом аспекте. Наука и техника, их достижения сами имеют не только узкопроизводственное значение, но также социальное, этическое и эстетическое.

Они все сильнее воздействуют на все сферы человеческой деятельности. Это воздействие может быть и положительным, и отрицательным. Здесь широкая арена как для научных, так и для художественных поисков, как в этическом, так и в эстетическом аспектах. Постольку задача научно-технического прогресса и задача гуманитарной науки, а также литературы, искусства тесно связаны друг с другом.

Литература не только описание того, что уже дано в субъекте-писателе, но и непрерывный поиск новых типов, новых художественных образов. Эти образы, эти типы только тогда могут быть истинно высокохудожественными, когда писатель сделает их частью своей души, своего опыта. Момент поиска — один из главных вопросов в развитии реалистической литературы.

Образование новых типов вместе с новыми общественными проблемами, перенесение исторически достопримечательных событий, народных чаяний и интересов в центр художественного произведения — это и есть подлинная народность, подлинная партийность литературы. У нашей интеллигенции, у советской литературы нет других, отдельных, своих, обособленных задач. В рабоче-крестьянском государстве рабочий класс имеет полное право предъявить такие требования литературе.

Тематика никогда не определяет ни художественного, ни идейного уровня произведения. Но она всегда указывает на сферу интересов литературы, на ее направление, сущность. И этого никогда нельзя забывать.

Кайрат ЖУМАГАЛИЕВ
(Казахстан)

Счастливая страна

Александр Гомиашвили

«Мы свято чтим завет:
без дружбы счастья нет,
поэтому у нас
один из двух — поэт.
Светла о дружбе песнь,
быть другу другом — честь,
и больше, чем в любой
стране, поэтов здесь..»

Так друг сказал. А я,
волнение тая,
завидовал таким
щедротам бытия.
Грузинская весна
поэзии полна.
О друг, страна твоя —
счастливая страна.

Перевод Анатолия ПРЕЛОВСКОГО

МОГУЧЕЕ ДЫХАНИЕ ЖИЗНИ

ЧИТАЯ БАЛЛАДЫ ОТАРА ЧЕЛИДЗЕ

ПЕРВАЯ книга стихов Отара Челидзе вышла в послевоенные годы. Уже в ней был виден поэт с острым поэтическим взглядом и живыми интонациями, глубоко воспринимающий могучее дыхание и волнующий пафос жизни, оптимистический дух современности. Даже в первых его лирических произведениях чувствовалось явное тяготение к сюжетному стихотворению. Повествовательные элементы, сопутствующие с самого начала лирике О. Челидзе, являлись надежной основой для его дальнейшей плодотворной работы в эпическом жанре. В последующие годы поэт опубликовал несколько интересных поэм и серию баллад, в дни Декады грузинской литературы и искусства в Москве получивших высокую оценку. Выдающийся мастер русской поэзии Павел Антокольский охарактеризовал баллады О. Челидзе как поэтические произведения, полные неукротимой взволнованности и жизни. Особо выделил он «Балладу о Бештау».

Произведения О. Челидзе привлекают глубоким идейным содержанием, тематическим многообразием, живыми и интересными сюжетами, переданными в гармоничном, музыкальном звучании. Главная тема поэта — наша современность. Свообразными приемами и мастерским подбором сюжета он рисует яркие и живые портреты, заставляющие нас остро переживать радость и пафос строителей новой жизни.

Образ солдата — участника Великой Отечественной войны Кахаберидзе (баллада «Инженер Кахаберидзе») запоминается потому, что автор передает его безграничную верность Родине в непосредственном действии, рисуя живой портрет человека, преисполненного героизма и темперамента и в битве с вра-

гом, и в труде. С этим мужественным человеком поэт встретился на Закавказском фронте, где им и его солдатами-саперами было совершенно чудо — «ночью мост невиданный воздвигнут». Мост, имевший большое военное значение.

После окончания войны поэт вновь встречается со своим героем, который руководит теперь прокладкой дорог и сооружением новых мостов:

Твои, строитель Кахаберидзе,
Мосты, дороги — слава края,
Тобою Грузия гордится,
По ним в грядущее шагая.

Поэтическое вдохновение О. Челидзе всегда бывает отдано простым людям, их радостям и горестям. Кроме приведенной выше баллады, этой теме посвящены «Повелительница полей», «Несчастный случай», «Каменотес» и другие. Один из персонажей этой последней баллады — подмастерье каменотеса, деревенский паренек, которого мастер приучил, работая, сочинять стихи. Спустя много лет, став поэтом, бывший подмастерье приезжает в деревню, где происходит взволнованная встреча потерявшего зрение старого учителя со своим учеником. Старик просит поэта рассказать народу в стихах правду о своей полной трудностей и творческой радости жизни.

Его слова раскрыли перед поэтом совершенно новый мир. Это мир песни о народе и для народа, проникнутый гражданским пафосом волнующей поэзии. Поэт должен так же кропотливо отделять каждое слово, как старый мастер отделявал камни на протяжении всей своей жизни.

В балладе «Несчастный случай» рассказывается о происшествии, которое случилось на глазах поэта. Попавшего под машину незнакомца увозят в больницу. Но поэт не может забыть его взгляда, выразившего безмолвную мольбу о помощи. Спустя какое-то время

автор случайно встречает этого человека здоровым и невредимым:

А он прошел вперед путем своим,
Смерть победивший, снова полный сил.
Казалось мне, воскресли вместе с ним
Все те, кого я в жизни схоронил.

Кто он такой, свой отстоявший век?
Куда он шел в вечерней тишине,
Безмерно мной любимый человек,
Не знавший, как он мил и дорог мне?!

(Перевод И. Снеговой)

Отару Челидзе свойственно умение через конкретные, казалось бы, неприметные детали показать то большое и прекрасное, что характеризует нашу эпоху — эпоху братства и дружбы. И здесь хочется сказать, что грузинская советская поэзия, ее мастера с честью продолжают традиции своих великих предшественников, претворяя в жизнь бессмертный завет Шота Руставели: «Надо друга чтить безмерно».

Баллада О. Челидзе «Зеленые ели в Абастумани» — радостный, оптимистический гимн торжеству жизни. Поэт посвятил это произведение русскому другу, прошедшему сквозь горнило Великой Отечественной войны, человеку, победившему смерть. Но не пощадила она кузнеца (баллада «Смерть кузнеца»), который много лет трудился на благо народа. Служение ему — великое и благородное дело, и мы вечно остаемся в долгу перед теми, кто изо всех сил, изо дня в день трудится для блага народа, будь это простой человек или большой общественный деятель. Такова концепция этого произведения.

В балладе «Тайна Хвамли» весьма оригинально решена тема патриотизма. Построена баллада на легенде о кладе, который сторожат старик со своим внуком. Однажды ночью старик обнаруживает, что внук исчез. Оказывается, забрав часть народного добра, он ушел к девушке, в которую влюблен, а вернувшись, пал перед дедом с поникшей головой. Его откровенное признание не смягчает старика:

— Бесстыдный, ты любовь
Купить за злато хочешь? —
От гнева побледнел
Богатств суровый страж.
— Ты совесть потерял,
Ты весь наш род порочишь,
Ты родину, гляди,
За женский взгляд продашь?
Не стать тебе, глупец,
Во веки человеком,
Так прочь же с глаз моих —
Один тебе ответ...

(Перевод Е. Николаевский и
И. Снеговой)

Ответ этот — решительный и бескомпромиссный. Безвольный внук гибнет от руки деда. Можно допустить, что любовь, как основа жизни, преобладает над рассудком, но любовь, если она не зиждится на рассудке, — не приносит человеку счастья. Только взаимное чувство, бескорыстная любовь обуславливают счастье, к которому все стремятся. Но долг перед Родиной — превыше всего! Эта тема решена в балладе убедительно и художественно.

Отар Челидзе расширил рамки грузинской современной поэзии, обогатив ее драматическими элементами и философскими мотивами. Об этом свидетельствуют также и такие его произведения, как «Двое из Марабды», «Баллада о Бештау», «Бесконечность», «Голос», «Мятежное сердце», «Монолог», «Игра не на жизнь, а на смерть», «Непобедимая вершина», «Старинная реликвия» и другие.

В первой из этих баллад рассказывается, как известный поэт XIX века Николоз Бараташвили встречается на дороге с разбойником Арсеном Оздзелашвили. Оба — и поэт, и разбойник — с презрением относятся к миру, где царят произвол и рабство. Отстаивая права простого народа, Арсен действует мечом, а Бараташвили — поэтическим словом. И, каждый по-своему, оба служат родине. Прощаясь, Арсен говорит Бараташвили:

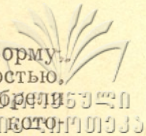
Ты певец, а я разбойник,
Мы — изгнанные с тобою,
На короткое мгновенье
Здесь сведенные судьбою...

(Перевод Е. Николаевской и
И. Снеговой)

Как известно, для баллады обязательны определенный сюжет, повествование. О. Челидзе всегда точно соблюдает этот принцип. Вместе с тем его повествованию постоянно сопутствует лирическая теплота. Особенно ощутимо это в балладе «Третий» — своеобразном гимне сыновней любви. Смерть отняла у поэта отца, но не смогла отнять его мужественного голоса — голос отца остался жить в голосе сына, как олицетворение бессмертия человеческой жизни.

Светлой памятью об отце пронизана также баллада «Голос». А в балладе «Монолог», где поэт как бы возрождает перед нами дни своего детства, проведенные в деревне, образ его отца возникает как символ добра, справедливости, всего честного и благородного. Этот образ сияет в душе поэта как сила жизни, как пламенная вера в жизнь, во все прекрасное, как негасимое чувство любви.

О. Челидзе умеет облечь свои мысли в такую форму, придать им такую ок-

раску, чтобы вызвать сопереживание читателя. Такова вся его поэзия, в частности «Баллада огня», в которой с эмоциональной глубиной и блеском передана идея: люди, преданные родине, бессмертны.

Берет ли поэт материал из исторического прошлого или из современной жизни, ему всегда удается отвечать интересам сегодняшнего дня, зажечь читателя великим духом патриотизма и гуманизма. Это относится к балладам «Кровавый пир», «Иракий», «Могила царицы Тамар» и другим. И хотя баллады эти исторические, их ярко выраженный патриотизм близок советским людям, не раз доказывавшим свою безграничную преданность социалистической Отчизне.

Большое и значительное содержание отличает не только баллады, но всю поэзию О. Челидзе. Однако, не будь они

облечены в соответствующую форму, наделены яркой изобразительностью, выраженные в них тенденции не обладали бы той зримой и осязаемой силой, которая покоряет нас. И тут уместно напомнить о богатых благозвучных рифмах, которые поэту удается уместить в узкие рамки восьмисложного стиха. Широко использует О. Челидзе аллитерацию, обогащающую ритм его стиха, придающую ему упругую динамичность.

Часто поэт обращается к гиперболе как к художественному средству, усиливающему впечатление. Однако делает это умеренно, с тактом. В основе сюжетной канвы его произведений лежат биографические истории, случаи из жизни. Стиль поэтической речи Отара Челидзе насыщен народным колоритом, отчего течение его стиха становится раздольным, свободным.

Алекси АБДУЛАЕВ
(Дагестан)

Отчизны символ

Слепит своим сияньем жарким,
Как с золотом горшок, кара,
Вокруг нее, легка, горянка
Хлопочет ласточкой с утра.

Пышны румяные чуреки
В печи,
Щекам ее под стать.
Счастливец тот,
Кому навеки
Из рук ее дано вкушать.

Свет очага неугасимый
И хлебный запах рук родных —
Вот он —
Отчизны вечный символ,
Что гор дороже золотых.

За жизнь свою, быть может, слишком
Я видел всяческих пиров,
Вкус разных яств не понаслышке
Познал,
Не из досужих слов.

С овечьим сыром белоснежным
Несет горянка мне чурек...
Тот запах каравая нежный
Мне будет памятен навек.

Когда случается порою
Теперь чурек с огня вкушать,
Я снова вижу пред собою
Горянку ласточке под стать.

И если на распутье, где-то,
Встречаю сад с печным дымком,
Душа просторнеет от света,
Как будто вижу отчий дом.

Свет очага неугасимый
И хлебный запах рук родных —
Вот он —
Отчизны вечный символ,
Что гор дороже золотых.

Перевод Сергея ПОЛИКАРПОВА

ВСЕГДА В ПОИСКЕ

НИНО ЧИХЛАДЗЕ — автор множества книг, очерков и статей, имеющих большое значение для изучения истории культуры Грузии. Но прежде — несколько слов о ней самой. Дочь известной революционерки Пунду Каландадзе и «народного трибуна» Рафиэла Чихладзе, она унаследовала от родителей неуемную жажду исследования и поисков, которым отдает всю свою энергию и стремление по достоинству оценить достижения деятелей отечественной культуры, выдающих смысл своей жизни в служении ей. Наблюдения и выводы в ее работах базируются на фактах ею же обнаруженных, либо на сведениях, известных лишь очень ограниченному кругу лиц, но всегда представляющих ценность для истории культуры Грузии. О представителях разных эпох она пишет с глубоким знанием вопроса, с подлинной увлеченностью исследуемым материалом, проникновением в суть явлений и событий. Именно эти качества отличают ее очерки, посвященные Николозу Бараташвили, Рафиэлу Эристави, Илье Чавчавадзе, Акакию Церетели, Якобу Гогобашвили, Александру Хаханашвили, Екатерине Габашвили, Мариам Демурия, Нино Накашидзе, Мариам Гарикули и другим известным грузинским писателям и общественным деятелям. Но я хочу остановиться лишь на тех работах Нино Чихладзе, которые основаны на архивном материале, либо на фактах, добытых в результате ее неутомимых стараний и поисков, чему свидетельницей являлась я сама.

Я хорошо помню, с каким увлечением работала Нино над книгой «Важа в воспоминаниях», которой, безусловно, внесла свою лепту в дальнейшее изучение жизни и творчества великого поэта. В поисках материала она не раз бывала в Пшави, обошла все места, связанные с именем Важа Пшавела, побеседовала с его знакомыми и друзьями. В ходе этих поисков она сблизилась с супругой поэта — Тамар, которую вместе с сыном Вахтангом привезла в Тбилиси, где они были ее гостями. Нино Чихладзе написала статью, в которой рассказала о том, каким преданным и отзывчивым другом Важа была его Тамар.

Неутомимую энергию Нино Чихладзе в поисках нужного материала высоко ценил Георгий Леонидзе.

Из работ Нино Чихладзе, как мне представляется, особого внимания заслуживает ее книга «Доминика Эристави-Гандегили», посвященная жизни и творчеству интересной, но незаслуженно забытой писательницы конца XIX столетия. Эта работа важна также и тем, что содержит дополнительные сведения о деятельности корифеев грузинской литературы — Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Важа Пшавела, Якоба Гогобашвили, Александра Хаханашвили и других. Книга была одобрена критикой.

Назову еще монографию о Кето Джаридзе, замечательной певице, обладавшей великолепными вокальными данными, и яркой личности, наделенной высокими человеческими качествами. Книга была написана еще при жизни певицы, творчеству которой автор впоследствии дала заслуженную оценку.

С большим теплом рассказала Нино Чихладзе и о Михаиле Кварелашвили, певце с трагической судьбой, по неизвестным нам причинам в расцвете творческих сил оставившем сцену и занявшемся педагогической деятельностью.

Очень интересны небольшие по объему, но значительные по содержанию статьи, посвященные Нино Чихладзе тем женщинам, которые вдохновляли Николоза Бараташвили на создание его замечательнейших творений. Она знакомит нас с матерью поэта — Ефимией Орбелиани, чье имя, по словам Нино Чихладзе, вечно будет украшать плеяду замечательных грузинских матерей.

В статье «Друзья Тато» образно раскрыта титаническая сущность смятенной души поэта, указаны причины этого смятения, рассказано о тех великолепных женщинах, которые в тяжелые минуты жизни поэта окружали его заботой и вниманием: Екатерине Чавчавадзе, Майко Орбелиани, Манане Орбелиани, Марте Сологашвили. Нино Чихладзе посвятила немало прочувствованных строк грузинским женщинам, их несомненно огромной роли в истории грузинской национальной культуры.

Статья со скромным названием «Не-сколько слово о третьей дочери Чавчавадзе» впечатляет изобилием сведений о политической жизни Грузии начала XIX века, о деятельности интеллигенции, окружавшей Александра Чавчавадзе, о личности Нино Чавчавадзе-Грибоедовой и Софьи Чавчавадзе. В основу этой работы положен документальный материал, собранный в наших музеях, а также факты, добытые автором с помощью правнуков Александра Чавчавадзе. Для изучения культурно-политической жизни Грузии весьма существенны сведения о дочери Софьи Чавчавадзе Маке Николаи и ее сыне Дмитрие Шервашидзе. Эта небольшая статья со всей очевидностью свидетельствует о неумимых, нелегких поисках автора, на которые его толкают любовь и преданность национальной культуре родной страны.

Статья «Жена поэта» вводит нас в круг семьи Ильи Чавчавадзе. В ней речь идет не только о возвышенных отношениях Ильи Чавчавадзе и Ольги Гурамишвили, но и о кипении тогдашней жизни, в центре которой находился великий грузинский поэт.

О многом узнает читатель из статей, посвященных Тасо Мачабели, умной, образованной и красивой женщине, неизменной спутнице жизни Иване Мачабели и ее дочери Елене Мачабели-Черкезишвили.

Неисследованный архивный материал, а также воспоминания Елены Черкезишвили, записанные Нино Чихладзе, помогли ей представить читателю светлую личность Тасо Мачабели. Читая статью, восхищаешься ее беспредельной преданностью высоким идеалам, моральными качествами, утонченной душой, неутомимой заботой об окружающих ее людях.

Нино Чихладзе показала, с каким почтением относились к Тасо ее выдающиеся современники — артисты, писатели, общественные деятели: Мако Сафарова, Якоб Гогешавили, Акакий Церетели, Николоз Картвелишвили и многие другие.

Елена Мачабели-Черкезишвили является достойной дочерью своих прославленных родителей, и о ее красивой и содержательной жизни нам также вдохновенно рассказывает Нино Чихладзе.

Нино Чихладзе была дружна с писательницей Бабилиной Хоситашвили, характеристику жизни и деятельности которой она дает в связи с творчеством таких писателей, как Екатерина Габашвили, Доминика Эристави, Ноэ Чихладзе, Георгий Кучишвили и др.

Широк круг наблюдений Нино Чихладзе. С точки зрения русско-грузинских культурных взаимоотношений интерес представляет ее статья «Великий русский баснописец», написанная к 200-летию со дня рождения Ивана Андреевича Крылова. Особое место здесь отведено характеристике переводов, выполненных Акакием Церетели, их месту в грузинской литературе.

В этом же русле находится работа Нино Чихладзе о Софье Амиреджиби, осуществившей переводы стихов грузинских классиков на русский язык, и об Елисабед Орбелиани, давшей нам переводы Шота Руставели на французский язык.

Сильное впечатление произвела на меня статья «Нино Гаришвили» («Цискари»). Вспомнились студенческие годы. Стихи, написанные Нино Гаришвили, знали и любили все. Особенно было популярно стихотворение «Моим сверстникам». Теплая, проникновенная статья многим любителям поэзии моего поколения напомнила об этой поэтессе.

Высоким профессионализмом отмечены статьи Нино Чихладзе о художниках Кетеван Магалашвили, Елене Ахведиани, Екатерине Багдавадзе, Матильде Мгебришвили, Нателе Янкошвили и других.

В поле зрения Нино Чихладзе многие женщины, деятельности которых она дала достойную оценку. Это — Манаба Магомедова, Анета Капанадзе, Нино и Елена Кипиани, Лидия Мегрелидзе, Тамара Церетели и другие.

Преодолеть барьер забвения — одна из постоянных забот Н. Чихладзе. Именно она напомнила нам о певце революции 1905 года, большом друге Иосифа Гришашвили Бегларе Ахоспирели и многих других скромных деятелях национальной культуры.

Еще одним доказательством благородной деятельности Нино Чихладзе явилась ее новая книга, рассказывающая о роли грузинских женщин в полной революции общественной жизни Грузии XIX века.

На стыке искусства и науки

КРАТКИЙ ОЧЕРК НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
Г. Р. ГАЧЧИЛАДЗЕ

В СПОМИНАЯ начало своей литературно - переводческой деятельности, Гиви Гаччиладзе писал в одной из своих статей:

«Послесловию одной из моих книг переводов английских народных баллад и стихотворений английских поэтов я предпослал, в виде эпиграфа, слова Горация:

«Скажут: песнь эолийскую на италийский лад переложил».

Одиночка-переводчик английской литературы в тридцатых годах, я уже создавал в ту пору, что, взявшись за перевыражение на родном языке высказанного давно и, главное, очень хорошо в чужой языковой ткани, пошел по трудному пути как бы отказа от собственного творческого «я» и, покорившись иноязычным гениям, стал находить утешение в том, что Гораций считал себя перевыразителем эолийской песни на италийский лад, а Руставели — переводчиком персидской повести. Эта мистификация великих утешала не только их положительным отношением к искусству перевода, но и главным образом тем, что эти гении, сославшись на перевод, все же выражали себя и свое видение мира. Я счел, что в принципе и простому смертному дано право следовать примеру великих, и может быть, в этом и кроется возможность приблизиться к большому искусству».

В этом юношеском дерзании студента-филолога Тбилисского университета, вступившего на трудный путь служения десятой музе, уже явственно выражен лейтмотив поисков и свершений всей переводческой деятельности Гаччиладзе: художественный перевод — не слепое, ремесленное копирование ори-

гинала, а утверждение своего видения мира, т. е. творчество.

Такая постановка вопроса с течением времени в процессе накопления опыта и обобщений повернулась к автору переводов своей другой, гораздо более существенной стороной: искусство перевода стало для него основой видения мира. Этот двуединый процесс в неуклонном движении вперед вывел впоследствии юного переводчика на центральную магистраль развития художественного перевода — искусства социалистической эпохи.

Эпитет «одиночка» не случаен в рассказе Гиви Гаччиладзе: к началу тридцатых годов перевод с иностранных языков действительно был у нас делом немногих, а сам начинающий автор является среди них пионером перевода с английского.

Но именно тридцатые годы явились эпохой интенсивного восхождения и становления всей многонациональной советской культуры. Учителями Гиви Гаччиладзе в Тбилисском университете были корифеи грузинской науки — И. Джавахишвили, К. Кекелидзе, А. Шанидзе, Г. Церетели, А. Чикобава и другие крупные ученые, уже закладывавшие тогда фундамент для создания в республике высшей формы развития научной мысли — Академии наук.

В 1936 году Гиви Гаччиладзе кончает филологический факультет университета по специальности английский язык и литература. Он продолжает с увлечением работать над переводами английской поэзии, обращается и к науке, т. е. поступает в аспирантуру и одновременно начинает читать лекции в педагогическом институте имени А. С. Пушкина. В 1941 году Г. Гаччиладзе защищает кандидатскую диссертацию на тему «Сага о Форсайтах» Голсуорси, а в 1961 году — докторскую диссертацию

цию на тему «Проблема реалистического перевода».

Совмещение с ранних лет интенсивной литературной, научной и педагогической деятельности уже само по себе свидетельствует о широте творческих устремлений Г. Гачечиладзе, о желании глубоко и многосторонне осмыслить круг проблем и вопросов на избранном, но не изведенном пока пути — на стыке искусства и науки.

Исторический Первый съезд писателей СССР (сорокалетие которого недавно отмечалось всей страной), заложив основы творческих и организационных принципов советского художественного перевода как составной части литературы социалистического реализма, создал импульсы к широчайшему развороту его практики на языках всех народов Советского Союза.

Самой собой очевидно, что с течением времени исторический опыт советского перевода, гигантского по своим масштабам, потребовал теоретического обобщения на соответственно высоком научно-творческом уровне. Действительно, за последние десятилетия мы являемся свидетелями подлинного взлета теоретической мысли в этой области. В ряду основополагающих трудов советской теории реалистического перевода К. Чуковского, И. Кашкина, А. Федорова, А. Смирнова, М. Рыльского, П. Топера, В. Россельса, О. Кундзича и других занимают подобающее место и труды Г. Гачечиладзе, и прежде всего его книга «Проблема реалистического перевода».

Я хорошо помню солнечный майский день 1961 года, когда в Тбилиси в зале Академии наук проходила защита этой диссертации. Это был день торжества творческих принципов реалистического перевода, день утверждения могущества переводного слова, его эстетической и познавательной ценности, слова, призванного служить благородному делу взаимообщения народов.

Среди многочисленных слушателей и ряда оппонентов, приветствовавших труд Гиви Гачечиладзе, первыми были его старший коллега и друг, основоположник реалистических традиций советской теории художественного перевода Иван Александрович Кашкин и младший коллега и друг диссертанта, тогда еще совсем молодой человек, но уже автор значительных изысканий по истории реалистического перевода в России Павел Максимович Топер — в дальнейшем редактор последней книги Гачечиладзе «Художественный перевод и литературные взаимосвязи». Живые отклики на работы Гачечиладзе находим в трудах ведущих мастеров и теоретиков перевода в Москве, Ленинграде, в братских республиках и за рубежом. Фрагменты его книг и отдельные статьи печатались в Москве, а также во Фран-

ции, Чехословакии, Югославии, Финляндии, Польше, ФРГ и других странах Европы.

Особенно ценно обнаружение трудов Гачечиладзе в журнале Всемирной федерации переводчиков «Babel» (Париж), посвященных истории перевода в Грузии, деятельности Иванэ Мачабели, воспитанию молодых кадров и ряду других сторон переводческой культуры республики. Там же была напечатана статья одного из руководителей журнала, выдающегося французского писателя и теоретика перевода, ныне покойного Эдмона Кари о книге Гачечиладзе «Проблема реалистического перевода». Вступая с автором в диалог по некоторым частным вопросам перевода, Кари далее, обращаясь к основной, методологической части книги, говорит: «Вся эта глава является ценным вкладом не только в теорию художественного перевода во всех его видах, но и в общую теорию перевода».

Сущность художественного перевода, его историческое развитие в Грузии, России, на Западе и в нашу советскую эпоху рассматриваются Гачечиладзе на базе марксистско-ленинской диалектики и теории отражения. Именно этот момент позволил автору методологически убедительно обосновать сущность перевода как вторичного литературно-творческого процесса, как художественного явления: если писатель отражает в своем произведении окружающую его действительность, то переводчик призван воссоздать это произведение в новой языковой среде как художественное целое, т. е. в единстве его содержания и формы, во всей полноте составляющих его компонентов, со всеми особенностями его национальной и авторской специфики.

Диалектический метод дает возможность автору поставить и правильно разрешить все кардинальные проблемы искусства перевода — соотношения художественной и лингвистической сторон, метода и стиля с мировоззрением; перевод как творческий синтез своеобразия автора и переводчика, перевод как синтез эмоционального и интеллектуального начал; связь практики и теории перевода и т. д. Но поскольку два различных языка пользуются совершенно различными средствами выражения одной и той же мысли, то художественная ценность перевода определяется не языковыми соответствиями двух текстов, а верностью перевода художественной действительности оригинала, что в свою очередь обуславливает и верность перевода отраженной в оригинале исторической действительности.

Таким образом, одним из важнейших критериев эстетической ценности реалистического перевода, как и любого искусства, является его художественно-

опосредствованная связь с живой действительностью, ибо — «когда искусство теряет свое достоинство перед лицом действительности, оно теряет много и как искусство».

Реалистический перевод разрешает противоречие между сложившимися на протяжении веков принципами полноценного, но далекого от оригинала вольного перевода и дословно-точного, но художественно неполноценного перевода, отразивших в своем развитии те или иные общественные, культурные и эстетические запросы народов.

Два этих способа перевода, трансформируясь, бытуют, к сожалению, и в наши дни в виде, скажем, перевода прозы, основанного на подстрочнике. Последний обычно связан с пороками дословщины и буквализма, неизбежно приводящими в переводе к искажению не только художественной ткани оригинала, но и отраженной в ней исторической действительности.

В многочисленных переводческих диспутах Гачечиладзе отстаивал творческую природу перевода прежде всего с представителями так называемых лингвистических принципов, утверждая, что лингвистический процесс играет в переводе хотя и важную, но подчиненную роль, роль средства творчества. Он ратовал против западных формалистических установок, рассматривающих перевод как сумму отдельных формальных элементов произведения, которые невозможно передать на другом языке — стало быть, невозможен и самый перевод. «Перевод — смерть понимания» — провозглашают апологеты упадочнических тенденций в искусстве перевода. Советский реалистический перевод выдвинул на II Всесоюзном съезде писателей замечательную гуманистическую формулу: «Перевод адекватен возможности общения народов».

Свой взгляды и установки Гачечиладзе отстаивал со страстной убежденностью борца, с большой авторской скромностью и тактом. В новых своих трудах он не раз возвращался к уже освещенным им вопросам подобно композитору, вскрывающему в своей излюбленной теме все новые вариационные аспекты, и, стремясь быть доказательным, даже, случалось, говорил: «Возможно, в таком-то случае я не совсем ясно выразил свою мысль».

Эта скромность сочеталась в нем с удивительной человеческой простотой и природным демократизмом. Вспоминная в связи с этим один случай, хочу особо отметить его искусство ведения собраний — каким я его наблюдала здесь, в Союзе писателей и в Москве, на больших форумах перевода, одним из председателей которых он обычно бывал. С удивительной чуткостью он прислушивался к словам выступающих,

стимулируя их активность и направляя отдельные высказывания по руслу, какого требовало принципиально творчески-деловое разрешение вопроса. Помню последнее выступление Гиви Ражденовича здесь, в Союзе писателей. Уже серьезно больной, он в тот день и председательствовал, и сделал доклад, посвященный творчеству молодого переводчика Гурама Гогиашвили, — факт символический, потому что воспитание молодых кадров было одной из самых его больших забот.

Один из участников собрания, взяв слово, выступил против некоторых положений докладчика. В зале раздались чьи-то протестующие реплики. Председательствовавший Г. Р. Гачечиладзе тотчас же призвал своего «защитника» к порядку и предоставил критиковавшему его оратору возможность высказаться до конца, а в своем заключительном слове исчерпывающе разъяснил поднятые им вопросы.

В советскую эпоху благодаря переводческому подвигу замечательных русских поэтов Н. Тихонова, Н. Заболоцкого, Б. Пастернака, П. Антокольского, А. Межирова и ряда других, замечательного украинского поэта М. Бажана, а также переводам на многие языки народов СССР, впервые на всесоюзной, а затем на мировой арене прозвучали голоса грузинских поэтов и Руставели занял подобающее ему место в ряду вершин мировой поэзии. Сейчас со страниц трудов Гиви Гачечиладзе на широкий международный простор вышел образ высокоталантливого художника-переводчика Иванэ Мачабели, чьи переводы на грузинский язык произведений Шекспира составили эпоху не только в литературной, но и во всей культурной жизни Грузии. Не случайно на одном из собраний Совета по художественному переводу старейшина советской теоретической школы Андрей Венедиктович Федоров, касаясь исторической части труда Гачечиладзе, сказал:

«Эта книга читается с особым интересом не только в научно-художественном, но и познавательном плане. Она открывает нам совершенно новую область литературной истории грузинского народа».

Нет ни одного аспекта развития художественного перевода, в котором бы Гиви Гачечиладзе не принимал живейшего и фундаментального участия.

В своих многочисленных статьях он занят множеством частных, но животрепещущих вопросов перевода, таких, например, как забота о чистоте языка, ибо перевод служит не только целям воссоздания литератур на новых языках, но и целям охраны народности и чистоты литературных языков.

Велико было участие Гачечиладзе в организационно-творческой области

перевода как председателя Секции переводчиков Союза писателей Грузии, как одного из руководителей Совета по художественному переводу при Союзе писателей СССР и членов его редакционной коллегии. С созданием этого совета связан новый этап в развитии советского искусства перевода, раздвинувшего сферу его влияния до широких международных масштабов и способствовавшего новому восхождению его теоретической мысли.

Художественный перевод в наше время — одна из самых действенных форм культурного взаимообщения народов. В этом смысле искусство перевода как бы опережает самые литературы — это прежде всего касается теоретически-обобщающих трудов по вопросам перевода. На регулярно собираемых международных форумах переводчиков в Советском Союзе и в различных странах Европы все убедительнее звучит слово советской переводческой мысли. Гиви Гачечиладзе был активным участником этих представительных собраний, выступая с докладами по общим и частным вопросам перевода. Эти выступления, всегда глубоко принципиальные, научно-аргументированные, проникнутые страстной заинтересованностью в деле развития перевода, неизменно вызвали живой интерес аудитории и широкий резонанс в прессе.

Гиви Гачечиладзе ушел от нас, не дожив до полных шестидесяти лет. Это — цветущая пора, зенит творческой деятельности человека. Как много предстояло ему еще сделать! Его уход от нас — тяжелая утрата, отозвавшаяся болью в сердцах его друзей, коллег, деятелей перевода — всей нашей литературной общественности. Об этом говорят многочисленные телеграммы и пись-

ма: из Москвы, Ленинграда, Киева, из всех республик, а также из-за рубежа из Нью-Йорка, Лондона, Парижа, Штутгарта, Неаполя, Софии, Варшавы и многих других городов мира.

Пьер Франсуа Кайе, председатель Международной ассоциации переводчиков «FIT», в письмах, полных глубокой скорби, на имя Союза писателей Грузии и семьи Гачечиладзе писал о нем, как о своем близком друге, называя его просто по имени: «Гиви был явлением выдающимся, подлинным мэтром в искусстве, которому служил». Известная переводчица Е. Д. Калашникова писала жене и другу Гиви Ражденовича:

«Дорогая Ирина Ильинична, я на днях вернулась из Франции, куда ездила на очередной конгресс «Фита» и хочу сказать Вам о том, как тепло и с какой скорбью вспоминали там о Гиви Гачечиладзе все, кто его помнил и знал, а таких немало. Уж не говорю о том, что председатель Кайе официально сообщил о Вашей утрате, которую понесла вся международная переводческая общественность, и весь зал, человек 200, почтил его память минутой молчания».

Свою статью о Гиви Гачечиладзе в журнале «Vabel» Эдмон Кари заключил следующими словами:

«Имя Гачечиладзе отныне должно быть записано в ряду тех, кто прославляет теорию перевода. Со страстным любопытством ожидаем мы его дальнейших выступлений».

Прославить — значит воспеть. Гиви Гачечиладзе действительно воспел в своих трудах, овеянных поэзией мысли, искусство перевода как искусство утверждения жизни.

Гиви ушел, но остались его труды. Они помогут нам работать и пойти вперед в прекрасном искусстве перевода.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ТВАРДОВСКИМ

ЧТО И ГОВОРИТЬ, я очень ждал его на свой вечер в ноябре 1969 года, в Москве, в Доме литераторов. Он обещал обязательно быть. Вернее говоря, еще до этого, когда мы оба приблизились к рубежу шестидесятилетия, мы дали друг другу твердое обещание повидаться в день рождения. Ведь и ему через несколько месяцев исполнялось шестьдесят — мы были почти ровесниками, только он на несколько месяцев моложе...

В тот вечер ко мне пришли все дорогие и любимые мною русские писатели: Константин Федин, Николай Тихонов, Константин Симонов, Алексей Сурков, Борис Полевой, Виталий Озеров, Александр Межиров, Юрий Кузьменко... Разве всех перечтешь! Да и не одни только писатели — на том вечере незабываемое слово произнес и незабываемо спел народный артист СССР Иван Козловский. И лишь он, Александр Твардовский, которого я так ждал, не показался...

За ноябрем пришел декабрь, за декабрем — новый, 1970 год, и в своем новогоднем поздравлении, впервые за все время нашего знакомства, я обратился к нему на «Вы»; разумеется, с пикантным намерением дать почувствовать, не скажу — обиду, но мое сожаление и огорчение...

Ответ от Александра Трифоновича я получил с опозданием — 21 января 1970 года. И свое небольшое воспоминание мне хочется начать именно с этого письма моего любимейшего поэта и друга:

«Москва, 21.1.70

Дорогой мой Ираклий Виссарионович!

Прости великодушно, но не по забывчивости или небрежности отзываюсь на твое новогоднее приветствие с таким опозданием: все из-за каждодневной суеты сует (в которой я пребываю уже не дни и не месяцы — целые годы). Спешешь управиться с неотложной почтой, оставляя на завтра, на потом и т. д. необходимость отзываться на добрые слова друзей, «своих», тех, которые не осудят тебя немедленно, поймут, учтут, думается — и в результате — выглядишь перед ними невежей или гордецом (с чего бы!) или обиженным, как в случае с тобой.

Меня просто, как заноза в сердце, обеспокоила фраза в твоей новогодней открытке — не обижен ли я тобой? Мне хочется прокричать тебе в Тбилиси: Нет, нет, дорогой Ираклий. Но, может быть, наоборот, ты имел основания обидеться на меня, по крайней мере, недоумевать по поводу моего отсутствия на твоём вечере, — это вполне возможно, но это требует

разъяснений, которые не вдруг могут быть поняты, — оставим это, прошу тебя, до нашей встречи.

Словом, не ты у меня, а я у тебя в долгу, но я лщу себя надеждами, как говаривали в старину, сквитаться с тобой.

Теперь одна к тебе претензия: мы с тобой всегда, с первого нашего брудершафта в 1940-м (30 лет!) были на ты. Меня больно задело твое одностороннее «Вы» в твоём помянутом приветствии, как будто ты от меня уже отстраняешься. Нам, старикам (с этого года уже официально в данном звании), не пристало это.

Поэтому, как хочешь, но я тебя не хочу переводить в друзья, с которыми бы я сносился на «Вы», а остаюсь твоим другом без этой заградительной формы обращения.

Обнимаю тебя, дорогой друг, будь здоров и благополучен, сигнализируй о приезде в Москву, непременно увидимся. Привет супруге и всем близким.

Твой А. Твардовский.

Да, прошло 30 лет... Это было в 1940 году. А теперь уже и все 35...

Сначала показалось, что меня кто-то разыгрывает. Но в телефоне опять спокойный, безо всякого акцента голос на чистом русском языке убедительно повторял:

«Я Александр Твардовский. Хотел бы к вам подъехать, повидаться». «Где вы находитесь?» — спросил я, хоть в душе и продолжал убеждать себя не поддаваться на розыгрыш: откуда тут взяться Твардовскому, должно быть — кто-то из приятелей, пусть приходит...

Я послал машину к гостинице «Тбилиси». Стоял август 1940 года. К концу рабочего дня в моем кабинете в Союзе писателей Грузии, которым тогда я, совсем еще молодой человек, руководил, собрались грузинские писатели — Симон Чицовани, Александр Кутатели, Карло Каладзе и Ило Мосашвили. Мы собирались выехать куда-нибудь из города, чтобы спастись от непереносимого зноя.

И вдруг: Александр Твардовский... Не с неба же он свалился... Если это и впрямь он, почему не сообщил заранее о своем приезде?

Машина вернулась. И в комнату действительно вошел Александр Твардовский. Я встречался с ним и прежде — ведь мы вместе были на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, но лично мы с ним не были знакомы. Подздоровавшись со всеми, он сказал:

— Мне нужен Ираклий Абашидзе.

— Это я, Александр Трифонович.

— Вы?! Это невозможно!.. Я представлял вас длиннородым старцем, — у него заблестели глаза, и он сразу же почувствовал себя свободно, по-домашнему.

— Длинный, как видите, я сам, но бороды пока что не ношу, — пошутил я, и мы обнялись как давние друзья. Твардовский, настоящий Твардовский, — мог ли быть лучший подарок в этот день?!

— Если бы вы знали, в какое удачное время пришли. Только что мы обсуждали, куда бежать из Тбилиси на пару часов, перевести дух от жары. Куда бы вам хотелось?

Твардовский от души рассмеялся — ведь он впервые приехал в Тбилиси. Но тотчас ответил:

— В горы, конечно же, в горы. Куда же еще можно мечтать поехать, попав в Грузию? Там будет прохлада...

— Верно, — согласились мы. — Горы здесь же: Коджори, Самадло. — И даже не расспрашивая, каким ветром занесло его к нам в Грузию, уселись в машины и отправились в горы. И только в пути разuzнали причину появления здесь: после месячного отдыха в Крыму, в Ялте, он взял билет на теплоход «Грузия», который как раз в это время зашел в Ялту, направляясь в Батуми. А из Батуми направился поездом напрямик в Тбилиси. Он испытывал в это время финансовое затруднение и потому вынужден был обратиться в Союз писателей Грузии. И мы оказались на месте. По-грузински говорят, что гость — от бога. Поистине он был «послан богом»!

Мы ехали в горы... Через какие-нибудь полчаса миновали Коджори и на высоте 1100 метров над уровнем моря остановились в духане «Самадло». Решили не заходить в помещение и попросили накрыть стол под сенью большого дерева. Тут царил прохлада, у всех было чудесное настроение, и помню, как сразу в лад зазвучали мои с Александром Трифоновичем голоса: «На закате ходит парень возле дома моего...» — негромко напевали мы.

Сколько раз так же негромко и слаженно напевали мы с ним «На закате...» или «Прощай, любимый город» потом, во время незабываемых наших встреч у меня и у него дома, в московских гостиницах и на нашей земле, в Риме и Неаполе, где мы с ним в течение многих лет участвовали в работе руководящих органов Европейского сообщества писателей «Комес» — А. Т. Твардовский в качестве вице-президента, я — члена руководящего бюро. На протяжении трех десятков лет дружно пели мы с ним...

Но сейчас мы, поэты, сидели под деревом в «Самадло».

Мы попросили Александра Трифоновича прочитать нам отрывок из его замечательной поэмы «Страна Муравия». И он не стал отказываться, задумчиво и увлеченно стал читать наизусть целые главы из этого любимого всеми нами своего произведения, главного творения его в тот период. А потом и он захотел услышать от нас, как звучат стихи по-грузински...

Произошло что-то, напомнившее спектакль: не прошло и двух часов, проведённых нами под открытым небом, как, в точности так же, как описано в рассказе одного грузинского писателя и как часто бывает в наших горах, сперва у горизонта появилась небольшая, с кулак, тучка, потом она стала расти, затянула весь небосклон, и уже через полчаса посыпал такой град, словно природа два дня только к нему и готовилась. Зеленые поляны укрылись белым покрывалом.

Мы сейчас же укрылись в здании духана. Но внезапно с близлежащих горных пастбищ вниз сбегала отара овец и тоже стала искать спасения вокруг духана. Никакими силами не смогли мы удержать в помещении Александра Твардовского — он выбежал на двор и под проливным дождем, под непрерывным обстрелом огромных, величиной с кулак, градин ворвался в гущу сгрудившихся овец, стал обнимать их, громко хохотал и бегал среди белой отары, как ребенок. Он хватал на руки то одного ягненка, то другого, он уже промок до ниточки, но ни на что не обращал внимания.

— Как прекрасно, боже, как прекрасно!

Мы от души смеялись, глядя на него.

...35 лет прошло с того дня, сотни раз встречались мы с ним у нас, в Советском Союзе, и за рубежом, но та, первая, встреча все равно занимает в памяти особое место. И сам Александр Твардовский никогда не забывал горячего тбилисского лета 1940 года, крупные, с кулак, градины, белых, как град, овец, сгрудившихся под ливнем высоко в горах у духана «Самадло»...

ТВОРЧЕСТВО Аполлона Карамановича Кутателадзе — яркая страница истории грузинского советского изобразительного искусства. Лучшие его произведения — это взволнованный и поэтический рассказ о родной земле и родном народе. Композиционная ясность, простота, идейная целенаправленность — отличительные черты большинства созданных им картин.

Для А. Кутателадзе характерна широта творческого диапазона. Ему близок как батальный и портретный, так и пейзажный жанр. Круг творческих интересов художника определяется преимущественно темами, отображающими волнующие страницы истории Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства. Поиски средств отображения этих тем привели его к созданию значительного числа композиционных и портретных полотен, заслуженно принесших ему всеобщую известность и выдвинувших его в первые ряды мастеров советской тематической картины. Многие из его произведений вошли в золотой фонд советского изобразительного искусства. Его работы в области акварели, графики, живописи отличаются ясностью и совершенством композиции, свежестью замысла, оригинальным раскрытием сюжета и колоритностью.

С особым лиризмом художник воспевае труд советского человека («Ткачиха», «На чайных плантациях», «Радостный урожай», «Уборка хлеба», «Сбор винограда» и др.). Исключительным патриотизмом и любовью к Родине проникнута композиция «Поход царицы Тамар». Автор мастерски раскрыл образ царицы Тамар — выдающегося государственного деятеля и военачальника.

Более ста картин Аполлона Кутателадзе украшают сегодня музеи Тбилиси, Москвы, Ленинграда, городов братских республик.

Свой богатый творческий опыт А. Кутателадзе передавал своим воспитанникам, многие из которых сегодня известны далеко за пределами Грузии. В течение долгих лет он руководил мастерской Тбилисской Академии художеств и показал себя прекрасным педагогом. Он всегда безошибочно определял способности своих учеников и давал их развитию нужное направление.

А. Кутателадзе внес немалый вклад в дело организации творческого коллектива грузинских художников, в направлении этого коллектива на борьбу за высокоидейное искусство, за высокий профессиональный уровень творчества. Участник, а часто и инициатор важнейших мероприятий в области грузинского советского изобразительного искусства, он много времени уделял организационно-творческой работе в Союзе советских художников Грузии. Многие годы Аполлон Караманович состоял членом правления и президиума ССХ Грузии. Последние несколько лет он был заместителем председателя президиума ССХ Грузии, членом правления ССХ СССР. Около двадцати лет стоял во главе правления Грузинского отделения Художественного фонда СССР.

С февраля 1959 года Аполлон Кутателадзе — ректор Тбилисской Академии художеств, во главе которой оставался до последних дней своей жизни. За эти годы он провел большую работу по перестройке всего учебного процесса на основе решений XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза. При его непосредственном участии был, в частности, открыт факультет декоративно-прикладного искусства. Это позволило расширить профиль подготовки кадров для республики.

Редко можно встретить человека, столь гармонично сочетавшего в себе талант художника с талантом организатора. Именно эта черта характера Аполлона Кутателадзе позволила претворить в жизнь ценные мероприятия.

Так, в кратчайший срок было организовано строительство девятиэтажного учебного корпуса, проведены серьезная реконструкция и художественно-рестав-

С Л О В О

О Х У Д О Ж Н И К Е

традиционные работы в старом здании Академии, организована экспозиция всех значительных произведений искусства, созданных студентами и преподавателями за 50 лет, открыт музей изобразительного и прикладного искусства. И в том, что сегодня Тбилисская государственная Академия художеств — мощная «школа» кадров по изобразительному и прикладному искусству, — большая заслуга Аполлона Карамановича Кутателадзе.

В 1971 году на Белградской международной конференции по проблемам художественного образования Тбилисская государственная Академия художеств вместе с Московским и Ленинградским художественными институтами представила советскую художественную школу. Докладчиком на этой конференции был А. Кутателадзе.

В дни празднования пятидесятилетия Тбилисской государственной Академии художеств президент Академии художеств СССР Герой Социалистического Труда Н. Томский подчеркнул, что юбилей Тбилисской Академии художеств — это большой праздник не только грузинского народа, но и всего многонационального советского искусства.

— Тбилисская Академия художеств, — сказал он, — одна из старейших в нашей стране. Она является огромной школой воспитания новых кадров советских художников. У колыбели Академии художеств стояли выдающиеся мастера изобразительного искусства. Следуя славным традициям старейших мастеров грузинского искусства, Академия художеств воспитывает молодежь в духе преданности советскому многонациональному искусству. Здесь учат молодежь активно приобщаться к жизни, глубоко изучать ее, понимать высокое назначение советского человека — творца коммунистического общества. Задача художника состоит в том, чтобы все, чем он богат, весь свой талант отдать советскому народу, строящему светлое здание коммунизма. Именно в таком духе воспитывает коллектив Тбилисской Академии художеств молодое поколение мастеров искусства. Уже с первых же дней создания Академии художеств СССР у нас установились прочные творческие связи с тбилисскими коллегами. И эти связи крепнут год от года. В этом заслуга профессора Аполлона Карамановича Кутателадзе...

В настоящее время воспитание молодых художников Академии — как станковистов, так и прикладников — ведется на основе всестороннего развития их творческого дарования, идейного формирования, совершенствования профессионального мастерства, глубокого и всестороннего восприятия исторического наследия грузинского, русского и мирового изобразительного искусства. Отрадно констатировать, что зачинателем этих традиций является Аполлон Кутателадзе.

Работы выпускников Академии ежегодно демонстрируются на Всесоюзных выставках - смотрах достижений художественных вузов страны. Академия является постоянным участником экспозиции павильона «Народное образование» на ВДНХ СССР. Она представляет работы своих воспитанников на международных конкурсах за рубежом, которые не раз завоевывали награды — две золотые медали в Праге и Париже, одна серебряная медаль на Всемирном конкурсе в Аргентине, 52 диплома на международных смотрах прикладного искусства в Италии, Франции и Канаде.

Творческие достижения воспитанников Тбилисской государственной Академии художеств — дань памяти человека, отдавшего всю свою жизнь грузинскому изобразительному искусству.

Амир МАХМУДОВ
(Татарская АССР)

Коммунист

Как нежная зелень, пробившая
жесткую почву,
так светлое дело твое, коммунист, —
к солнцу ведет.

Как мост, освещенный для путника
ночью,
идеи твои, коммунист, —
дорога вперед.

Вот смехом ребенка наполнилось
раннее утро —
то эхо надежды твоей, коммунист, —
чистое эхо.

Вот песня народа
звонит — звонко и мудро —
то голос деяний твоих, коммунист, —
голос успеха.

Перевод Марьям ГАДЫЕВОЙ

Детям — настоящее искусство

РИСУНОК в книге — родник, из которого ребенок черпает первые познания о жизни, получает первые уроки подлинной красоты. Поэтому главной целью оформления книги является обогащение фантазии ребенка, воспитание у детей художественного восприятия мира. Еще в 20-е годы перед грузинскими мастерами книжной графики встал ряд важных творческих проблем: найти новый строй изобразительного языка, новые пластические принципы, отвечающие и новым задачам детской литературы.

Ныне грузинские художники детской книги добились столь значительных успехов, что можно смело говорить о возникновении специфической отрасли искусства — детской книжной графики — и появлении целого отряда профессиональных художников-иллюстраторов.

Большая часть издаваемых детских книг адресована самым маленьким, для которых иллюстрации имеют огромное значение, так как через рисунок ребенок получает конкретное представление о реальной вещи или явлении. Повышенная декоративность иллюстраций, обложек и внутреннего убранства книги делает ее привлекательной для ребенка, непроизвольно тянущегося ко всему яркому, нарядному. Роль художника-оформителя такой книги значительна. От его умения, вкуса, меры понимания и проникновения в психологию маленького читателя зависит многое.

Однако художникам, работающим для детей, зачастую недостает фантазии, наблюдательности и непосредственности, без чего невозможно создать яркую, занимательную детскую книгу. Еще очень велик процент книг, оформленных неряшливо, невыразительно, полиграфически плохо исполненных. Почти отсутствуют иллюстрированные научно-популярные издания для детей среднего и старшего школьного возрастов. Серьезный упрек и художникам, и издательству «Накадули» — однообразие книжной продукции для самых маленьких читателей: нет ярких, веселых книжек-игрушек, книжек-картинок, книжек-«раскладушек» и т. д.

В то же время издательство «Накадули» предприняло интересное и безусловно перспективное начинание — издание малоформатных иллюстрированных сборников грузинских народных сказок и сказок народов мира.

Когда просматриваешь иллюстрированные детские книги последних лет, отчетливее видится целый ряд определенных тенденций в их художественном оформлении.

В поисках разнообразия изобразительных приемов художники часто обращаются к традициям национального искусства и народного творчества.

Добиться национального своеобразия в оформлении книги — задача трудная, так как художник встречается с опасностью бездумной стилизации ради создания псевдонациональных мотивов. Только творческая переработка изобразительных приемов, веками выработывавшихся в народном искусстве, может привести к удаче.

Творческое переосмысление и трансформирование древнегрузинской миниатюры и старинного книжного декора взяты на вооружение художницей Белой Бердзенишвили. Ее иллюстрации к книге «Взойди, солнце» («Накадули», 1965), сказкам «Завистливый брат» («Накадули», 1971), «Кто работает, тот и ест» («Накадули», 1971) решены плоско, декоративно. Интенсивные цветочные пятна красочных плоскостей напоминают аппликацию. Художница умело использует игру линий и пятен, прихотливый ритм движения фигур и узоров народного орнамента. Любовно относясь к книге, как к целостному организму, Б. Бердзенишвили тщательно разрабатывает декор всех частей: переплета, титула, фронтисписа, заставок и концовок, не ограничиваясь лишь иллюстрациями на странице.

Забота о декоративном убранстве книги, о соответствии его национальному стилю особенно необходима при иллюстрировании сказок, в которых обычно концентрируется народная мудрость и выражается национальный характер.

Продолжая традиции патриарха грузинской детской книжной графики

И. Габашвили, художник Ш. Цхададзе в своих изображениях зверей — героев сказок передает народное представление об их характере. Введением той или иной детали, специфической для народного быта, художник умеет облечь действие в национальную форму (сказки «Проказы лисы» — «Накадули», 1970, «Лиса и птичка» — «Накадули», 1969).

Много вкуса и изобретательности проявили молодые художники А. Гвинджия (иллюстрации к «Снежной королеве» Г.-Х. Андерсена) и Л. Шенгелия-Абашидзе (оформление книги Сулхана Саба Орбелиани «О мудрости вымысла»). Привлекает в этих работах свежее, нешаблонное решение, найденное художниками, хотя каждое из иллюстрируемых произведений имеет довольно солидную традицию оформления.

Необычайно красивы по цвету иллюстрации Л. Шенгелия-Абашидзе. Обобщенность линии и силуэта, декоративно решенное пространство, строго выдержанная цветовая гамма — все это в конечном счете служит единой цели — иллюстрации прекрасно сочетаются с плоскостью книжной страницы.

Иллюстрации Л. Гвинджия к сказке Г.-Х. Андерсена неравноценны по своему исполнению. Наиболее удачен лист «Кай во дворце Снежной королевы», в котором напряженному, то плавно-текущему, то пружинящему, ритму контуров фигур соответствуют и изгибы линий рамочного обрамления. Найдено и убедительное колористическое решение с преобладанием холодных синих и лиловых тонов.

Пристальное внимание и интерес к народному творчеству, стремление постичь и разгадать тайну неуываемой красоты и изящества предметов народного быта, интерес, особенно усилившийся за последние годы, нашел своеобразие преломление в книжной графике. Художники обращаются к интерпретации форм народного прикладного искусства — вышивок, ковроткачества, резьбы по дереву, металлопластики.

Г. Клибадзе — один из тех художников, которые постоянно ищут новые возможности оформления с целью сделать книгу более нарядной, красивой, яркой. Сложный вопрос взаимоотношений автора литературного текста и художника-оформителя, т. е. иллюстратора, Г. Клибадзе разрешает с большим тактом. Стремясь быть предельно точным, бережно относясь к литературному источнику, проникаясь его настроением, художник находит единственно верные художественные приемы для воплощения в изобразительных образах авторского замысла. В сдержанных черно-белых и холодных голубовато-серебристых тонах выдержана грустная история о смер-

ти оленя в одноименном рассказе А. Исаакяна. Сохраняя ту же сдержанность колорита, варьируя в пределах каждого листа сочетания двух-трех цветов (белый, зеленый, черный или же белый, черный, теплый коричнево-белый), широко используя мотивы народного орнамента, стрит Г. Клибадзе свои иллюстрации к веселым «Сказкам о Дачи» О. Иоселлиани.

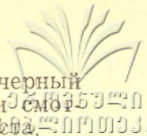
Вообще для грузинской книжной графики, так же как и для грузинского искусства в целом, характерно стремление в поисках наиболее выразительного пластического языка и национального колорита совмещать традиционные приемы народного искусства с современными достижениями живописи и графики. Это не исключает опасности стилизации, некритического отношения к художественному наследию, механическому перенесению тех или иных изобразительных приемов в детскую книжку.

Так получилось с иллюстрациями Н. Киласония к грузинской народной сказке «Каменный принц». Почти целиком заимствуя композицию и колорит из иконописи, художница населяет небольшие по размеру листы массой персонажей, выписанных с иконописной жесткостью, плоскостью и статичностью. Рассматривать все это для ребенка и утомительно и неинтересно.

От вкуса, удачно найденной художником манеры оформления зависит многое. Иллюстрации Ц. Тереладзе к грузинскому народному эпосу «Амирандарджаниани» не скрывают своей зависимости от грузинской иконописи и фрески. Но этот способ иллюстрирования настолько аналогичен духу, характеру и даже времени создания произведения, что кажется единственно приемлемым и возможным.

Всегда изобретателен в выборе художественных приемов Н. Игнатов. Самой большой удачей художника можно считать оформление сказки «Жадный ювелир» («Накадули», 1970). Оригинальное решение обложки, форзаца и титула с их лаконично скомпонованными натюрмортами вводит читателя в атмосферу народной сказки. Отказавшись от надоевшего приема — расположения иллюстраций на отдельных страницах — и помещая их на разворотах и среди текста, художник добивается большей выразительности и разнообразия в оформлении книги. Обидно, что неряшливое полиграфическое исполнение (несовпадение цветов, сдвигнутость контуров в отдельных местах) портит интелесную работу художника.

Творческие поиски художников детской книги приводят их к заимствованию приемов промышленной графики и рекламного плаката.

Сам по себе факт обращения к приемам рекламного плаката или промышленной графики не несет в себе ничего отрицательного. Но когда эти формы и приемы переносятся механически, без учета задач детской книжной графики, специфики детского образного мышления, то результат получается прямо противоположный тому, о котором думалось художнику.

Так, внешняя броскость и цветность, характерные для рекламного плаката, оказались неоправданными в оформлении сказки Г. - Х. Андерсена «Дюймовочка» («Накадули», 1970), сделанном художником В. Чумбуридзе. В данном случае слишком яркие цветные пятна спорят с рисунком, «съедают», разрушают его. Такое оформление противоречит, наконец, светлomu лиризму андерсеновской сказки.

Недостаточно полно используются художниками детской книги большие возможности, заложенные в черно-белой манере оформления, столь типичной для книги.

Чтобы дошкольника заинтересовали черные, линейные рисунки в книге, они должны быть наделены какими-то особыми качествами, восполняющими отсутствие цвета.

Художники Д. Эристави и Т. Мирзашвили, используя близкие пониманию ребенка приемы игры, создают веселые и остроумные черно-белые рисунки к книге Б. Окуджава «Прелестные приключения» («Накадули», 1970).

Их легкие линии, изящные в своей строгой лаконичности, органично вkomпоновываются в плоскость книжной страницы и шрифта, придавая книге особую занимательность.

В больших возможностях рисунка убеждает нас книга «Красный мак» («Накадули», 1972), изобретательно и оригинально оформленная Тентизом Мирзашвили. Рисунки пером, решенные в два цвета — красный и коричневый, в сочетании с черным шрифтом делают книгу очень нарядной. Секрет успеха художественного оформления книги состоит не только в остроте и ярко выраженном национальном характере самих рисунков, но и в том, с какой выдумкой и как удачно располагаются они на странице.

По-настоящему книжны и линогравюры молодого художника Г. Глонти к сборнику стихотворений А. Каландадзе, к «Песням» Роберта Бернса: чеканность

силуэтов, плотный и глубокий черный тон придают им изысканность и скупаются нарядно на белом фоне листа.

Новые плодотворные тенденции книжного оформления проявились в лучших изданиях «Накадули»: сванский эпос «Гивергил» (художник В. Ониани), грузинская народная сказка «Нацаркекия» (художник Г. Горделадзе), поэма А. Церетели «Торнике Эристави» и Г. Орбелиани «Заздравная» (художник Л. Цуцкиридзе), в которых строгая продуманность конструкции книги в целом сочетается с тщательной разработкой отдельных ее составных частей. Композиции обложек обрели живость: их насыщенная цветовая гамма и броский шрифт придают внешнему оформлению праздничность и яркую декоративность. Переплет, фронтиспис, заставки, концовки и страничные иллюстрации органично связаны с форматом и наборной полосой. Это тот оптимальный вариант, когда художник и художественный редактор (Ш. Долидзе) выступают как единомышленники, успешно решая трудную задачу создания гармоничного книжного ансамбля.

Хочется отметить оформление сборника грузинских народных песенок для детей «Белая курочка» («Детская литература», Москва, 1973). Книга адресована самым юным читателям — дошкольникам. В оформлении ее художник Т. Мирзашвили проявил максимум такта и понимания психологии маленьких читателей-зрителей.

Хотя обложка книги оставляет желать лучшего, внутренний декор своим изяществом компенсирует некоторую вялость решения обложки. В оформлении этого небольшого сборника грузинских народных песенок для детей художнику удалось достигнуть смыслового, стиливого и ритмического единства с текстом.

Задачи, стоящие перед художниками детской книги, ответственны и благородны: воспитывать в детях творческое отношение к миру, художественный вкус и любовь к прекрасному.

Только полнокровный художественный образ может задеть детское внимание, запомниться, дать толчок фантазии ребенка. И хотя жизнь детской книги непродолжительна, но настоящее, большое искусство, труд художника надолго оставляют след в памяти и воображении ребенка.

«НА РУБЕЖЕ»

«... **В** ЕЛИЧЕСТВЕННАЯ природа Грузии и романтическая мягкость ее народа — именно эти две силы дали мне толчок, который сделал из бродяги — литератора», — писал М. Горький. Жизненный путь писателя был тесно связан с Грузией, которую он считал своей второй родиной. Тифлис был тем городом, где он начал литературную работу. Следовательно, нельзя не считать справедливым утверждение многих исследователей жизни и творчества Горького, что пребывание в Тбилиси стало для писателя «целой эпохой», что именно здесь он в основном «получил тот закал и ту душевную ясность, которые определили его жизненный путь», — как писал И. Груздев и отмечали многие другие исследователи.

И хотя уже существует богатейшая литература о связях Горького с Грузией, каждая новая удачная книга на эту тему вызывает огромный интерес.

Связи великого писателя с Грузией столь разнообразны, что в каждой новой работе раскрываются новые и неожиданные аспекты. Тема эта и историко-литературная, и историко-революционная по своему содержанию одновременно посвящается ярким страницам русско-грузинских литературных взаимосвязей.

Книга литературоведа Б. А. Пирадова «На рубеже» (Тбилиси, 1975, издательство «Мерани») рассматривает и анализирует связи М. Горького с Грузией в двух основных планах — биографическом и историко-революционном. Все материалы, опубликованные в ней, тесно связаны с творчеством писателя, раскрывают его духовный мир.

Автор привлекает как известные, так и многие не известные ранее и архивные документы, газетные статьи, рецензии, воспоминания, письма, знакомящие читателя с широким кругом людей, встречавшихся с молодым Горьким, среди которых рабочие, представители грузинской интеллигенции, бесстрашные революционеры — организаторы первых в

Грузии марксистских нелегальных кружков.

Перед читателем проходит целая галерея людей, тесно связанных с Горьким в ту пору. Среди них Л. Кецохели, Ф. Махарадзе, М. Цхакая, Л. Красин, Ф. Афанасьев, А. Церетели, Э. Ниношвили, В. Берви-Флеровский, Н. Флеров, А. Каложный и многие другие. Краткие и меткие характеристики, архивные документы раскрывают горьковское окружение в Грузии тех лет.

Именно подобные связи, как это доказывает Б. Пирадов, помогли Горькому тогда постигать закономерность исторического процесса и синтезировать свои наблюдения над событиями, происходившими на рубеже двух веков — конца XIX и начала XX.

«Право ж — настало время нужды в героическом: все хотят возбуждающего, яркого», — писал М. Горький в январе 1900 года в одном из своих писем к А. П. Чехову (Собр. соч. в 30 томах, М., 1954, т. 28, стр. 113).

И действительно, в этих словах выражен один из важнейших идейно-эстетических принципов, за утверждение которых боролся Горький в течение всей своей жизни.

Отображение этого подвига, совершаемого во имя переустройства и обновления общественной жизни, стало основным мотивом его произведений. Яркие примеры подобных подвигов писатель замечал и в Грузии, знакомясь с ее прошлым и настоящим.

Как указывается в новой книге, на заре творческих исканий, в первых стихотворных опытах Горький выражал свое стремление к свободе, свой оптимизм, светлую веру в будущее, а все это, в свою очередь, будило волю к действию, к борьбе у всех, кто был знаком с ним лично или знал его быстро ставшие весьма популярными произведения. Образы горьковских стихотворений, легенд, рассказов получали огромный резонанс в мире, во всей России и, разумеется, в Грузии. Об этом говорят приведенные в книге многочисленные факты и примеры.

В этой же новой работе наиболее отчетливо выражается та плодотворная линия, которая наметилась в последние годы при разработке общей проблемы о связях М. Горького с культурами и литературами различных народов СССР, как проблемы, изучающей литературное сотрудничество этих народов.

Эта концепция углубляет ту мысль, что при всей своей самобытности творчество М. Горького не могло избежать плодотворного воздействия на него культуры и литературы этих народов, а в особенности тех, с которыми он знакомился во время своих скитаний по стране.

Таковы были и его связи с культурой грузинского народа и с той конкретной исторической обстановкой, в которой он оказался в Грузии. Творческое взаимообогащение и взаимовлияние характерны для связей писателя с грузинской общественностью. Ищущая мысль его, художественная интуиция, огромная масса впечатлений, полученных в Грузии, способствовали этому процессу.

Все это раскрывается на фоне истории трех поездок М. Горького в Грузию — в 1898, 1900 и 1903 годах. Материал разбит на четыре главы: «У истоков творчества М. Горького», «Следствие по делу Федора Афанасьева», «Арест М. Горького» и «В начале века».

Такая архитектура книги позволяет автору использовать самый разнообразный материал, в том числе и мемуарный. Так, например, в связи с отмечавшимся 70-летием со дня начала литературной деятельности М. Горького летом 1962 года приехали в Грузию вдова писателя — Екатерина Павловна Пешкова (в возрасте 86 лет, скончалась в 1965 г.) и невестка — Надежда Алексеевна Пешкова, позднее супруга акад. И. К. Луппола (См. нашу книгу «Русствовология», Тбилиси, 1970, стр. 299—300; на груз. яз.). Их принимали и сопровождали в поездке по тем местам Тбилиси, где бывал М. Горький, Г. Н. Леонидзе, Г. Ш. Цицишвили, Б. А. Пирадов и автор настоящих строк.

Известно, что М. Горький объездил почти всю Грузию — он не раз следовал по Военно-Грузинской дороге, останавливался в Казбеге, Ананури, Мцхета, Тбилиси. В Каргли бывал в Гори, Уплис-Цихе, Сурами; в Месхети — в Боржоми, Ахалцихе, Ахалкалаки, Абастумани; через Зекарский перевал — в Имеретию — в Багдади. Здесь он встретился с отцом В. Маяковского. Затем был в Кутаиси, посетил Моцамети и Гелати, в Абхазии — Батуми, в Абхазии — Сухуми, Очамчире, Гудаута и другие места.

Мы тогда были увлечены рассказами Е. П. Пешковой и ее невестки о том, как Горький любил Грузию, дружил с

грузинскими деятелями, высоко ценил нашу культуру, интересовался народной музыкой и т. д. И неслучайно, когда он приехал из заграницы в СССР, он отправился с сыном в Тбилиси (1928 г.; см. газету «Вечерний Тбилиси» от 28 апреля 1961 г., стр. 3).

Б. А. Пирадову, со слов Е. П. Пешковой, удалось записать в Тбилиси и в Москве ее воспоминания о местах, где М. Горький бывал в Грузии вместе с ней, о тех, с кем они встречались.

Этот интереснейший материал частично публиковался Б. Пирадовым, раньше («Литературная Грузия», № 3, 1963), а более широко использован в новой книге.

Значение исследования Б. Пирадова о первых поездках М. Горького в Грузию возрастает еще и оттого, что оно снабжено обширным научно-справочным аппаратом — многочисленными ссылками на источники, богато иллюстрировано фотоснимками, нередко уникальными.

Эта книга является как бы продолжением ранее изданной работы того же автора («У истоков творчества Максима Горького», Тбилиси, 1957), в которой было рассмотрено значение первого приезда М. Горького в Грузию в 1891 — 1892 гг. Написана она живо, красочно и порою заставляет читателя забывать, что перед ним литературоведческое исследование, а не историко-литературная повесть. Великий писатель предстает в ней в самых различных человеческих проявлениях, а для тех, кто знал его лично, книга оживляет ранние впечатления, пробуждает воспоминания. Я, неоднократно видевший живого М. Горького, очень остро почувствовал это.

Мне довелось видеть М. Горького в 1928 году в Тбилиси, в 1935 году в Москве, когда он выступал с докладом «О культуре» и когда пригласил Грузинский государственный этнографический хор народных певцов на свою дачу в Горках, где у него в это время гостили знаменитый французский писатель Ромен Роллан. Тогда они оба были в восторге от грузинских народных песен и танцев, в особенности от выступления женского ансамбля чонгуристов.

Наконец, автор этих строк был среди тех, кто провожал Горького в последний путь. Я помню, с какой великой скорбью устанавливали его урну в Кремлевскую стену на Красной площади. После прощания с В. И. Лениным Москва не знала таких торжественных похорон.

Интересная книга Б. А. Пирадова не лишена, к сожалению, и отдельных незначительных недочетов. Несмотря на ряд фактов, подчеркивающих целеустремленность революционной работы, которую проводил М. Горький в Грузии, она кажется нам все же несколько пре-

увеличенной. Было бы не лишним отметить факт, когда М. Горький взял под защиту творчество грузинского писателя и общественного деятеля Чола Ломтатидзе, неправильно оцениваемое рапповской критикой в тридцатые годы. Зная его, выдающийся писатель справедливо сказал: «Очень способный писатель был Чола Ломтатидзе... Я ведь печатал его произведения в «Летописи»

(см. Г. Цицишвили «Чола Ломтатидзе»; Тбилиси, 1972, стр. 12).

В целом же книга, рассказывающая о связях М. Горького с грузинской общественностью и раскрывающая малоизвестные страницы биографии писателя, представляется безусловно ценной и интересной.

Иосиф МЕГРЕЛИДЗЕ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

«ПРОЩАЙТЕ, ДРЕМУЧИЕ ЛЕСА!»

В МОСКВЕ, в издательстве «Советский писатель» вышел в свет роман Давида Квициридзе «Прощайте, дремучие леса!». Он посвящен героической борьбе и бессмертному подвигу советских людей, сражавшихся против немецко-фашистских захватчиков. Действие романа происходит в Белоруссии, его герои — боевые соратники писателя, служившие рядом с ним, освобождая от оккупантов священную советскую землю. Многие из бывших

партизан продолжают до сих пор поддерживать дружеские отношения с Давидом Квициридзе. Недавно писатель получил письмо от москвича А. Бардадына — видного участника партизанского движения в Белоруссии. Он горячо благодарил Д. Квициридзе за ярко написанное произведение о народных мстителях.

Книга вышла на русском языке в авторизованном переводе Г. Миндадзе.

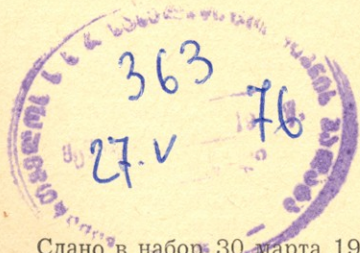
«ТРЕТИЙ ДОЛЖЕН УЙТИ...»

ПОВЕСТЬ Левана Мачаидзе «Третий должен уйти...» рассказывает о романтике трудовых будней советских моряков, работающих вдали от родных берегов, о людях, с которыми писатель породнился во время работы на одном из судов в качестве первого помощника капитана. В повести рассказывается о многих интересных событиях, происходящих на суше и на море, уводящих читателя в увлекательный мир путешествий.

Вот что пишет об этой книге Л. Мачаидзе старейшая советская писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян:

«Прочитала повесть с большим, настоящим удовольствием. Она чистая, честная, нужная, создающая атмосферу советской гуманности, полезная особенно для молодых читателей... В ней очень много познавательного даже для таких стариков, как я, уж не говоря о том, что читается повесть с большим увлечением...».

Повесть «Третий должен уйти...» написана в виде дневниковых записей. Это придало ей большую достоверность и документальность. Книга вышла в свет в издательстве «Мерани».

Сдано в набор 30 марта 1976 года. Подписано к печати 13 мая 1976 года.
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 80×108¹/₁₆.

Зак. № 1216

Тираж 5.200

УЭ 05761

На Восьмом съезде советских писателей Грузии

В зале заседаний VIII съезда писателей Грузии. С докладом выступает председатель Союза писателей Грузии Григор АБАШИДЗЕ.

Фото А. Вацьяна

26-1976.

76-363

ბიბლიოთეკის
სიგნიფიკანსი

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა.